

Священномученик Василий Кинешемский

Беседы на Евангелие от Марка

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=435575

Беседы на Евангелие от Марка: Сибирская Благовонница; М.; 2010

ISBN 978-5-91362-265-5

Аннотация

Как трудно подчас нам оценить всю глубину Слова Божия без мудрого пастыря и наставника. Одним из таких мудрых наставников является священномученик-исповедник, истинный подвижник, епископ Василий Кинешемский (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский). Главной своей архипастырской задачей он ставил православное просвещение. Всесторонне и глубоко исследовав Священное Писание, он избрал предметом своих размышлений Евангелие от Марка. Священномученик Василий Кинешемский рассматривает его в качестве духовно-нравственной основы бытия человеческой личности. Поэтому эта книга получилась своеобразным учебником духовной жизни христианина.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	56
Глава 5	70
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Святитель Василий Кинешемский

Беседы на Евангелие от Марка

Святитель Василий (Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1876 году в г. Кинешме Костромской губернии в семье священника.

Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, Вениамин для более углубленного изучения европейской культуры уехал в Англию и 1910–1911 годы прожил в Лондоне. После возвращения в Россию он поступил преподавателем иностранных языков и всеобщей истории в Миргородскую мужскую гимназию. В 1914 году Вениамин переехал в Москву и устроился преподавателем латинского языка в Петровской гимназии. Преподавание настолько его увлекло, что он окончил педагогический институт, приготовившись окончательно к профессии педагога. Но Господь распорядился иначе.

Однажды, приехав в гости к родителям в Кинешму, Вениамин уговорился с друзьями покататься на лодке по Волге. Уже далеко от берега лодка внезапно перевернулась. Вениамин взмолился, прося Господа сохранить ему жизнь, обещая посвятить себя служению Православной Церкви. В этот момент он увидел толстую длинную доску и, ухватившись за нее, выплыл.

В 1920 году, в возрасте 45 лет, Вениамин был рукоположен в священника, а через год принял монашеский постриг с именем Василий и был поставлен во епископа Кинешемского.

Многие еще при жизни святителя Василия знали его как истинного подвижника, угодника Божия. Жизнь он вел простую и скромную, к богослужению относился с величайшим благоговением. Проповеди святителя собирали множество людей. Основной своей архипастырской задачей он ставил православное просвещение.

Когда разразился в Нижнем Поволжье голод и оттуда стали вывозить детей-сирот в детские дома, он в проповедях призывал прихожан взять этих детей к себе, и сам, подавая пример, снял дом, в котором поселил пять девочек и приставил к ним воспитательницу – благочестивую христианку. По его молитвам совершались чудеса исцелений как от душевных, так и от телесных недугов.

В 1923 году святитель Василий был арестован и сослан в Зырянский край, где пробыл до 1925 года. По возвращении владыки из ссылки церковь в Кинешме начала быстро расти и укрепляться. Гражданские власти, обеспокоенные, потребовали, чтобы епископ покинул город.

После двух лет скитаний, в 1928 году, он был вновь арестован, полгода провел в тюрьме и был приговорен к трем годам ссылки. Вернувшись из ссылки, владыка два года провел в Орле, откуда власти выслали его в Кинешму. Сразу же по приезде он и его келейник, верно сопровождающий ему во всех этих переносимых от безбожных властей гонениях, были заключены в тюрьму. Хотели приговорить их к смерти, но не нашли за что. На пять лет их заключили в лагерь: святителя Василия в лагерь, находящийся неподалеку от Рыбинска, его келейника – под Мурманск.

По окончании срока лишь два года пробыл уже стареющий епископ на свободе. Снова арест: сначала Ярославская тюрьма, затем Бутырская в Москве. После 8 месяцев заключения – 5 лет ссылки в Красноярский край, в село Бирилюссы.

31 июля 1945 года святитель скончался. При жизни он завещал, чтобы его останки были перенесены на родину, но в те годы это было невозможно. Однако 5(18) октября 1985 года святые мощи его были найдены и перевезены в Москву. В августе 2000 года свт. Василий был причислен к лику святых Русской Православной Церкви. «Беседы на Евангелие от Марка» святителя Василия, впервые изданные в наше время, вошли в золотой фонд русской христианской литературы.

Глава 1

Глава 1, ст. 1-13

Евангелие – слово греческое. В переводе на русский язык означает «благая весть».

Благая весть! Как это оценить?

Где-нибудь далеко-далеко в холодной, негостеприимной чужбине, быть может в суровом вражеском плену, томится дорогой вам человек. Вы ничего о нем не знаете. Пропал – как в воду канул. Где он? Что с ним? Жив ли? Здоров? Быть может, обнищал, нуждается во всем... А кругом холодные, равнодушные чужие люди... Ничего не известно. Томится сердце, тоскует. Хоть бы одно слово: жив или нет? Никто не знает, никто не скажет. Ах, какая тоска! Господи, пошли весточку!

И вот в один прекрасный день стучатся в двери. Кто там? Почтальон принес письмо! От кого? Боже правый... Неужели? Да, да... На обороте письма знакомый милый почерк: неправильные крупные буквы, его почерк. Весточка от него. Что он пишет? Вы торопливо разрываете конверт и читаете с замиранием сердца. Слава Богу! Все хорошо: он жив, здоров, всем обеспечен, собирается приехать на родину... Сердце наполняется благодарной радостью.

Господи! Как Ты милостив! Ты не забыл, Ты не оставил, Ты не отверг убогой молитвы! Как благодарить Тебя, Создатель?

Таково впечатление от благой вести. Но в личной жизни это выглядит сравнительно слабо.

Почему же Евангелие называется Евангелием? Почему оно является благою вестью?

Это весточка из потустороннего мира на грешную землю. Весть от Бога страдающему, томящемуся во грехе человеку; весть о возможности возрождения к новой, чистой жизни; весть о светлом счастье и радости будущего; весть о том, что все уже для этого сделано, что Господь отдал за нас Своего Сына. Человек так долго, так страстно, так тоскливо ждал этой вести.

Послушайте, я расскажу вам немного о том, как жили люди до прихода Спасителя, как они томились и напряженно ждали весточки, которая указала бы им новый, светлый путь и выход из грязного болота порока и страсти, в котором они барахтались, и вы поймете, почему с такой восторженной радостью они встретили эту весть, почему называли ее благой и почему для человека не было и не могло быть другой, более радостной, более благой вести, чем Евангелие.

Весь мир перед тем временем, когда должен был прийти Спаситель, стонал в железных тисках Римского государства. Все земли, расположенные вокруг Средиземного моря и составлявшие тогдашний европейский цивилизованный мир, были завоеваны римскими легионами. (Говорить о жизни человечества того времени это значит говорить почти об одном Риме.) Это был расцвет римского могущества, эпоха Августа. Рим рос и богател. Все страны слали свои дары сюда или в качестве дани, или как товары торговли. Несметные сокровища собирались здесь. Недаром Август любил говорить, что он превратил Рим из каменного в мраморный. Неимоверно богатели высшие классы – патриции и всадники. Правда, народ от этого не выигрывал и под золотой мишурой внешней пышности империи таилось много горя, нищеты и страданий. Но, как ни странно, и высшие богатые классы не чувствовали себя счастливыми. Богатство не спасало их от уныния, хандры и порой от тоски

отчаяния. Наоборот, этому содействовало, рождая пресыщенность жизнью. Посмотрим, как жили тогдашние богачи.

Роскошная беломраморная вилла... Изящные портики, между стройными колоннами расположены статуи императоров и богов из белоснежного каррарского мрамора резца лучших мастеров. Роскошные мозаичные полы, по которым из дорогих цветных камней выложены затейливые рисунки. Почти посредине большой центральной комнаты, служащей для приемов (так называемый атриум), – квадратный бассейн, наполненный кристальной водой, где плещутся золотые рыбки. Его назначение – распространять приятную прохладу, когда воздух раскален зноем южного дня. На стенах – позолота, фресковая живопись, причудливо переплетающиеся орнаменты густых тонов. В семейных комнатах – ценная мебель, позолоченная бронза, на всем убранстве лежит печать богатства и изящного вкуса. В надворных постройках – масса обученных рабов, всегда готовых к услугам хозяина. Так и чувствуется по всему, что нега, лень и наслаждение свили здесь себе прочное гнездо.

Амфитрион (хозяин дома), римский всадник с жирным двойным подбородком, с орлиным носом, гладко бритый, готовится к вечернему пиру. В этом доме пиры почти ежедневно. Громадное состояние, нажитое на откупках, позволяет тратить на это колоссальные суммы. Он занят сейчас в своей домашней библиотеке: надо выбрать поэму для развлечения гостей. Медленно и лениво своими пухлыми руками, украшенными тяжелыми золотыми перстнями с самоцветными камнями, перебирает он футляры, где хранятся драгоценные свитки фиолетового и пурпурного пергамента, на котором золотыми литерами переписаны последние новинки римской поэзии. Его губы брезгливо сжаты: все это ему не нравится. Все так плоско, неинтересно, так приелось!

В соседней большой комнате суетится и бегают целая толпа рабов разных оттенков кожи: белые голубоглазые свевы, желтые смуглые фригийцы и персы, черные арапы и негры. Приготавливают столы и лежа для гостей. Их будет немного, только избранные друзья, человек тридцать. Но тем более надо все приготовить для них и угостить как можно лучше...

Пир в разгаре. За длинными столами на лежах, покрытых виссонными тканями и дамасскими коврами, возлежат гости в легких туниках, с розовыми и померанцевыми венками на головах. Столы уставлены яствами и фиалами с драгоценным вином. Прошла уже тридцать пятая перемена блюд. Только что убрали жирную тушу жареного кабана, и маленькие невольники, прелестные мальчики с завитыми кудряшками, в прозрачных розовых и голубых туниках, разносят расписные кувшины с розовой водой для омовения рук гостей. Смешанный говор стоит в зале. Гости уже достаточно подвыпили: глаза блестят, лица покраснелись, а рослые арапы еще вносят громадные амфоры дорогих фригийских и фалернских вин, предлагая желающим наполнить опустошенные кубки.

Несмотря на знойный вечер, в комнате прохладно: по углам бьют фонтанчики и журчат ручейки душистой воды, наполняя воздух благоуханием. Откуда-то сверху, как крупные хлопья снега, медленно падают лепестки роз и жасминов, покрывая все в комнате ароматным ковром. Откуда-то издали доносятся тихие звуки грустной музыки: стонет свирель, журчащими каденциями рассыпается арфа и томно воркует лютня.

А гостям подают тридцать шестую перемену: жареные соловьиные язычки с пряным восточным соусом – блюдо, стоившее невероятных денег.

Это был какой-то культ чрева и обжорства. Ели с внимательной торжественностью, по всем правилам гастрономии, точно совершая священный обряд; ели медленно, бесконечно долго, чтобы продлить наслаждение насыщения. А когда желудок был полон и не вмещал больше ничего, принимали рвотное, чтобы освободить его и начать снова.

В пиршественной зале появляется домашний поэт амфитриона, один из бесконечной толпы его прихлебателей. Под звуки лютни он декламирует стихи собственного сочинения. Его сменяют мимы и танцовщики. Начинается дикая, сладострастная вакхическая пляска.

Но хозяин по-прежнему невесел. На его лице скука, пресыщение. Все надоело! Хоть бы что новое изобрели! А то каждый раз одно и то же!

За новые развлечения, за изобретение удовольствий платили большие деньги. Но трудно было изобрести что-нибудь новое, достаточно сильное, чтобы возбудить притуплённые нервы. Неизбежная скука надвигалась, как болотный туман, полный душливых миазмов. Пресыщенная жизнь переставала быть жизнью.

Один из первых богачей того времени, сам император Тиверий, представляет едва ли не самый печальный образец этой пресыщенной скуки. Он – на острове Капри в чудной мраморной вилле; кругом плещутся лазурные волны Неаполитанского залива; дивная, яркая южная природа улыбается ему и говорит о счастье и радости жизни, а он пишет сенату: «Я умираю каждый день... и зачем живу – не знаю».

Так жила римская знать, праздная, пресыщенная, потерявшая вкус к жизни, неудовлетворенная ни своим богатством, ни своим могуществом.

Народ, или, вернее, городской класс, та толпа, которая наполняла улицы Рима, вряд ли чувствовала себя вполне счастливой. Правда, и здесь жизнь с внешней стороны могла казаться иногда праздником. Те золотые потоки богатства и роскоши, которые стекались в Рим со всех стран, хотя и в небольшой степени, но достигали и римской черни. От императора и сановных патрициев в дни торжественных событий и фамильных праздников выпадали иногда значительные подачки. Нередко практиковалась даровая раздача хлеба. Римские граждане, кроме того, могли торговать своими голосами при выборах в сенат или на муниципальные должности.

Для толпы устраивались в цирках и театрах даровые великолепные зрелища. Все это создавало условия легкой, праздной жизни и привлекало из провинции массы празднующегося люда. Мало-помалу в Риме и других больших городах скопились громадные толпы людей праздных, беспокойных, ленивых, привыкших жить за государственный счет, единственным желанием и постоянным воплем которых было: «Хлеба и зрелищ!»

Но, выплачивая этой толпе подачки из своих колоссальных богатств, император и римская знать относились к ней с нескрываемым презрением и варварской жестокостью. Случалось иногда в цирках, где преобладали кровавые зрелища гладиаторских боев и травли людей дикими зверями, все жертвы, предназначенные для зверей, были растерзаны, а жажда крови и в зверях, и в зрителях еще не была насыщена. Тогда император приказывал выбросить на арену к зверям несколько десятков бесплатных зрителей из простонародья, заполнявших амфитеатр. И это приказание исполнялось при громком хохоте и рукоплесканиях знати.

Однажды накануне конских скачек, в которых должен был принять участие великолепный породистый жеребец одного знатного сенатора, громадная толпа любопытных зевак окружила стойло знаменитого скакуна, чтобы полюбоваться на него. Чтобы разогнать любопытную толпу, нарушавшую покой благородного животного, сенатор приказал своим рабам высыпать на зевак несколько больших корзин, полных ядовитых змей.

Эти маленькие иллюстрации показывают, насколько необеспеченна и непривлекательна была жизнь граждан этого класса, несмотря на внешний покров кажущейся легкости и беззаботности.

Если по общественной лестнице мы спустимся еще ниже, в класс рабов, то здесь мы найдем только непрерывные страдания и беспросветное горе. Раб не считался даже человеком. Это был просто инструмент, вещь, хозяйственная принадлежность. Убить, изувечить раба хозяин мог вполне: за это он ни перед кем не отвечал, как не отвечал за сломанную лопату или за разбитый горшок.

Жизнь рабов была ужасна. Если бы мы могли прогуляться вечером по улицам Рима того времени, то, наверное, услышали бы тяжелые стоны, плач и глухие удары, несущиеся из подвалов богатых домов, где содержались рабы, – там происходила обычная вечерняя экзе-

куция рабов за дневные провинности. За малейшую оплошность их наказывали жестоко: били бичами или цепями до потери сознания. Зажимали шею в расщепленное полено и в таком положении оставляли на целые дни. Ноги забивали в колодки. Однажды во время приема императора Августа в доме известного богача того времени, Мецената, раб разбил нечаянно дорогую вазу. Меценат приказал бросить его живым в бассейн на съедение рыбам-муренам. На ночь рабов связывали попарно и сажали на цепь, наглухо приклепанную к кольцу, ввинченному в стену. А днем их ожидала бесконечная, одуряющая, изнурительная работа под бичом надсмотрщика, почти без отдыха. Если доведенные до отчаяния рабы поднимали бунт против своего господина, их распинали на крестах – казнь, считавшаяся самой позорной и мучительной. Когда раб становился стар или выбивался из сил и не мог более работать, его увозили на маленький необитаемый островок среди Тибра, где и бросали, как падаль, на произвол судьбы.

Таким образом, во всех классах римского общества жизнь была тяжелая, безрадостная, гнетущая: пресыщенность жизнью, скука, разочарование в высшей знати, несправедливое угнетение, страдания в низших слоях. Искать радости, успокоения, утешения было негде. Языческая религия не давала человеку никакого облегчения. В ней не было той благодатной таинственной силы, которая одна только может успокоить, ободрить и укрепить страждущее сердце и томящийся дух. Кроме того, римская религия времен пришествия Христа Спасителя очень многое заимствовала из восточных культов, полных сладострастия и распутства. В безумных, беспутных оргиях Востока можно было найти опьянение, временное забытие, но после этого скорбь становилась еще острее, отчаяние еще глубже.

Языческая философия также не могла удовлетворить человека, так как она учила только о земном счастье и не освобождала мятущийся дух от оков мира и материи. Два направления господствовали в тогдашней философии: эпикурейство и стоицизм. Эпикурейцы говорили: наука быть счастливым состоит в том, чтобы создавать для себя приятные ощущения; всякое излишество влечет за собою болезненные ощущения, поэтому нужно быть умеренным во всем, даже в наслаждениях, но эта умеренность, равно как и сама добродетель, не составляет цели для человека, а служит лишь наилучшим средством к наслаждению. Стоики брали лучшие стороны в человеке. Ты свободен, говорили они, значит, ты единственный господин себе. Воля твоя должна вполне принадлежать тебе; счастье заключается в господстве над самим собою. Скорби, гонения и смерть для тебя не существуют: ты всецело принадлежишь себе и никто не отнимет тебя у тебя самого, а это все, что нужно мудрецу.

Чего не доставало философии это божественного элемента. Тот бог, которого они называли природою, не имеет никаких преимуществ перед богами, провозглашенными языческой религиею и мифологическими сказаниями. Бог философов не живой, личный Бог, а судьба, неумолимая и слепая, под ударами которой человек впадает в отчаяние и погибает.

Кроме того, философия была совершенно недоступна народному пониманию и составляла удел лишь небольшого числа избранных мудрецов. Поэтому искать в ней утешения масса не могла.

Можно было бы ожидать, что указания нового пути и средства возрождения жизни найдутся в иудейском народе – единственном народе, сохранившем истинную религию и возвышенные понятия о Боге и жизни. Но иудейство само переживало тяжелый кризис. Вряд ли когда в истории еврейского народа встречаются более темные страницы религиозного и нравственного упадка, чем в период, предшествовавший явлению Христа Спасителя. Когда читаешь пророческие книги и суровые речи пророков, обличавших еврейскую жизнь, рисуется тяжелая, мрачная картина.

Вот ряд выдержек из книг пророка Исаии, изображающих безотрадное нравственно-религиозное состояние израильского народа того времени, его неблагодарность и измену Богу, его неверие, его разврат, его жестокость и вопиющую несправедливость.

Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает [Меня], народ Мой не разумеет. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, – повернулись назад (1, 2–4). Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. ...Князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них(1, 21, 23).

И в народе один будет угнетаем другим, и каждый – ближним своим... Язык их и дела их – против Господа, оскорбительны для очей славы Его... Народ Мой! возжди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили (3, 5, 8, 12).

Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (6, 10).

...О юношах его не порадуется Господь, и сирот его и вдов его не помилует: ибо все они – лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечестиво (9, 17). ...Священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждении спотыкаются. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет чистого места (28, 7, 8).

...Это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня (30, 9). Беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас, чтобы не слышать. Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши – беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступает за истину; надеются на пустое и говорят ложь, начинают зло и рождают злодейство... Дела их – дела несправедливые, и насилие в руках их. Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их – мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их. Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира. Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, вот тьма, – озарения, и ходим во мраке... Ибо преступления наши многочисленны пред Тобою, и грехи наши свидетельствуют против нас; ибо преступления наши с нами, и беззакония наши мы знаем. Мы изменили и солгали пред Господом, и отступили от Бога нашего; говорили клевету и измену, зачинали и рождали из сердца лживые слова. ...И честность не может войти. И не стало истины, и удаляющийся от зла подвергается оскорблению (59, 2–4, 6–9, 12–15).

Таким образом, и здесь, среди избранного народа Божия, та же картина нравственного мрака и разложения.

Зло сгушалось повсюду. В этой атмосфере бесправия и насилия, обмана и лицемерия, неверия и суеверия, разврата и погони за наслаждениями становилось трудно дышать. Мир, поработанный римской политикой, униженный и доведенный до отчаяния ложными религиями, тщетно вопрошающий философию о тайне жизни и добродетели, этот мир стоял на краю могилы.

Само иудейство, изменившее своему предназначению, находилось при последнем издыхании. Никогда еще не было более критического момента в истории человечества. Чувствовалось, что человечество зашло в тупик и без посторонней помощи Кого-то Великого и Сильного выйти оттуда не может. И вот среди лучших людей того времени все упорнее и

напряженнее становится ожидание появления Великого Пророка, который укажет человеку новые пути и спасет мир от гибели и разложения.

В иудействе это ожидание существовало уже давно и питалось предсказаниями пророков, но и вне иудейства в лучших людях языческого общества чувствуется трепетное ощущение и страстное желание пришествия Спасителя и Избавителя мира. Весь мир находился в напряженном состоянии, и в эту-то великую и торжественную минуту рождается Господь Иисус Христос и проповедует людям Свое Евангелие, это Откровение новых путей возрождения и истинной жизни.

Это откровение было тою вестью Неба, которая выводила людей из тупика греха и отчаяния и которую так страстно и так напрасно ожидало человечество. Вот почему оно и было названо *благою вестью*, или Евангелием.

Но и теперь, когда столько веков прошло после появления Евангелия, оно не утратило своего значения и по-прежнему является для нас благою вестью, говорящей нам о высокой, чистой, святой жизни; по-прежнему, как маяк в бурную темную ночь, оно показывает нам единственный верный путь к вечному счастью и к Богу.

Где этот путь? Язычество и почти весь древний мир искали его в служении своему самолюбию, в самоугождении, в самоуслаждении. Личный эгоизм язычества, национальный эгоизм еврейства – вот те краеугольные камни, на которых люди древности хотели построить здание своего счастья. Они не построили ничего, и их опыт доказал только то, что избранный ими путь ложен и ведет не в чертоги счастья, а в трясину отчаяния.

Евангелие наметило новый путь: самоотречение.

Уже первая крупная фигура, появляющаяся в евангельской истории по Марку, фигура Иоанна Крестителя, обвеяна этим новым духом.

Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. ...Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед (Мк. 1, 4, 6).

Всем своим видом он как бы говорил слушателям: «Не в богатстве, не в роскоши, не в человеческой славе, не в земном могуществе надо искать пути к Богу и к счастью. Все это ложь, обман, призрак! Пустыня лучше царских чертогов, ибо ее вечная тишина и однообразие не развлекают ум и позволяют всецело погрузиться в созерцание дел Божиих и Божия величия. Власяница лучше тонких тканей и дорогих одежд, ибо она не разнеживает тела, но, изнуряя его, делает покорным рабом духа. Скучная пища пустыни лучше изысканных яств, ибо она не будит в человеке сладострастия и похоти. Суровая жизнь среди природы лучше праздного, ленивого существования богачей, ибо она закаляет волю для подвига. Отречение от мира лучше привязанности к миру, ибо ничем не связанный, свободный духом человек может служить Богу всем существом своим».

И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне (Мк. 1, 5), ожидая найти в Иоанне давно желанного пророка, Спасителя мира. Но это был только Его предтеча.

Сильнейший его шел за ним.

Глава 1, ст. 14-34

Евангелист Марк почти всегда изображается со львом. Это его эмблема. Эмблема власти, силы, царственного величия. В ореоле этой силы и величия хотел евангелист изобразить Господа Иисуса Христа. Вот почему ему присвоена эта эмблема. Действительно, в повествовании святого Марка личность Господа Иисуса Христа особенно часто и ярко выступает с этими чертами – Божественного величия и духовной силы.

В первой же главе Евангелия несколько раз отмечаются эти черты. Властное правдивое слово Господа Иисуса Христа, чуждое заискивания и угодничества: *И дивились Его учению,*

ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники. Книжники искали только успеха и славы и, чтобы заслужить рукоплескания толпы, часто льстили ее страстям и оправдывали ее предрассудки. Господь был чужд этой слабости.

Его спокойная, уверенная власть над злыми духами: *Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотряси его и вскричав громким голосом, вышел из него.*

То необыкновенное впечатление, которое производило проявление Его силы на зрителей: И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?

Его громадная сила исцелений, действующая моментально и врачующая радикально: *Теща же Симонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.*

Многосторонность этой целительной силы, излечивавшей самые разнообразные болезни: *При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых... И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов.*

Таким образом, уже в приведенных немногих стихах Господь Иисус Христос является перед людьми как необыкновенный пророк, *сильный в деле и слове* (Лк. 24, 19).

Его сила действительно необыкновенна. Она сказывается во всем. В Его словах, в Его поступках и больше всего в Его влиянии на других людей. Ему достаточно только сказать Симону и Андрею, рыбакам: *идите за Мною!* И они тотчас, оставив свои сети, следуют за Ним (ст. 18). Достаточно призвать братьев Зеведеевых, Иакова и Иоанна, занятых починкой сетей, и они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, идут за Ним (ст. 20). Обаяние личности Господа Иисуса Христа, та духовная сила, которая неотразимо привлекает к Нему сердца чистых и честных людей, громадна.

Мы не ставим здесь вопроса, в чем секрет этой силы. Для нас драгоценно другое замечание Спасителя в Евангелии от Иоанна, где он обещает Своим последователям, что каждый из них может приобрести эту духовную силу. *Верующий в Меня, – говорит Он, – дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Какое великое обетование!

Иметь силу, какую имел Христос! Силу, которой не выдерживают и страшатся демоны! Бороться с ними и побеждать, очищая свою жизнь и свою душу от их ядовитого, глетворного влияния, постоянно омрачающего путь к совершенству! Более того: привлекать и других людей к Господу Иисусу Христу, делать и других участниками вечного блаженства! Разве это не великая радость и счастье?

Но как приобрести эту силу?

Строго говоря, все учение Господа Иисуса Христа является ответом на этот вопрос. Евангелие в последовательных повествованиях вскрывает перед нами тот длинный и трудный путь, которым должен пройти верующий, чтобы исполнить завет Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Великая духовная сила, которую Господь обещает верным Своим ученикам, приобретается лишь в конце того пути, на высших ступенях совершенства. Но первую ступень, первый шаг, который должен для этого сделать человек, совершенно определенно отмечают слова данного отрывка: *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Этим начинается проповедь Спасителя. Об этом же проповедовал Его великий Предтеча. С этого должен начинать всякий человек, вверивший себя руководству Господа Иисуса Христа.

Как первый шаг и как обязательное условие возможности совершенствования требуются два усилия воли: 1) *покайтесь!* и 2) *веруйте в Евангелие!*

Мы знаем, что покаяние в глубоком смысле этого слова не есть простое сокрушение о грехах или отвращение к своему греховному прошлому, еще менее означает оно формальную исповедь: смысл слова гораздо глубже. Это решительный перевод жизни на новые рельсы, полная перестановка всех ценностей в душе и сердце, где при обычных условиях на первом месте стоят мирские заботы и цели временной, преимущественно материальной жизни, а все высокое и святое, все, что связано с верой в Бога и служением Ему, оттеснено на задний план. Человек не отказывается совсем от этих высоких идеалов, но вспоминает о них и служит им украдкой, боязливо, в редкие минуты духовного просветления. Покаяние предполагает коренную перестановку: на первом плане всегда, везде, во всем – Бог; позади, после всего – мир и его требования, если только их нельзя совершенно выбросить вон из сердца. Говоря иначе, покаяние требует создания нового, единого центра в человеке, и этим центром, куда сходятся все нити жизни, должен быть Бог.

Когда человек сумеет спаять все свои мысли, чувства и решения с этим единым центром, тогда из этого и создастся та цельность, монолитность души, которая дает громадную духовную силу. Кроме того, человек с таким устройством ищет исполнения только воли Божией и в конце концов может достигнуть полного подчинения или слияния своей слабой человеческой воли с всемогущей волей Творца, и тогда сила его вырастает до божественной силы чудотворений, ибо тогда действует не он, но в нем действует Бог.

Таков в общих чертах процесс развития духовной силы в человеке.

Отчего апостолы могли получить эту силу чудотворений и обаяния личности и проповеди, сделавшую их могучими и искусными *ловцами человеков* (Мк. 1, 17)? Именно потому, что единым, всеобъемлющим центром для них был Бог и Его волю исполняли они как высший закон жизни. Интересно вдуматься в историю их призвания. Одно слово Господа, один призыв: *идите за Мною!* – и все забыто и брошено: лодка, сети, весь скудный инвентарь рыбацкого ремесла, даже отец... Ясно, что для этих людей Бог был дороже всего в жизни, и когда Его воля звучала призывом, ничто не могло их остановить. Кто умеет с такой готовностью откликнуться на Божий зов, тот пойдет далеко; и кто может так полно, так цельно, без сомнений и колебаний отдаться воле Божией, тот, несомненно, получит от Господа великие дары и великую духовную силу.

Следует сознаться, что в настоящее время таких цельных людей, полных глубокой веры и духовной силы, чрезвычайно мало. Когда оглядываешься на свою жизнь и на жизнь современного общества, с грустью видишь, что не вера двигает нами и не Бог является для нас центром. Мы подменили этот великий животворный центр другими.

У немецкого философа Ницше изображен сумасшедший, который с диким блуждающим взором бежит по городу и, задыхаясь, кричит: «Мы Бога убили...»

Конечно, это неправда. Ни веру в Бога, ни религиозную идею вообще в человечестве убить невозможно. Но ее можно в значительной степени подменить. Вытравить из души религиозное чувство совершенно нельзя, но ему можно дать ложное, одностороннее направление. Человек часто пытается заменить Бога чем-нибудь другим.

Это сделано уже в первом грехопадении. Испушенный человек свою волю поставил на место воли Божией, поставил себя выше и захотел обоготворить себя... через знание. Вы помните, чем искушает дьявол Еву?

И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел (Быт. 3, 1–6).

Если бы Евой руководила только вера, преданность и любовь к Богу, то она сказала бы змею: «Хорошо... Пусть ты прав. Пусть мы получим знание! Но какой ценой?! Нарушить Заповедь Божию, пойти наперекор Божией воле, изменить Богу, оттолкнуть Его своим непослушанием! Нет, Господь для нас всего дороже... Дороже твоего знания, и за такую цену – за цену разрыва с Богом – нам не надо знания... Знание нам Бога не заменит!»

Ева этого не сказала. Обещанное диаволом знание показалось заманчивее доверчивого и беспрекословного исполнения воли Божией и, быть может, на короткий момент заслонило Бога. Сблaзн одолел. Грех совершился.

С тех пор люди постоянно подменяют Бога. Чаще всего подменяют кумирами своих страстей. Они служат похоти, алчности, гордости, самолюбию, тщеславию, любостязанию и т. д. и т. д. Невозможно перечислить все те кумиры, которым люди поклоняются вместо того, чтобы служить единому истинному Богу.

И как бы предвидя это, Синайское законодательство, данное Богом Моисею, во второй своей заповеди гласит: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им* (Исх. 20, 4–5).

Непосредственным образом заповедь эта направлена против идолопоклонства, которым часто заражался израильский народ от соседей-язычников, и запрещает поклонение языческим истуканам. Но так как к идолопоклонству привлекало евреев не убеждение в его истинности, а сильнее всего и чаще всего их чувственность и страстность, находившие себе удовлетворение в некоторых культах, особенно в восточных – Ваала, Молоха и других, то вторая заповедь запрещает всякую страсть, которая может стать кумиром и затмить Бога. Иначе говоря, ею запрещается всякий другой центр, придуманный человеком вместо Бога.

Но зачем такой запрет? Отчего единым центром для человека должен быть только Господь и ничто более?

Человеческие центры, которым люди поклоняются и которым служат, вносят разъединение в человечество. Многие из них, особенно центры низшего порядка, как, например, богатство, нажива, сластолюбие, тщеславие, ведут к открытой и неизбежной вражде. Другие, может быть, и не вызывают явной вражды, но все-таки людей не объединяют и объединить не могут. В конце концов, все они слишком мелки и ничтожны, чтобы удовлетворить, захватить и объединить всех. У каждого человека свои вкусы, свои страсти, свои цели. Сколько голов, столько и умов. Один любит науку, другой предпочитает поэзию, третий избирает живопись. Ясно, что при разнообразии этих целей люди пойдут различными путями и осуществить единение между ними очень трудно. А между тем единение это необходимо для человеческого счастья, для мира и согласия в жизни, для общей борьбы с его злом и победы над ним.

Кроме того, все эти кумиры, изобретенные человеком, не дают ему полного удовлетворения. Ими можно увлекаться, им можно поклоняться, за ними можно гоняться, но жить ими нельзя. Истинной жизни в них нет.

Разберемся в этом подробнее.

Все человеческие кумиры, которые могут служить для человека центрами жизни, можно разбить на три категории.

Первая группа – самых грубых, самых низменных страстей: чревоугодия, сладострастия, лени, пьянства и т. п. Даже из этих страстей люди нередко делают себе кумиры и отдают им всю жизнь и все силы.

Рассказывают об одном французе, для которого вкусно есть и пить было единственной целью жизни. Для удовлетворения этой страсти он не жалел ни сил, ни средств. Он с увлечением изучал историю кулинарии (поварского искусства) и достиг в этой области удивительных познаний. Он знал все редкие кушанья, которые когда-либо подавались к столу у

королей всего мира и у всех исторически известных богачей-гастрономов. Знал, как приготовить каждое из этих блюд, и его ежедневное меню могло привести в восторг самого прихотливого и избалованного сластолюбца. Из самых отдаленных стран всего мира выписывал он редкостные и дорогие продукты для своего стола. Он истратил на это все свое громадное состояние, полученное по наследству, а когда в кармане у него остался один франк и для него стало ясно, что вести далее такую жизнь невозможно, он пошел на рынок, купил на последний франк жирного каплуна, зажарил его по всем правилам кулинарного искусства, съел и... застрелился. Жизнь потеряла для него всякую цену. Есть немало людей, которые отдаются всецело сладострастию и распутству. Без этого для них жизнь не жизнь. Есть специалисты по соращению женщин, так называемые «львы» большого света.

Кажется, нет такой низменной страсти, которую человек не обоготворил бы и на служение которой не мог бы отдать себя целиком.

Страсти этого рода человека удовлетворить ни в коем случае не могут. Они могут дать минутное наслаждение, довести до опьянения, но в конце концов действуют разрушительно не только на духовную природу человека, но и на его организм. И тяжелыми недугами, мучительными болезнями приходится расплачиваться за годы, проведенные в грязных наслаждениях. Более того: даже в период наивысшего напряжения страсти, получаемые физические удовольствия бесконечно слабее желаний, возбужденных страстью.

Страсть неутолима. Развиваясь, она требует все новых, более сильных, более утонченных наслаждений. А между тем тело изнашивается, становится все менее восприимчивым и уже не способно давать ощущения требуемой силы. Начинается жестокий разлад между палящими желаниями страсти и невозможностью их удовлетворения. Тогда страсть только жжет и мучит человека, но наслаждений уже не дает.

Кумиры второй группы – обычные страсти нашего времени: любостяжание, честолубие, славолубие, властолюбие и т. д. Их главное зло в том, что они разъединяют людей, неизбежно приводя к вражде и ненависти. Те так называемые блага жизни, к обладанию которыми стремятся эти страсти: богатство, власть и т. д., поделить поровну между всеми людьми невозможно. Начинается ожесточенная борьба всех против всех за их обладание, и ненависть, рожденная борьбою, отравляет даже успехи победителей. Человек не может спокойно наслаждаться результатами достигнутых побед, ибо он чувствует, что зависть и злоба побежденных противников подстерегает его везде, что она только подавлена и скрыта, но не убита. Кроме того, и здесь действует обычный закон страсти: чем больше она растет, тем меньше находит способов и средств удовлетворения, которое здесь зависит от внешних условий, нам неподвластных. Представьте себе богача, охваченного жаждою наживы. Его страсть растет, как жажда пьяниц, требуя все больших и больших барышей. Маленькие суммы, которые радовали его прежде, теперь уже не удовлетворяют. Вчера еще он рад был нажитой копейке – через несколько лет он уже на рубль смотрит с презрением. Теперь некоторое удовольствие доставляют ему лишь сотни рублей. Но как их приобрести? Ведь это не зависит от одной воли человека. Барыши не поступают с такой скоростью, как бы хотелось. И вот опять неудовлетворение, мучительный разлад и томление духа.

Третью группу составляют кумиры высшего разряда: искусство, наука, благотворительность, общественная деятельность и т. п. Служение человека этим кумирам кажется бескорыстным, хотя в действительности к нему часто примешиваются славолубие и тщеславие. Кроме того, они не ведут ко вражде, по крайней мере, непосредственно, ибо поле деятельности здесь безгранично. Места и дела хватит для всех, и конкуренция начинается здесь лишь тогда, когда к чистому служению этим кумирам примешиваются страсти второй категории: стремление к наживе, честолубие и т. д. В современном обществе уровень нравственных идеалов до того понизился, что жизнь, посвященная кумирам этой группы, считается чуть ли не верхом совершенства и добродетели. Подвижники науки, корифеи искусства

у нас ценятся безусловно выше скромных подвижников христианства. И тем не менее при самом искреннем и бескорыстном служении этим кумирам, полного удовлетворения и счастья человеку они не дают и дать не могут.

Прежде всего они представляют лишь частичное удовлетворение потребностей человека: в науке находит удовлетворение ум, в искусстве – чувство и т. д. Остальные стороны души остаются без удовлетворения. В религии человек захватывается гораздо полнее, ибо она удовлетворяет все потребности.

Обыкновенно в душе верующего человека религиозная потребность проявляется как стремление к личному, живому Богу, воплощающему в Себе все высшие идеалы человека – истину, добро и красоту. В Лице Божиим все это сливается в дивную, неизъяснимую, цельную гармонию, и, служа Богу и объединяясь с Ним, человек весь проникается этими идеалами. Вся его жизнь, деятельность и само существо пронизываются их светозарными лучами. Уже в одном этом человек находит великое счастье, не говоря о величайшем счастье личного единения с Живым Богом.

В основе служения кумирам третьей категории лежат те же элементы религиозной потребности – стремление к истине, добру и красоте, почему эти кумиры и кажутся такими возвышенными. Но, **во-первых**, эти элементы здесь разбиты поодиночке. Ибо наука есть человеческое выражение истины, искусство – красоты, благотворительность и общественная деятельность – добра. Они не сливаются здесь все в одной дивной симфонии, пленяющей всю душу человека целиком, как это имеет место в религии. **Во-вторых**, личный, живой Бог, Который в религии является носителем и высшим воплощением идеалов истины, добра и красоты, здесь подменен чисто отвлеченными, бездушными понятиями, своего рода суррогатами, и эти суррогаты, конечно, не могут вызвать такого чистого и напряженного подъема чувства, как взаимообщение с живым, личным, святейшим Существом. Никогда нельзя ни науку, ни искусство любить так безраздельно, так глубоко, как можно любить Бога.

В конце концов, поклонение науке и искусству есть особого вида идолопоклонство, своего рода антропоморфизм, человек преклоняется здесь перед собственным созданием, перед творением если не своих рук, то своего ума и сердца. Вот почему здесь и не может быть высшего чувства благоговения. Свое собственное детище можно любить, можно им даже гордиться, но благоговеть перед ним вряд ли возможно. Скорее наоборот: здесь проявляется какое-то отечески покровительственное чувство, и, действительно, читая ученые произведения многих корифеев науки, выносишь впечатление, что они или кокетничают с наукой, или снисходительно треплут ее по плечу. Не может быть поэтому здесь и непреклонной уверенности в безусловном праве этого любимого детища на поклонение. В глубине сознания самого фанатичного поклонника науки всегда сидит червячок скептицизма, который точит его сердце постоянным сомнением: а вдруг здесь нет истины? Разве не может быть эта вывеска глубокомысленных выводов и звонкоученых слов только нарядными лохмотьями, которые прикрывают или пустое место, или ложь? И ошибка и обман вполне возможны! Ибо, в конце концов, это создано только человеком! А *errare humanum est* – человеку свойственно ошибаться!

И только в одном случае служение науке и искусству является плодотворным и полно захватывает человека – это тогда, когда оно связывается с религиозной идеей; когда, занимаясь наукой, человек смотрит на нее как на средство выяснить и понять тайны Божиего мироздания и открыть его вечные законы; когда искусством пользуется как средством пробудить в душе человека чувства высшего порядка – любовь к Богу или к Его земным проявлениям в истине, добре и красоте; другими словами, когда занятия наукой и искусством в действительности являются служением единому, истинному Богу, представляя лишь особую форму религиозной жизни. Если же человек теряет связь с Богом, не к Нему стремится и не в Нем ищет опоры и вдохновения, то в силу необходимости он принужден искать их

в своих убогих мозгах и из себя выжимать все элементы научного труда. А это приводит к банкротству науки, ибо неизбежно ведет к сомнению и отрицанию научных аксиом и тем колеблет основы науки. Вот почему те люди, которые двигали науку вперед, были обыкновенно глубоко верующими.

Точно так же и искусство процветает и дает удовлетворение человеку в том лишь случае, если оно связано или непосредственно с религией и служит ее целям, или с одной из форм выражения религиозной потребности – служением истине, добру и красоте. То обстоятельство, что искусство всегда развивалось и процветало тогда, когда оно раскрывало религиозную идею, как это мы видим особенно наглядно в итальянской живописи, – вовсе не случайный факт. И наоборот, современный футуризм, лучизм, кубизм и т. п. есть несомненный декаданс, упадок искусства, ибо люди потеряли здесь Бога и ищут нового центра в своей убогой психике. В результате получается уже не искусство, а кривлянье, клоунская гримаса.

Вслед за искусством и наукой и все формы общественной деятельности оживают и дают человеку наивысшее удовлетворение только в связи с религией. А если так, то какой смысл подменять идею Бога человеческими кумирами? Если эти кумиры высшего порядка, они не дают полного и всестороннего удовлетворения, если низшего, то они только разрушают жизнь и вредят человеку.

Не сотвори себе кумира. Это первое условие развития духовной силы.

Глава 1, ст. 35-45

А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.

Для выполнений Своего высокого служения Иисус Христос несомненно обладал духовными силами, бесконечно превышавшими силы обыкновенного человека. Приведенный стих первой главы говорит нам, какими средствами Он эти силы укреплял. Этим средством была молитва.

В молитве, в духовном единении с Всемогущим Отцом всегда искал Он укрепления, ободрения, утешения. В этом единственно неиссякаемом источнике всякой силы черпал Он новую мощь для Своего служения.

Но когда Он искал этого единения с Богом, Он всегда хотел быть один, вдали от людей.

В приведенном отрывке у Марка читаем: *встав весьма рано... удалился в пустынное место, и там молился.*

У Матфея: *И, отпустив народ, Он взойшел на гору помолиться наедине* (Мф. 14, 23).

У Луки: *Он уходил в пустынные места и молился* (Лк. 5, 16).

Молитва есть Его первое дело. До восхода солнца, когда все еще спали, Он оставлял дом и город, удалялся в уединенное место, вдали от шума и людей ища уединения и безмолвия, дабы втайне беседовать с Отцом Своим.

Палестинская природа располагает к такой сосредоточенности. Селение и город шумны, но поля безмолвны; лишь только удаляется человек от последних домов, он погружается уже в полную тишину. Нет того смутного шума, который поднимается с моря или слышится из леса. Лишь лай собак да отдаленный вой шакала изредка нарушает безмолвие, витающее над долинами и горами Палестины.

В эти минуты наивысшего напряжения духовных сил ничто не должно было отвлекать Господа от молитвы; никто не должен был нарушать Его единения с Богом; никто не смел подслушать таинственную беседу Сына с Отцом. Человеческий голос, нескромный взгляд могли бы помешать цельности и полноте этого слияния с Богом, и Иисус Христос уходил от людей в пустынные места.

Но не только эти минуты наиболее высоких проявлений духовной жизни оберегал Он от людей: Свои дела, благодеяния, чудотворения, в которых проявлялись Его духовная сила и любовь, Он также хотел делать так, чтобы никто о них не знал.

Когда Он исцелил прокаженного, читаем мы: *И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори* (ст. 43–44).

С одной стороны, Иисус хотел избежать человеческой славы, которая больше всего препятствовала Его мессианскому служению. Он не хотел прослыть чудодеем, и не чудесами думал Он привлекать к Себе сердца людей. Но, с другой стороны, эта скромность добродетели, это стремление сохранить тайну духовной жизни имеют и другие причины. В этой тайне лежит одно из условий сохранения и развития духовной силы.

Это же завещает Господь и Своим последователям.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас... Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 1, 3–4).

Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6).

Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 17, 18).

Таким образом, добродетель в христианстве должно быть скромно, а духовная, внутренняя жизнь окружена тайной, непроницаемой для людей и открытой только Богу. Только тогда Господь благословляет внутреннее делание успехом и дает плод духовной жизни. Духовные силы, выношенные и развернувшиеся в тайниках души, становятся тогда настолько могущественными, что сами собой проявляются вовне и скрыть их от других становится уже невозможным. *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*

Почему так? Почему духовная жизнь, открытая для других, оскудевает неизбежно и не приносит ни плода, ни награды?

Прежде всего потому, что Бог, Который Один должен быть центром духовной жизни, в этом случае легко может быть подменен и действительно почти всегда подменяется каким-нибудь кумиром, чаще всего кумиром тщеславия и славолубия, а это уже ослабляет духовную силу человека, как это мы видели в предшествовавшей беседе. Когда человек делает свои дела напоказ, чтобы прославляли его люди, он уже, строго говоря, перестает думать о Боге и служить Ему Единому. Он служит тогда себе, своей гордости, своему самолюбию. Но, служа себе, он и не вправе требовать награды от Бога, ибо то, что ему надо – славу и похвалу, он уже получает как награду от людей.

Если даже, начиная служить Богу, человек вполне честен в своих намерениях и совершенно не заботится о собственной славе и похвале от людей, но искренно ищет только славы Божией, тем не менее и в этом случае фимиам мирской славы туманит голову, рукоплескания толпы возбуждают к ним вкус и тщеславную любовь, и, сам почти не замечая того, человек начинает их желать и искать, все время пытаюсь уверить себя, что он служит только Богу. Нужно большое нравственное мужество и устойчивость воли, чтобы не поддаться соблазну и оттолкнуть от себя эту славу мира сего, которая назойливо преследует тех, кто от нее бежит.

Особенно следует это помнить молодым и неопытным, но горячим и увлекающимся людям, вступившим на путь служения Богу. На первых порах ничем так не искушает их диавол, как дурманом славы. Молодость, необыкновенность явления, особенно в наше время, когда среди молодежи почти иссякла и самая вера в Бога, ревность к подвигу, еще не умеренная опытом, успехи первых порывов все это невольно возбуждает и привлекает внимание толпы. За вниманием следует одобрение, уважение, почтение, порой преклонение, и под гип-

нозом такого отношения юный служитель Божий, самый искренний и скромный, начинает невольно чувствовать себя каким-то необыкновенным героем, который стоит выше толпы. Рождается гордость, которая услаждается достигнутым почетом и уже начинает искать и требовать его как должную дань уважения к своим высоким качествам, которых в действительности еще и нет. Людской молве соблазнительно легко поверить и вообразить себя достойным похвал, забывая, что толпа обыкновенно является самым плохим ценителем нравственных качеств и достигнутой высоты души. Потом наступает момент, когда пробудившаяся жажда славы и людского почета уже перестает удовлетворяться достигнутыми результатами. Начинает казаться, что уважение толпы слабеет, слава идет под уклон, общее внимание уже не возбуждается. Тогда человек сам бежит за славой, стараясь остановить ее закат, и в этой погоне забывает чистое служение Богу, уже не заповеди и не волю Божию ставит законом своей жизни, но подделывается под вкусы толпы, чтобы сорвать хотя бы минутный взрыв рукоплесканий, опьяняющее наслаждение, которые стали уже привычкой, пускается в фокусничество, иногда в чистое шарлатанство. Сколько крупных нравственных сил, сколько горячих искренних порывов погибло таким образом! Сколько обманщиков и шарлатанов выработалось вместо подвижников чистого христианства! О, диавол хорошо знает силу этого соблазна, и, вероятно, нет ни одного честного служителя Божия, которого он не провел бы через огонь этого испытания.

Я помню одного странника. Высокий, сухой, но еще крепкий, жилистый старик. Он носил под рубашкой на голом теле страшно тяжелую двойную цепь, наглухо заклепанную на груди и на спине. Его шапка представляла собой тяжелую свинцовую чашку фунтов в пятнадцать, обшитую вылезшим мехом. Длинная, выдолбленная внутри палка была тоже налита свинцом. Всегда он носил на себе не менее двух пудов. Его тяжелая, мерная походка под аккомпанемент звякающих цепей была слышна издали. Плечи до кости были прорезаны тяжелыми цепями, и носить их было, несомненно, настоящим мучением. В народе он пользовался громадным уважением. Но одна черта ставила его подвиг под сомнение: он любил, когда останавливался в крестьянских избах, чтобы его почитатели ощупывали его цепи, взвешивали на руках его шапку и посох, и если никто не догадывался этого сделать, он приглашал сам: «Подь-ка, посмотри, какие на мне вериги!» Уважение и удивление людей доставляли ему несомненное удовольствие.

Он умер без покаяния, скорбною смертью. Конечно, у него могли быть другие заслуги перед Богом. Никто не смеет и не может судить чужую душу, кроме Всеведущего Господа, Которому открыты все тайны сердца. Но сам по себе подвиг, таким образом афишированный, выставленный напоказ, несмотря на всю свою трудность и мучительность, уже терял всякое нравственное величие. В нем было не более достоинства, чем в фокусах странствующего комедианта, который на потеху толпе ест резиновые калоши и толченое стекло.

И в том и в другом случае люди стремятся разными средствами возбудить удивление толпы и заставить о себе говорить.

Аминь, глаголю вам: они уже получают награду свою (Мф. 6, 2), – говорит Господь.

Служение Господу должно быть безукоризненно чисто. Чисто должно быть и побуждение к нему. Таким чистым побуждением является любовь к Богу, и никакая посторонняя примесь, особенно если в ней есть грязь эгоизма и гордости, не может быть здесь допущена. Ради собственной любви к Богу и ради того, чтобы приобрести взаимно благоволение Божие, трудились святые подвижники. Но когда человек, служа Богу, стремится этим путем достигнуть личной выгоды или славы, тогда ценность его служения или уменьшается, или сводится к нулю, в зависимости от количества эгоистической примеси. Награда служения, которая в первую очередь получается в форме новых духовных дарований или роста духовной силы, может быть достигнута. Поэтому необходимо все время строго и зорко следить, чтобы ничто в духовной жизни не делалось из-за посторонних побуждений и чтобы червячок тщеславия,

который прекрасно умеет прятаться за внешне благовидными предложениями и софизмами, не заполз в душу; иначе он легко разовьется в змею, которая высосет все духовные силы.

Вот почему святые отцы так остерегались в своей жизни даже случайного любопытного постороннего взора и окружали свой подвиг глубокой тайной.

В один из суровых восточных монастырей в Панеро к преподобному Иосифу, великому постнику и подвижнику, пришел однажды некий пресвитер Евагрий со свитой. В старину знаменитые своею жизнью монастыри часто посещались благочестивыми паломниками, которые искали у опытных старцев-иноков уроков и наставления. Эту же цель имел и Евагрий, сам уже начинавший упражняться в подвижничестве и несколько в этом успевший. Ему хотелось лично видеть подлинную иноческую жизнь, которую он мог бы взять как пример для подражания. Для этого и пришел он к святому Иосифу, монастырь которого славился своею строгостью.

Путники были приняты очень радушно, но каково было разочарование Евагрия, когда в образе монастырской жизни он не заметил ни тени строгого подвижничества, ничего особенного, что оправдывало бы репутацию обители. Богослужения были непродолжительны, рукоделия и послушания казались легкими, а трапеза, к которой был приглашен Евагрий со свитой и которую разделял с ними преподобный Иосиф, совсем не говорила о строгом постничестве. Стол был прост, но питателен и разнообразен. Подали овощи, фрукты все, что только имелось в монастыре, даже вино.

Один из спутников Евагрия не вытерпел.

– Наш пресвитер, – сказал он, – вкушает только хлеб с солью!..

Преподобный Иосиф как будто не слышал этого замечания, в котором слышалось осуждение, и спокойно продолжал трапезу.

С тяжелым сердцем ушел Евагрий из монастыря, жалея о потерянном труде и времени. Ему казалось, что он ничего не приобрел для души, и он спешил в другие обители. Но дорогой их застал густой утренний туман. В песчаной пустыне, где все так ровно и однообразно, определить направление вообще трудно. В тумане это оказалось невозможно. Путники заблудились. Пришлось вернуться назад в монастырь святого Иосифа.

Когда они подошли к монастырским стенам, до них донеслось пение. Видимо, шло богослужение. Это их удивило: раньше в этот час службы в монастыре не совершалось.

Евагрий со спутниками решили обождать у ворот, чтобы не нарушать своим появлением молитвы иноков. Им пришлось ждать очень долго – несколько часов.

– Что это они распелись? – подумал Евагрий. – Никогда ничего подобного не было...

Потеряв терпение, он постучался. Их впустили и тотчас провели в общую трапезную, куда вскоре пришла и монастырская братия, закончившая богослужение.

Пришел и преподобный Иосиф, благословивший трапезу и пригласивший утомленных путников разделить братский обед. Но какой обед! Маленький кусочек хлеба и горсть сухих фиников! Вина не было и в помине. Вместо него соленая вода, взятая, очевидно, из какой-нибудь приморской лужи. Евагрий не мог скрыть своего удивления.

Преподобный Иосиф посмотрел на него с доброй, спокойной улыбкой.

– Ты удивляешься, брат? – сказал он. – Но это наша обычная жизнь, а то, что ты видел раньше, было делом любви: так принимаем мы гостей. Свою настоящую жизнь мы обыкновенно не открываем...

И возблагодарил Бога Евагрий, что Он не оставил его в первоначальном заблуждении и удостоил видеть истинно монашескую жизнь и смирение.

Так умели преподобные отцы скрывать свою подвижническую жизнь, боясь человеческой славы.

Но не только эта святая боязнь обуславливала скромность и тайну их жизни. Были и другие внутренние, более глубокие причины, требовавшие того же, прежде всего – их великая любовь к Богу.

Любовь к Богу требует внутреннего одиночества, внутреннего отчуждения от людей, от мира. «Хочу быть только с Богом! И никто более мне не нужен!» – таково желание растущей и развивающейся любви. На известных ступенях она становится ревнивой и исключительной. Люди уходили в пустыни, лесные чащобы, на необитаемые острова, прятались в недоступных горных ущельях и пропастях с единственной целью – быть только с Богом, наслаждаться полным единением с Ним, не смущаемым человеческим шумом и суетою. Искренняя любовь чуждается и не допускает посторонних в свой заповедный круг. В мысли – «меня и Бога объединяет тайна» – кроется великое обаяние любви, и каждый лишний человек, каждый нескромный взор, проникший в эту тайну, нарушает это обаяние и чувствуется любящей душой почти как оскорбление. Постепенно, по мере развития любви, единение с Богом, слияние с Ним, или, как выражается преподобный Исаак Сирин, «почитие в Боге» становится все полнее и исключительнее, и в этом «почитии» душа находит и свою награду, и свое блаженство. Ничего другого не надо. Погремушки человеческой славы, убогая мишура мирской роскоши, преклонение раболепствующей толпы – все-все отходит вдаль и кажется таким ничтожным, мелким, ненужным в этом захватывающем, ослепительно сияющем, горящем восторгом потоке Божественной любви.

Этот подъем к Богу и единение с Ним вовсе не означает, однако, полный разрыв с людьми, тем менее – пренебрежение или враждебное отношение к ним, в чем часто несправедливо обвиняют подвижников христианства. Нет, здесь сказывается лишь внутреннее отчуждение от их суетной, мирской жизни, от их дурной стороны, от их грешных привязанностей, страстей и пороков. Лучшая сторона человека, неизгладимый образ Божий, запечатленный даже и в грешной душе, неизменно привлекает и восхищает подвижника и никогда не теряет его любви, полной удивления и преклонения пред совершенством Божиим, отразившимся в творении: Бога он любит и в людях, но он их избегает не только потому, что любящая душа, ревниво хранящая свою тайну, страдает от их назойливости и нескромности, но также и потому, что в общении с ними, по крайней мере до тех пор, пока подвижник не утвердился окончательно в любви Божией и не приобрел устойчивости твердой, как скала, кроется для него великая опасность соблазна.

Забытые образы прошлого, отвергнутые приманки мирской жизни, старые привязанности могут легко воскреснуть с прежней силой и, если даже окажутся бессильными оторвать от Бога и вернуть к былому, все же неизбежно взволнуют душу, лишат ее покоя, затуманят в сознании мысль о Боге, нарушат полноту единения с Ним, ослабят стремление к Нему и вместе с тем духовные силы подвижника. Воспоминания прошлого для человека, отрекшегося от мира, – всегда кандалы в его стремлении к совершенству, и чем более любви и нежности было связано с ними, тем они тяжелее. Этим объясняется то упорство, с каким пустыльники и затворники часто отказывались видеть самых близких людей. Но когда подвижник уже утвердился в любви к Богу и когда мир потерял для него всякую прелесть как негодная ветошь и уже не волнует душу соблазнами, тогда он нередко, повинаясь воле Божией, возвращается к людям, неся им свой духовный опыт, свою любовь и благодатные силы, воспитанные одиночеством. В душе человека он видит тогда только лучшую ее сторону, видит Бога, которого он безгранично любит, а пороки и страсти уже бессильны вызвать в нем другой отзвук, кроме отвращения к ним и глубокой жалости к человеку, зараженному ими и страдающему от них. В общении с людьми для него уже нет такой опасности соблазна, как прежде.

Но и в этих условиях личная внутренняя жизнь подвижника остается закрытой для людей. Она всегда закрыта.

Людям открыта только мудрость духовного опыта, но не таинственные переживания души. Дверь в эту клеть всегда заперта наглухо, как требует Господь.

С этой стороны особенно интересен подвиг юродства, когда подвижники величайшей святости, находясь в постоянном общении с людьми, прячут чистоту и святость своей души под маской чудачества и диких выходок так искусно, что толпа нередко принимает их за сумасшедших и дарит презрением и насмешками, не умея рассмотреть в этой грубости и дикости золота духовной высоты и подвига.

На востоке, в одном из Тавеннских монастырей, жила когда-то одна женщина, имя которой сестрам обители было даже неизвестно. Всегда грязная, оборванная, с нечесаными, сбившимися, как войлок, волосами, она была предметом постоянных насмешек и оскорблений. Часто она казалась пьяной. Ее нередко видели валявшейся в грязных сточных канавах или в отхожих местах, храпевшей в непробудном сне. Ходила она шатаясь и спотыкаясь, бормоча про себя несвязные слова. Не раз сестры хотели удалить ее из монастыря, и только сердобольная игуменья, жалея несчастную, терпела ее в обители. Но однажды ночью одна любопытная монахиня подсмотрела за ней, когда та по обыкновению скрылась в отхожем месте, и была поражена: вместо грязной, пьяной потаскушки пред ней была святая в дивном величии молитвенного вдохновения. Юродивая коленопреклоненно молилась. Ее бледное, худое лицо сияло счастьем и восторгом, и неземной свет струился от нее, освещая все кругом. Утром монахиня рассказала сестрам о том, что видела ночью. Бросились искать подвижницу, чтобы просить у нее прощения за нанесенные оскорбления, и не нашли. Она исчезла. Оставаться там, где подвиг ее был открыт и где с этих пор ее ожидали слава и почет, она не могла и не хотела.

Такой страшной ценой покупают юродивые тайну своей жизни. Даже перед теми, кому они хотят сделать добро, они умеют замаскировать свой добрый порыв и таким путем избежать благодарности.

Святой Андрей, византийский юродивый, обыкновенно все, что получал от своих почитателей, раздавал нищим, но делал это очень своеобразно. Когда он встречал особенно нуждавшегося бедняка, которому он хотел отдать свои деньги, он начинал с ним перебранку. Перебранка скоро переходила в ссору, которая, казалось, вот-вот кончится дракой. В порыве гнева Андрей выхватывал вдруг из кармана пригоршню монет, медных, золотых, серебряных и с размаху бросал их в своего соперника. Потом поворачивался, как будто взбешенный до последней степени, и убегал без оглядки, не желая иметь с ним больше никакого дела. Это была его милостыня.

Хранение тайны внутренней жизни имеет и воспитательное значение. Этим путем религиозное чувство человека и его любовь к Богу становятся сосредоточеннее и горячее. Открытая печь жара не держит, или, как говорила преподобная Синклитикия, «если в бане часто отворяют двери, то скоро выпустят весь пар». Так и душа, слишком открытая для посторонних взоров, скоро теряет свою сосредоточенность; чувство, доступное многим, легко распыляется, духовная сила тратится и исчезает бесполезно. Физики знают этот закон: пар имеет силу и упругость только в герметически закрытом помещении.

Говоря о тайне духовной жизни, следует прибавить два замечания о пределах необходимой скрытности.

Во-первых, необходимо все время помнить, что скрытие внутренней жизни имеет целью пользу души, предохраняя ее от славолубия, тщеславия, от посторонних примесей в чувстве любви к Богу, от распыления духовной силы и т. д. Следовательно, там, где этих опасностей нет, там скрытность не нужна. Поэтому само собой понятно, что в отношениях, например, к духовному лицу или к духовному руководителю о скрытности не может быть и речи. Здесь она не только ничем не оправдывается, но прямо вредна. Духовный опытный руководитель на первых порах совершенно необходим, ибо без посторонних указаний и бес-

пристрастной оценки явлений духовной жизни легко уклониться на ложный путь и впасть в прелесть, и, конечно, душа начинающего подвижника должна быть перед ним вся открыта, тем более, что диавол, обыкновенно, намеренно возбуждает недоверие к духовнику или к старцу и требует закрыть от него тайники сердца, опасаясь, что опытный взгляд последнего легко различит те козни, которыми он собирается опутать новонаначального инок.

Во-вторых, опасение открыть тайну своей жизни не должно останавливать человека от делания добрых дел. Иногда, например, на глазах людей не хотят творить милостыню и оставляют бедняка без помощи под тем предлогом, что желают избежать славы и похвалы людской. Конечно, это неправильно. Важно, чтобы ты не думал и не искал славы, а если она достается на твою долю без твоего желания, за это Господь не осудит. Даже в том случае, если в твоём сердце есть действительно червячок тщеславия и, делая добро, ты не прочь этим привлечь внимание людей и заслужить их одобрение, все-таки лучше не отказываться сделать доброе дело.

К одному старцу пустыннику пришел молодой инок.

— Авва, — сказал он, — когда я делаю добро, помысел говорит мне, что я хорошо делаю, и это меня смущает. Я боюсь, как бы не развился дух гордости.

— Сын мой, — отвечал старец, — было два земледельца, у которых для посева была только плохая пшеница, смешанная с разным мусором и семенами сорных трав. Один из них совершенно отказался сеять, не желая свой труд тратить для плохого урожая, который неизбежно должен был получиться от посева такого зерна. Другой посеял и собрал немного пшеницы, хотя и плохого сорта и засоренной. Был голодный год; он все-таки пропитался, хотя и с трудом. Первый же оказался в безвыходном положении. Который из них поступил лучше?

— Думаю, что тот, который посеял, — сказал инок.

— Так и мы, — заключил старец, — будем сеять пшеницу добрых дел, хотя бы к ней и был примешан мусор дурных побуждений!

Глава 2

Глава 2, ст. 1-12

Когда Иисус пришел в Капернаум, вокруг Него собралась большая толпа. Народ теснился к Нему, чтобы посмотреть на вновь явившегося Великого Пророка, о котором так много говорили, чтобы послушать Его учение, чтобы получить от Него исцеление. В короткое время маленький восточный домик, в котором остановился Господь, оказался заполненным тесной толпой, так что в нем уже не было места. В это время четыре человека принесли расслабленного, чтобы просить Господа Иисуса о его исцелении. Однако войти в дом, да еще с такой ношей, оказалось физически невозможным, так как в дверях давка была особенно сильна. Тогда по наружной лестнице они взобрались на плоскую крышу дома, прокопали глиняную кровлю, разобрали потолок и на веревках спустили расслабленного к ногам Иисуса.

Ясно, что эти люди любили больного. Они страстно желали для него исцеления и верили, что единственная для этого возможность – прикосновение или слово Господа Иисуса Христа. Во что бы то ни стало надо было положить расслабленного пред Ним.

Толпа им мешает – препятствие почти неодолимое. Но они решились, и они добьются того, что им надо. Нельзя через двери – можно через окно. Нельзя через окно можно проломать крышу! Но так или иначе – взор Великого Пророка упадет на их больного друга!

Какая настойчивость! Какая непреклонная энергия! У этих людей был характер и воля; и мы видим, что эта настойчивость вознаграждена. Расслабленный был исцелен. Они достигли своей цели.

Какой урок для нас! И как метко попадает он в самое болезненное место русской души! У нас много хороших, искренних, горячих порывов, но... «суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Редко они доводятся до конца и в области устройства нашей внешней и общественной жизни, а еще реже в области личного воспитания и спасения души.

Мы часто заканчиваем борьбу на половине, потому что путь ко Христу оказывается трудным и загроможденным. Бесчисленные заставы, груды камней, крутые подъемы, непроходимые чащобы... Некоторые пытаются бороться, но трудности, соблазны всюду, на каждом шагу. Энергия падает, и страшная, предательская мысль вдруг является откуда-то и покоряет сознание: «Спасение для нас невозможно... Мы погибли!» И почти равнодушно люди возвращаются назад, отказываясь от дальнейшей борьбы.

Но послушайте, вы, унывающие, потерявшие надежду: все ли средства вы использовали? Все ли силы истратили? Вы не можете протиснуться в дверь – можно разобрать крышу. Можно проломить стену... Смотрите: она уже шатается! Еще одно усилие – и она падает! И вы хотите уйти? Стойте... Все напрасно. Вялая, невоспитанная воля отказывается от дальнейших напряжений.

Вам знакома эта картина? Не правда ли, эта дряблость воли, это отсутствие закала и железа в характере – специфическая болезнь русской души? Сколько у нас измен, предательств, отпадений, и ведь не в силу активно злой воли, а в силу трусости, слабости, рыхлости. На воспитание воли мы не обращаем никакого внимания. Заботы родителей о детях ограничиваются внешним уходом, а болезни души остаются без внимания, и наука жизни, которую мы впитываем с детства, ничего не говорит нам о самостоятельности и силе убеждений и учит только приспособляться и подчиняться обстоятельствам.

А между тем, в христианской духовной жизни более чем где-либо необходимы настойчивость и упорное стремление к одной цели. Настойчивость кропотливая, ежедневная здесь гораздо важнее, чем большое, единичное усилие воли или геройский подвиг. Это правило одинаково применимо как к личной жизни, так и к общественной. Блестящий, увлекающийся энтузиаст, скоро остывающий, принесет в христианском обществе меньше пользы, чем скромный труженик, незаметно, но настойчиво делающий свое дело.

Почему? Потому что христианская духовная жизнь растет постепенно, органически развиваясь вместе с ростом души, и потому требует постоянных, непрерывных, длительных усилий воли. Усилия чрезмерные могут вызвать только напряженный искусственный ее рост, или, как говорят медики, гипертрофию, но это если и не погубит совершенно молодых зародышей ее (что нередко бывает), то, во всяком случае, отзовется очень вредными последствиями. Вот почему чрезмерные подвиги, за которые берутся часто сгоряча начинающие иноки, обыкновенно запрещаются опытными старцами.

Покойный батюшка отец Анатолий, Оптинский старец, бывший келейник известного отца Амвросия, говорил, бывало: «Большую охапку набрать немудрено, а донесешь ли? Путь дальний: до конца жизни нести... Как раз всю растеряешь. А ты по силе... по силе!...»

Я помню из времен далекого детства: на окне у нас стоял цветочный горшок, и в нем пышный душистый жасмин. Когда на нем появлялись первые бутоны, у нас часто не хватало терпения дождаться, когда они развернутся белыми, благоухающими цветами; и в нетерпении мы часто расковыривали бутон, освобождая нежные лепестки от зеленой покрывки, цветок развертывался, к нашему восторгу, нежный, ароматный, но увял!, ненадолго. Обыкновенно к вечеру того же дня он съеживался, блек и погибал, и уже ничто не могло оживить его.

Так и в духовной жизни: искусственно форсировать ее – значит губить. На пятый этаж сразу не вскочишь: надорвешься! Надо идти по лестницам, ступенька за ступенькой, через все этажи, начиная с первого. Духовная жизнь, как цветок, требует постоянного внимания и длительного ухода; нужны настойчивость и непрерывная работа над собой.

Но как развить в себе настойчивость, если ее нет?

Если мы будем изучать жизнь святых подвижников, то найдем три условия, от которых зависела главным образом непрерывность и настойчивость их духовного делания.

Во-первых, единство цели. Вся жизнь их была проникнута одной целью – стремлением к Богу и к спасению души.

Во-вторых, полное отречение от себя и отдача своей жизни в волю Божию.

В-третьих, рождающееся из этих двух условий – громадное терпение.

Единство цели есть результат единства центра жизни. Когда человек весь проникнут любовью к Богу, когда каждая мелочь его жизни связана с мыслью о Боге, когда около себя он постоянно чувствует присутствие Бога, невидимо вездесущего, тогда, естественно, Бог является центром всех его устремлений, и каждый поступок определяется желанием угодить Богу и боязнью нарушить Его заповеди. В совершенном, вполне законченном виде это единство центра и цели мы находим, конечно, в Господе Иисусе Христе, этом высшем идеале нравственного характера. Вся Его жизнь и деятельность проникнуты мыслью о Боге Отце и единственной целью – спасти погибающего человека. Где бы Он ни проповедовал, что бы Он ни говорил, основной темой у Него всегда является Бог и спасение человечества.

Во всем Евангелии нельзя указать ни одного факта, где проявилась бы Его забота о Себе или стремление к каким-нибудь земным, временным целям. Все для Него заслонялось мыслью о Боге. *Не можете служить Богу и маммоне.* – говорил Он, и Сам первый воплощал в Своей жизни эту цельность служения Богу.

Пока человек служит двум господам – Богу и маммоне, то есть к служению Богу применяет и стремления к земным целям, служение земным кумирам, до тех пор в нем не может

быть настойчивости, ибо эти служения несовместимы, взаимно противоречат одно другому, и человек принужден чередовать их в своей жизни, сменяя Бога маммоной и обратно, а это делает общую линию его поведения неустойчивой и колеблющейся.

Только когда в его душе образуется единый центр и единая цель – только тогда направление его деятельности становится постоянным и только тогда он может достигнуть великих успехов.

Это – закон воли не только в области религиозной жизни, но и во всякой другой. Все великие достижения человеческого ума и творчества были получены таким образом.

Когда Ньютона, гениальнейшего из астрономов мира всех времен и народов, открывшего закон тяготения и объяснившего систему равновесия небесных тел, спросили, каким образом он дошел до этого открытия, он ответил: «Непрестанно об этом думал!» Это значило, что тайна движения планет и звезд была для него единственным вопросом, неотступно занимавшим его мысль долгое время, своего рода единым центром сознания.

В Румянцевском музее есть прекрасная картина художника Александра Иванова «Явление Христа народу». Когда смотришь на нее, кажется, что она вся целиком написана сразу, в одном великом порыве вдохновения: так непринужденны позы фигур, так естественна компановка и так цельно впечатление переданной художником общей идеи – порыв внимания многочисленной толпы, устремленной на Господа Иисуса Христа. Но пройдите в соседнюю комнату, и вы увидите там массу подготовительных этюдов. Каждая фигура рисовалась предварительно отдельно, часто в нескольких набросках разных поз, из которых уже затем для картины выбиралась та, которая наиболее удовлетворяла художника.

Вам становится ясно, как долго и кропотливо работал художник над своим творением, как тщательно обдумывал он каждую подробность и как долго эта картина занимала все его внимание, служа главным центром его творческого воображения. В итоге этой настойчивой, длительной работы получилось действительно прекрасное произведение.

В период классической древности в Греции жил гражданин Афинской республики Демосфен. При республиканском строе, когда все вопросы политической и общественной жизни обсуждаются открыто с народной трибуны перед громадной аудиторией, особенное значение приобретают хорошие ораторы, благодаря громадному влиянию их речей на массу. В Афинской республике это влияние было особенно сильно, так как афиняне были очень чутки ко всему прекрасному, в том числе и к красивому слову. Поэтому хорошие ораторы пользовались у них большим почетом и славой. Эта почетная карьера соблазнила Демосфена. Он решил сделаться знаменитым оратором. Но первое его выступление перед народом было неудачно: его освистали. Причина заключалась в том, что, несмотря на весь свой ум, большой ораторский талант и умение красиво излагать свои мысли, он совершенно не обладал внешними данными для того, чтобы производить нужное впечатление на толпу. Небольшого роста, довольно невзрачного вида, с картавым произношением, слабым голосом и коротким дыханием, не позволявшим плавной речи и длинных закругленных периодов, он не мог рассчитывать на эффект. В довершение всего у него была нервная привычка подергивать одним плечом, что делало его смешным в глазах афинян, привыкших к красивым, выработанным жестам знаменитых ораторов. Неудача, однако, не обескуражила Демосфена.

Он понял свои недостатки и решил их побороть.

Началась упорная, настойчивая работа над собой.

Он удалился на морской берег, где скрылся в уединенной пещере, чтобы никто не нарушал его сосредоточенности, а чтобы побороть в самом себе желание видеть друзей и знакомых и решительно отказаться от шумной столичной жизни, он обрил себе полголовы. В таком виде он никуда не мог показаться и волей-неволей должен был дожидаться, когда отрастут сбритые волосы.

В своем уединении он начал ряд последовательных упражнений. Чтобы развить у себя глубокое дыхание, он взбирался на крутые утесы и во время этих подъемов старался говорить, не останавливаясь. Чтобы выработать красивый звучный голос, он в часы прибоя произносил длинные речи на морском берегу, пытаясь перекрыть шум волн. Чтобы победить картавость и заставить себя говорить ясно, он брал в рот камушек и с камнем во рту старался выговаривать отчетливо каждый звук. Наконец, чтобы отучить себя от неприятной привычки подергивать плечом, он вешал к сводам своей пещеры острый меч и, произнося речь, становился под ним таким образом, чтобы при каждом резком движении плеча острие впивалось ему в тело.

После долгой упорной работы Демосфен достиг замечательных успехов. Когда он вышел из своего уединения и снова появился перед народом на ораторской трибуне, это был совсем другой человек. Красивый сильный голос, отчетливая дикция, плавные эффектные жесты, прекрасно построенная речь, звучные ритмичные периоды – все это сразу зачаровало и покорило толпу. Демосфен стал знаменитым оратором.

Но сколько настойчивости надо было, чтобы победить самого себя и свои природные недостатки, и эта настойчивость поддерживалась исключительно страстным, непреодолимым желанием стать оратором, желанием, которое на это время вытеснило из его души все остальное и сделалось центром всей его жизни.

Если в области чисто мирской, светской, сосредоточенность воли в одном центре дает такие результаты, то в области духовно-религиозной эти результаты прямо поразительны, так как слабой человеческой воле здесь поспешествует еще всемогущая благодать Божия, и при ее подкреплении человек совершенно перерождается, обновляется, или, как говорит апостол Павел, становится новая тварь во Христе. Примеров такого полного перерождения в истории христианского подвижничества чрезвычайно много. Строго говоря, почти каждый святой прошел через этот процесс внутренней борьбы с собою, и победа в каждом случае достигалась настойчивостью, устремленной к одной цели – единению с Богом.

Из многочисленных примеров этого рода возьмем лишь один – преподобного Моисея Мурина, бывшего свирепого атамана разбойников, ставшего потом смиренным святым иноком. Но прежде чем он достиг этого, ему пришлось перенести чрезвычайно тяжелую, упорную борьбу с искушениями.

Вскоре после его обращения демоны постарались пробудить в нем былую его телесную нечистоту. Испытание было так сильно, что он, как сам о том впоследствии рассказывал, чуть было не отказался от своего намерения жить благочестиво. Изнемогая от борьбы, он отправился к великому Исидору, бывшему пресвитером в пустыне Скит и знаменитому святостью своей жизни и мудростью своих советов.

Исидор постарался его утешить и убеждал его не удивляться этому искушению, так как лишь недавно отрешась от дурного образа жизни, он несомненно должен пережить сильный позыв к прежнему злу. Опытный старец объяснил ему, что эти привычки телесной нечистоты подобны собакам, которые, привыкнув глотать кости в какой-нибудь мясной, всегда возвращаются к ней, пока есть возможность туда войти. Но если им не бросать ни одной кости и запереть перед ними дверь мясной, то они больше не возвращаются и идут в другие места, чтобы найти, чем утолить свой голод.

Моисей, укрепленный и утешенный этим спасительным наставлением, заключился в келье и стал смирять свое тело различными подвигами, особенно же постом.

Он не ел ничего, кроме небольшого количества хлеба в день, много работал и молился пятьдесят раз в день. Мысль о Боге, о единении с Ним, о прощении и спасении души не покидала его. Вся цель жизни для него сосредоточилась только в этом. Но время освобождения его от искушений еще не настало. Господь, который желал возвысить его достоинство умножением его победы, допустил, чтобы, несмотря на все усилия его смирить свою плоть,

он не имел покоя в мыслях, особенно по ночам. Это побудило его снова прибегнуть к совету других, и он рассказал о своем положении одному пустынному старцу, который считался иноком совершенной жизни.

– Что делать мне, отче? – сказал он ему. – Мои сны потемняют мой ум, и старая моя привычка ко злу делает то, что моя душа услаждается нечистыми образами.

На признания Моисея старец ему отвечал:

– Это происходит оттого, что ты с недостаточным упорством отвращаешь свой ум от этих воспоминаний. Приучи себя бодрствовать, молись усердно-и ты увидишь, что искушения пройдут.

Моисей вернулся в свою келью, твердо решив поступить по тому совету, и стал проводить ночи на ногах, посреди своей кельи, не закрывая глаз, постоянно молясь и не становясь для молитвы на колени из боязни, что его тело от этой перемены положения почувствует облегчение и даст демону случай искусить его. Несмотря на все, страсти продолжали бушевать. Тогда он взялся за новый подвиг самоумерщвления и трудолюбия. Всякую ночь он обходил кельи отшельников, которые по преклонности своего возраста и по немощи своих сил не могли ходить сами за водой, так как она находилась далеко. Он брал без их ведома их кувшины и приносил их наполненными, проходя для этого иногда до пяти миль, смотря по расположению кельи.

Это утонченное милосердие, которое обрекало его на великую усталость и тем самым уничтожало паливший огонь страстей, еще более возбуждало против него ярость демонов. Но преподобный говорил обыкновенно: «Я не перестану бороться прежде, чем демоны не перестанут мучить меня соблазнительными снами» (Е. Поселянин. Пустыня).

Шесть лет боролся таким образом преподобный Моисей, пока наконец желанный покой и мир не водворились в его душе.

Он победил. Победила его настойчивость. Но это было бы для него совершенно невозможно, если б его душой не владела единственная мысль, единственная цель – прийти к Богу. На этом пути для него вырастала страшная, едва одолимая преграда – его бушующие страсти, и для того, чтобы победить их терпеливой работой над собой в течение шести лет и не отступить, не поколебаться, – для этого необходимо было, чтобы эта главная цель жизни всегда светила ему как путеводная звезда, манила к себе неотразимо и побуждала к непрерывной борьбе. Так и для каждого христианина образ Господа Иисуса Христа должен быть центральной точкой, около которой кристаллизуется вся духовная жизнь, и тогда вся воля развивается в одном направлении, приобретая громадное упорство и настойчивость.

Второе условие настойчивости в жизни христианских подвижников это – полная отдача себя в волю Божию. Это кажется странным на первый взгляд. Когда мы говорим о настойчивости, то обыкновенно разумеем именно способность и силу настоять на своем, добиться исполнения своих желаний. А здесь требуются отречение от своей воли и подчинение Богу. Настойчивость и подчинение!.. Разве это совместимо?

Несомненно. В исполнении Божиих предначертаний и заповедей можно быть столь же настойчивым, как и в исполнении своих желаний, и даже гораздо более, потому что в подчинении Богу воля человека находит такую могучую опору, какой не может быть в деятельности, основанной на самохотении и самоопределении. Субъективно эта опора состоит в том, что требования Божиего Закона имеют для человека гораздо большую силу авторитетности, чем его собственные желания. Как бы человек ни был горд, как бы ни склонен он был преувеличивать свои достоинства и способности, в глубине сознания он все же не может поставить их так высоко, как верующий ставит для себя Бога. Поэтому его личные желания могут переживаться очень остро, могут дойти до степени страсти, но они никогда не приобретут той нравственно-повелительной силы, какую имеют для верующего заповеди и требования Божественной воли. В своих собственных желаниях человек или неизменно замечает

элементы самолюбия и эгоизма, что лишает их нравственной чистоты и обязательности для совести, или же в тех случаях, когда его деятельность свободна от эгоистических побуждений и вся устремлена на пользу ближнего, он не может быть безусловно уверен в правильности пути, избранного для их практического осуществления, ибо сознает, что выбор этот определен его собственным умом, силу которого он не может считать абсолютной. В том и другом случае неизбежные сомнения ослабляют твердость и уверенность его деятельности. Этих сомнений не знает верующий человек, всецело подчинившийся воле Божией.

Объективно опора для деятельности, согласованной с волей Божией, заключается в том, что Господь незримо помогает Своему верному слуге, творящему Его волю. Эта великая, могущественная помощь, с одной стороны, а с другой – уверенность в правильности пути, указанного перстом Божиим, и в безусловной святости и непогрешимости норм, данных Господом для человеческой деятельности, приводят в результате к тому, что человек верующий, подчинившийся Богу и всецело опирающийся на Его всемогущую волю, духовно бесконечно настойчивее и сильнее, чем неверующий, служащий исключительно своему «я» и руководящийся своими эгоистическими желаниями и указаниями своего рассудка.

Третьим условием настойчивости является терпение. У святых подвижников оно всегда было громадно. Значение его в христианском подвиге совершенно ясно: чтобы вести непрерывную борьбу с искушениями, постоянно напряженно работать над собою и до последней минуты своей жизни не отступать, не бросать начатого дела, не доведя его до конца. Для этого надо уметь мужественно переносить, во-первых, страдания и лишения, всегда связанные с христианским подвигом, а во-вторых, неизбежные ошибки, падения и неудачи, которые легко могут вызвать уныние и ослабить энергию неопытного христианина. Дьявол всегда пользуется неудачами, стараясь раздуть их значение до размеров настоящей катастрофы, чтобы довести подвижника до отчаяния и принудить его прекратить борьбу. Умение переносить страдания и не смущаться неудачами и есть форма христианского терпения. Оно естественно развивается из двух ранее указанных условий настойчивости, то есть из единства цели жизни и покорности Богу, и без них вряд ли может кто-либо достигнуть высокой степени. Терпеть страдания, зная, что это угодно Богу, и переносить неудачи, зная, что они попускаются Богом для нашего воспитания в смирении, неизмеримо легче, чем не понимая, зачем и для кого это нужно. Бессмысленные, ненужные лишения, самые незначительные, чувствуются гораздо тяжелее и раздражают гораздо больше, чем великое горе, целесообразность которого нам ясна.

В вопросе о воспитании терпения могут быть полезны еще следующие замечания.

Часто наше нетерпение в христианском делании зависит от того, что мы скорее хотим насладиться плодами сделанных усилий и иметь скорый, заметный для нас успех. На второй день после обращения к Богу мы уже хотим быть святыми.

Если этого не получается, нам начинает казаться, что наши усилия пропадают даром, и мало-помалу уныние овладевает душой. Мы часто способны бываем на крупный геройский поступок, ибо там успех обнаруживается сразу, но в будничной, черновой работе, не дающей быстрых заметных результатов, наша энергия скоро беднеет и гаснет.

Чтобы предотвратить уныние, надо твердо помнить, что ни одно усилие, как бы мало оно ни было, не пропадает безрезультатно и в душе свой след оставляет. Если мы не замечаем успехов, то чаще всего потому, что наш духовный взор еще недостаточно опытен, чтобы их различить, если они не проявляются в крупных размерах, но если усилие сделано добросовестно, то результаты несомненны, в этом можно быть уверенным. Посмотрите, как медленно, незаметно растет дерево. Почти невозможно определить, насколько оно выросло за сутки, и только в конце года обнаруживается значительный прирост. Так и в духовной жизни.

Всегда лучше смотреть не на конечную цель своих стремлений, а на ближайший шаг, который предстоит сделать. В христианской жизни эту конечную цель рассмотреть ясно

почти и невозможно, так как идеал здесь бесконечен и тонет в отдалении, а сравнивать пройденный путь с тем расстоянием, которое еще предстоит пройти, – занятие и бесполезное, и способное внушить уныние. Как бы далеко ни ушел человек вперед, перед ним все еще расстилается такая бесконечно длинная дорога, что он всегда кажется себе находящимся в самом начале пути. Поэтому никогда не следует мерить, насколько ты вырос в духовном отношении, а все внимание обратить на то, чтобы как можно лучше сделать следующий шаг.

Лучше думать о том, что ты должен делать, а не о том, чего ты можешь достигнуть. Исполни свой долг добросовестно и не заботься много о результатах. С доверием представь это Господу.

Всегда помни правило древнего мудреца Семея: «Обязанности – твои, а следствия – Божии».

Глава 2, ст. 13-28

В данном отрывке евангелист Марк впервые отмечает те разногласия, которые начали обнаруживаться между Иисусом Христом и руководящим классом еврейского народа – фарисеями и книжниками в их взглядах на религию и ее значение в жизни человека. Совершенно различное понимание религии и ее целей порождает между ними первые недоразумения, скоро переходящие у фарисеев в затаенную вражду и глухую ненависть. Три точки разногласия отмечает святой Марк. Три серьезных замечания делают фарисеи Христу.

Когда Господь призвал в число Своих учеников сборщика податей Левия Алфеева, впоследствии ставшего апостолом с именем Матфей, последний в порыве великой радости устроил у себя пир.

На этот пир он пригласил своих прежних друзей, таких же мытарей, каким был сам, а также многих из той толпы, которая постоянно окружала Господа Иисуса Христа и которая состояла главным образом не из профессионалов религии, а из людей обыкновенной, суетной, греховной жизни, как большинство из нас. На пиру Левия Господь оказался в компании мытарей и грешников.

Это обстоятельство вызвало негодование фарисеев.

– Как это ваш учитель, – сказали они ученикам Господа, – ест и пьет с мытарями и грешниками?

Сборщиков-мытарей они ненавидели, видя в них предателей нации, ибо мытари служили ненавистной чужестранной римской власти, занимаясь досмотром товаров, взиманием пошлин за ввоз и вывоз и сбором путевых пошлин на мостах и дорогах. Всех же, кто не принадлежал к фарисейскому кругу и не слишком строго придерживался исполнения обрядного Моисеева Закона и преданий старцев, они глубоко презирали, считая грешниками.

Только себя признавали фарисеи «чистыми» и достойными последователями Моисея и ни за что не унизились бы до того, чтобы иметь общение с мытарями и людьми легкомысленными или неопрятными в религиозном отношении. И вдруг этот прославленный Пророк из Назарета, о котором так много говорят, ест и пьет вместе с этим отребьем. Он с ними беседует, Он их учит! Какая профанация религиозной проповеди и какой позор для человека, претендующего быть учителем и наставником Израиля!

Второе разногласие вызвал вопрос о посте. Строгие законники во всем, фарисеи были такими же и в отношении постов. Все посты, заповеданные законом и преданием, они считали строго обязательными не только для людей, образовавших религиозную общину и желавших вести религиозную жизнь, какими им казались ученики Господа Иисуса Христа, но и вообще для всех сынов Израиля; и вдруг в этой маленькой общине, сформировавшейся вокруг нового Пророка, не признают постов! Ученики Иисуса не постятся!

Понятен возмущенный вопрос: «Почему Твои ученики не постятся?»

Третье недоразумение возникло по вопросу об отношении к субботе, этом своего рода «табу» еврейского раввинизма, где никакие отступления от раз установленных правил не допускались. Инцидент, вызвавший это недоразумение, был следующий: *Случилось Ему в субботу проходить засеянными полями, и ученики Его дорогою начали срывать колосья.*

Евангелист Лука добавляет: *они срывали колосья и ели, растирая руками* (Лк. 6, 1).

И фарисеи сказали Ему: смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать?

Срывать колосья руками на чужой ниве, не употребляя серпа, Моисеевым Законом разрешалось (Втор. 23, 25). Это не считалось воровством, и не в этом состояло преступление учеников, вызвавшее замечание фарисеев. Нарушение закона, с их точки зрения, заключалось, во-первых, в том, что в этот день еще нельзя было есть нового хлеба. Первый сноп нового урожая обыкновенно приносился сначала священнику, который возносил его пред Господом в жертву. Это делалось по закону на другой день праздника опресноков, или на третий день Пасхи, 16-го числа месяца Нисана. *Никакого нового хлеба*, – гласил закон, – *ни сушеных зерен, ни зерен сырых не ешьте до того дня, в который принесете приношение Богу вашему: это вечное постановление в роды ваши во всех жилищах ваших* (Лев. 23, 14). Господь Иисус Христос со Своими учениками проходил полем, по свидетельству святого Луки, в так называемую второпервую субботу, то есть в субботу, случившуюся 15-го Нисана (по толкованию святого Исидора Пелусиота). Значит, ученики, срывая и вкушая колосья, не дождались ровно одного дня, когда они могли сделать это на законном основании. Но самое ужасное, по фарисейским понятиям, состояло в том, что ученики срывали колосья и растирали их руками в субботу! Ведь идя дальше в этом направлении, можно было допустить в субботу и жатву и молотьбу! А это законом определено запрещалось: *шесть дней можно делать дела, а в седьмой день суббота покоя, священное собрание; никакого дела не делайте* (Лев. 23, 3).

Вероятно, фарисеи ожидали, что Господь остановит учеников и напомним им древнее правило, но не дождавшись этого, они сами обращают Его внимание на возмутительное нарушение закона: *смотри, что они делают в субботу!*

Таковы три факта, выявившие разногласие между Господом Иисусом Христом и фарисеями.

Ни в одном из этих случаев Господь не встал на точку зрения фарисеев и не поддержал их негодование. Ясно, что в оценке фактов религиозной жизни и в понимании ее сущности они резко расходились. Строго говоря, высказывания фарисеев имели под собой формальные основания, особенно в вопросах о посте и субботе. Здесь они стояли на почве буквального понимания закона, но этот закон в их понимании являлся чем-то мертвым, застывшим, не допускавшим решительно никаких изменений или приспособлений к живой душе человека, и потому он потерял дух жизни, подобно сухому дереву, которое уже не может расти и развиваться, а может только гнить.

Господь Иисус Христос относился к Моисееву Закону совершенно иначе.

Он никогда не отвергал Ветхого Завета. *Не думайте, что Я пришел нарушить закон... не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17), – говорил Он. Он с большой силой подтверждает его, особенно когда замечает его лукавое извращение или нарушение во имя человеческих преданий старцев, как это мы видим в споре о пятой заповеди, дух которой фарисеи до того исказили, что, вопреки категорическому требованию закона, позволяли человеку во многих случаях забывать о своих обязательствах к родителям или же уклоняться от них путем лицемерной казуистики (Мк. 7, 6-13). В текстах Священного Писания Ветхого Завета Он ищет правила поведения или опоры в борьбе с искушениями (Мф. 4, 4, 7, 10). Своих учеников Он упрекает за недоверие к ветхозаветным пророкам (Лк. 24, 25). Доктрины Ветхого Завета о сотворении мира, о человеке, о праведности, о Промысле Он считает неоспоримыми. На истории израильского народа, изложенной в книгах Ветхого Завета, Он осно-

вывает Свою миссию. В Своих проповедях и поучениях Он часто пользуется изречениями, мыслями, образами и сравнениями, взятыми из Ветхого Завета. Он так хорошо его знает, что это знание возбуждает удивление даже среди книжников.

Но Господь Иисус Христос не только знал Ветхий Завет – Он всегда требовал его исполнения.

Исцелив прокаженного, Он требует, чтобы тот пошел показаться священнику и принес жертву за очищение, как это было постановлено Законом Моисея (Мф. 8, 4, ср. Лев. 14, 3–4).

Когда к Нему обращается юноша с просьбой научить, как наследовать жизнь вечную, Он прежде всего требует от него исполнения заповедей Ветхого Завета (Мк. 10, 19).

Когда наступает время Пасхи, Он поручает ученикам приготовить все нужное для праздника, как это требовал Закон Моисеев (Лк. 22, 8).

Можно было бы привести много примеров, говорящих о том уважении, с каким Господь относился к Ветхому Завету. Несомненно, Он считал его не только полезным и нужным для духовной жизни, но и обязательным для человека как Слово Божие.

Здесь мимоходом можно подчеркнуть урок, вытекающий для нас: если Господь находил книги Ветхого Завета нужными и полезными, то, очевидно, они имеют такое же значение и для нас, хотя мы и пользуемся высшей формой Божественного Откровения Новым Заветом. Необходимое Христу необходимо и нам. Поэтому то пренебрежение и недоверие, которое замечается иногда среди некоторых христиан по отношению к Священному Писанию Ветхого Завета, совершенно ни на чем не основано.

Но признавая и почитая книги Ветхого Завета как Божественное Откровение, Господь относится к ним гораздо свободнее и совершенно иначе, чем фарисеи. Глубоко чтя проводимые здесь основные принципы как плод озарения Святого Духа, Он считает ветхозаветные формы практического их осуществления в жизни вполне допускающими изменения, и, никогда не отступая от духа Священного Писания, Он тем не менее не связывает ни Себя, ни Своих последователей формальными предписаниями древнего закона. Жизнь меняется, меняются, как в калейдоскопе, ее условия, и те обряды, обычаи и норма внешнего поведения, которые были практичны и пригодны несколько столетий тому назад, становятся совершенно непригодными и даже неисполнимыми в данный момент.

Но дух, этот вечный абсолютный и живой дух, действующий постоянно в человеке, в его жизни, в его истории, дух добра, истины, правды – должен быть всегда один и тот же, проявляясь лишь в различных обнаружениях в зависимости от эпохи. Так, например, древний Закон Моисея повелевал купившему раба из соотечественников держать его в рабстве не более шести лет, а в седьмой год отпускать на свободу и при этом добавлял: *когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стада твоих, от гумна твоего и от точила твоего: дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой* (Втор. 15, 13–14). В этом постановлении сказывается дух милосердия, дух любви к ближнему, но можем ли мы исполнить это правило? Понятно, нет, так как в рабство у нас теперь не продаются и самый институт рабства давно уничтожен, поэтому и дух милосердия в настоящее время должен искать своего выражения в других, современных формах благотворительности.

Другой пример: для невольных убийц, то есть совершивших убийство неумышленно, по неосторожности, Моисеев Закон отводил три города, где они могли искать убежища от мести родственников убитого. Здесь говорил дух правосудия, ибо человека, виновного только в неосторожности, карать как за умышленное убийство, конечно, несправедливо.

Но у нас нет ни городов убежища, ни родовой мести, и правило это отпадает само собой. Дух справедливости находит выражение в других формах. Ясно, что формы человеческого поведения и жизни, выражающие веления религиозного духа, и не могут быть вечно

одними и теми же, застывшими, омертвевшими, и требовать этой неизменности формы – значит на живой орган накладывать лубки.

Результат всегда будет один и тот же: ослабление живой силы религии и омертвление тканей души.

Более того: если религиозные формы держать всегда педантично неизменными, не считаясь с потребностями духовно развивающегося человека, то эти формы или искалечат духовную жизнь, дадут ей уродливое развитие, или совершенно остановят ее рост. Если ребенка постоянно держать в пеленках, не снимая их и не ослабляя, то он расти не сможет. Китайки для того, чтобы иметь маленькие ноги, чего требует мода, держат их с детского возраста всегда туго забинтованными. Это сохраняет детский размер ноги, останавливая ее рост, но страшно уродует ее и сопровождается сильной болью.

Так бывает всегда там, где есть живая органическая сила жизни и роста. Так и в религии: по мере того, как дух Божий, дух добра и правды все полнее и совершеннее воплощается в жизни человека, старые формы, как детские пеленки, становятся для него все теснее, и он неизбежно, хотя часто постепенно и незаметно, их меняет. Сама жизнь в той мере, как она развивается и проникается новым духом, перерастает старые рамки, не уместается в них и естественно стремится их раздвинуть, и если, не считаясь с этим ростом, оставить эти рамки в прежнем виде, без всяких изменений, то жизнь просто их разломает, как поднимающаяся вешняя вода в реке ломает сковывающий ее лед. Этот именно закон духовной жизни и выразил Господь в словах: *Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые* (Мк. 2, 22).

Господь Своим учением, жизнью и смертью поднял религию на такую громадную высоту, в такой полноте сообщил уверовавшим в Него духа истины и благодати, что не только формы внешнего богослужения оказались устарелыми, но самые правила жизни и поведения пришлось расширить и углубить, чтобы в них могло отразиться это веяние нового духа. Отсюда ряд антитез, естественно возникающих при сопоставлении нового учения со старыми правилами:

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду (Исх. 20, 13). *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 21–22).

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исх. 20, 14). *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–28).

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную (Втор. 24, 1). *А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 31–32).

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои (Лев. 19, 12; Втор. 23, 21). *А Я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 33–34, 37).

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Исх. 21, 24). *А Я говорю вам: не противься злому* (Мф. 5, 38–39).

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17). *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 43–44).

В этих антитезах нет противоречия древним правилам. Они не отменяют, но лишь развивают и усовершенствуют нормы Ветхого Завета. В них веет тот же дух любви и правды, но уже поднявшийся со ступени младенческого состояния человечества на громадную высоту развития и совершенства.

Так и смотрит Господь на взаимное отношение Ветхого и Нового Заветов. *Не думайте*, – говорит Он, – *что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17). Русское слово «исполнить» не совсем точно передает оттенок мысли. Стоящее здесь у Матфея греческое слово означает: «восполнить», дать полноту, законченность. Другими словами, Господь хочет сказать, что Его Новозаветное учение не нарушает и не отменяет Моисеева Закона, но восполняет и развивает его. Фарисеи расширяли древний закон, отыскивая все новые случаи его применения, опутывая всю жизнь мелочными, формальными предписаниями, порождая предания старцев в невероятном количестве, или, как говорит пророк Исайя: *стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного*, – *так что они пойдут... и попадут в сеть и будут уловлены* (Исх. 28, 13). В этих попытках регламентировать все мелочи жизни неизменными мертвыми правилами, формально выведенными из закона, они сохраняли букву закона, но нередко нарушали его дух (Мк. 7, 6-13).

Иисус Христос, наоборот, углубляет и развивает принципы ветхозаветного законодательства, усиливает его духовную напряженность. Он сохраняет его дух, но нередко нарушает форму. В этом заключается основная и существенная разница в отношениях к Ветхому Завету Господа Иисуса Христа и фарисеев.

Отчего получилось такое различие?

Оттого, что Господь смотрит на религию неизмеримо глубже, чем фарисеи. Для Него сущность религии и заключается в живом союзе души человека с Богом, союзе любви. *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17, 21, 26) – так молится Он Отцу Своему. Любящая Бога человеческая душа – вот то, что для Него наиболее ценно, а каким образом эта душа дошла до любви, объединяющей ее с Богом, – это вопрос, строго говоря, второстепенный, не имеющий существенно важного значения. Человек может воспитывать эту любовь и ортодоксальными средствами, строгим выполнением выработанных религией обрядов и постановлений, имеющих педагогическое значение, но может достигнуть той же цели и совершенно своеобразным путем, как, например, достигали святые отшельники, пребывание которых в пустыне требовало от них особого образа жизни и особых правил внешнего поведения. В христианстве оценивается не столько деятельность человека, сколько качества души его, проявляющиеся в этой деятельности. Святитель Николай публично заушил Ария и был осужден отцами Собора, усмотревшими в этом поступке нарушение дисциплины любви, но Бог оправдал Своего избранника, ибо в этом заушении сказалась горячая ревность святителя о вере, его великая любовь к Богу и, несомненно, к тому же Арию, хульные речи которого надо было остановить, дабы не поразил его гнев Божий. Господь, как всегда, смотрит в корень вещей. Таким корнем в духовной жизни является душа; внешние деяния – это только плоды. Важно прежде всего, чтобы корень – душа – был здоров, тогда и плоды будут хороши. *Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые* (Мф. 7, 17–18).

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его (Лк. 6, 45).

Стоя на этой точке зрения, Господь и все внешние установления религии, ее обряды, правила, обычаи оценивает исключительно по их связи с душой человека, то есть поскольку они или выражают религиозные настроения и движения души, или служат средством ее религиозного воспитания. *Суббота для человека, а не человек для субботы*, – говорит Он (Мк. 2, 27).

Это значит, что все внешние формы, в которых проявляется религиозная жизнь, хороши и ценны, если они содействуют духовному развитию человека и помогают ему приблизиться к Богу. Ценны искренние молитвы, потому что они служат выражением веры, благоговения и любви к Богу и, преклоняя Господа на милосердие к молящемуся, сближают Бога с человеком. Ценны церковные службы, полные символизма и глубоко трогательных обрядов, ибо они развивают в человеке религиозное чувство. Ценны дела милосердия и различные благочестивые упражнения, ибо они воспитывают благонастроенную волю, стремящуюся к богоугождению.

Но все эти формы религиозных проявлений становятся бессмысленными, если они теряют связь с живой душой. Бессмысленны и бесцельны молитвы, если они произносятся только устами и если в них не участвует ни ум, ни сердце. Становятся совершенно ненужными обряды, если они не воспитывают душу в любви и покорности к Богу. Даже дела благотворительности и служения ближнему теряют свою ценность, если человек не участвует в них душой (1 Кор. 13, 3).

Если мы поймем все это, поймем взгляд Господа на религию и на религиозную жизнь, то нам станет ясен смысл всех трех ответов, в которых обнаружилось Его разногласие с фарисеями.

Когда фарисеи упрекают Его в том, что сближением с мытарями и грешниками Он позорит Свое звание духовного учителя, Господь отвечает им: *Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.*

Самое ценное для Бога – душа человека. Поэтому и обязанность религиозного учителя именно в том и состоит, чтобы эту душу, омраченную, недугующую грехом и ушедшую от Бога, просветить, исцелить и снова вернуть к Творцу. Не нужен тот учитель, который не идет за этой душой, гнушаясь ее язв, и бессмысленно его величаво-надменное стояние в отдалении от людей, требующих его руководства. Если он желает оставаться лишь в незапятнанном кругу праведников, то он бесполезен и не делает своего дела.

На вопрос, почему ученики Его не постятся, Господь отвечает: *могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни* (Мк. 2, 19–20).

Это значит: пост не соответствует их теперешнему настроению. Пост есть внешнее выражение душевной скорби и сокрушения о грехах. Но сейчас для них время радости, ибо Я, Господь и Учитель их, с ними. Было бы смешно, если бы гости, приглашенные на свадебный пир, скорбели и постились. Так и для их ликующей души пост не только бесполезен и бессмыслен, но был бы лишь вредным лицемерием. Наступят дни, когда Меня не будет с ними, тогда будут скорбеть и поститься. Тогда пост будет для них потребностью души и выражением тоскующей любви. Тогда он будет нужен.

Когда, наконец, фарисеи упрекнули учеников Иисусовых в том, что они срывали и ели колосья в субботу, Господь сказал в ответ: *неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взял сам и бывшие с ним? как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним?* (ст. 25–26).

Эпизод, который указывает Господь, относится к тому времени, когда Давид спасался от преследования Саула, и подробно описан в первой книге Царств, глава 21, ст. 1–6. Хлебы предложения считались великой святыней (Лев. 24, 9), и никто из посторонних не смел их вкушать по Закону Моисееву. Однако Давид нарушил это постановление, ибо в противном случае ему и его свите грозила опасность погибнуть от голода. Господь не порицает Давида, ибо постановления закона имеют в виду пользу человека и его души, и там, где буквальное

исполнение их связано с очевидным вредом для человека, они, конечно, могут быть отменены.

Точно так же нельзя упрекать и апостолов, что они по нужде нарушили субботу, ибо *суббота для человека, а не человек для субботы* (ст. 27).

Фарисеи смотрели совершенно иначе. Вряд ли они когда-нибудь задумывались серьезно о необходимости совершенствовать прежде всего душу, вряд ли именно в этом видели волю Божию и главную цель религии и вряд ли рассматривали постановления закона как воспитательное средство религиозного развития. Для них исполнение закона уже само по себе было средством богоугождения, и, забывая, что Бог не от рук человеческих угождение приемлет, они воображали, что чисто механическим исполнением всех обрядовых предписаний они обеспечивают для себя должную милость и награду. Вот почему, исполнив эти предписания, фарисей был вполне доволен собой и больше ни о чем не заботился. «Разве я не все исполнил, и в чем я ошибся?» – таково было обыкновенное присловие фарисея. Обряды и постановления закона приобретали, таким образом, значение своего рода магических средств, исполнение которых было для человека обязательно, если он хотел получить милость у Бога. У фарисеев человек был для субботы, а не суббота для человека. Он мог умирать с голоду, если ему это было угодно, но субботние постановления он обязан был выполнить, ибо в противном случае он навлекал на себя, по их мнению, гнев Божий.

Этот взгляд на сакраментальное значение обрядов не изжит и до сих пор даже в христианстве, особенно среди нашего старообрядчества. Там обряды тоже приобрели совершенно несвойственное им значение самодовлеющих средств богоугождения и потому объявлены неизменными и неприкосновенными. «До нас положено: лежи так оно во веки веков», – говорил первый вождь раскола старообрядчества протопоп Аввакум.

Но для нас, конечно, это мнение неприемлемо. Бесконечно выше взгляд Господа, Который все обряды и постановления внешнего закона рассматривал с точки зрения их пользы для души человека. Чтобы тем отчетливее выяснить эту точку зрения, позвольте привести сравнение.

Когда архитектор начинает строить храм, он прежде всего ставит леса. Без этого работа невозможна: вы можете выложить пять-десять ярусов кирпичей, но больше этого не пойдет. Леса позволяют вам вести постройку до громадной высоты, и чем выше она поднимается, тем выше протягиваются по лесам лестницы и платформы для рабочих. Только когда постройка закончена, леса снимаются, и чудное здание храма Божия вырастает перед вами во всей красоте своей.

Леса – это обряды и правила внешнего поведения. Их задача – содействовать воспитанию души и постройке в ней храма Божия, что и является главной целью духовной работы.

Нужны ли они?

Ясно, что нужны, ибо без них храма не построить. В лучшем случае можно вывести лишь первый ярус, но всю постройку закончить невозможно.

Изменяемы ли они?

Опять-таки ясно, что да. По мере того, как идет вперед развитие пути, и внешние вспомогательные средства должны становиться возвышеннее и сложнее, приспособляясь к этому развитию. Для детей нужно молоко, для взрослых – твердая пища (1 Кор. 3, 2).

По мере роста дерева необходимо удлинять палочку, к которой оно привязано.

Но достаточно ли ограничиться постройкой лесов, то есть исполнением внешних обрядов и предписаний, как ограничивались фарисеи?

Конечно, нет. Ставить леса бессмысленно, если не строить храма. Сами по себе они ни на что не нужны.

Надо твердо помнить, что если Господь должен быть центром всей человеческой жизни и царствовать в душе человека, то первая забота христианина должна состоять в том, чтобы

построить в душе достойный для Него храм, то есть очистить и приготовить, воспитать душу.

В этом заключается главная забота. Сюда должны быть устремлены все силы и внимание, и вся религиозная жизнь и деятельность должна рассматриваться под этим углом зрения.

Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (I Кор. 3, 16). Вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом (2 Кор. 6, 16).

Глава 3

Глава 3, ст. 1-6

Снова евангелист рассказывает о столкновении, происшедшем между Господом и фарисеями, и снова это столкновение произошло по вопросу о субботе.

В вопросе о субботе книжники и фарисеи были особенно неуступчивы и ревнивы, ибо они здесь опирались не просто на древний обычай или предание старцев, но на определенное повеление Божие. Четвертая заповедь Синайского законодательства гласила:

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай, и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его (Исх. 20, 8-11).

А тридцать первая глава книги Исход говорила еще решительнее: *И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым так: субботы Мои соблюдайте, ибо это – знамение между Мною и вами в роды ваши, дабы вы знали, что Я Господь, освящающий вас; и соблюдайте субботу, ибо она свята для вас: кто осквернит ее, тот да будет предан смерти; кто станет в оную делать дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего; шесть дней пусть делают дела, а в седьмой – суббота покоя, посвященная Господу: всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти (Исх. 31, 12–15).*

На основании этих прямых и решительных требований Закона Моисеева еврею запрещено было в субботу всякое дело: нельзя было ни развести огня, ни сварить пищи; даже передвижение ограничено было мерою 2400 шагов. Постановления эти поддерживались с неумолимой строгостью, и требование книги Исход о казни за осквернение субботы исполнялось буквально.

В книге Числа мы читаем такой эпизод.

Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы; и привели его нашедшие его собирающим дрова [в день субботы] к Моисею и Аарону и ко всему обществу [сынов Израилевых]; и посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана. И вывело его все общество вон из стана, и, побили его камнями, и он умер (Чис. 15, 32–36).

Еще более поразительный случай рассказывается в первой книге Маккавеев. Во время восстания Маттафии отряд возмущившихся иудеев, ревнителей отеческого закона, укрылся в горах, где в субботу и был настигнут войсками царя Антиоха. Когда те начали сражение, иудеи оказались совершенно беззащитными, ибо в субботу не хотели сражаться, и они не отвечали им, ни даже камня не бросили на них, ни заградили тайных убежищ своих, и сказали: мы все умрем в невинности нашей; небо и земля свидетели за нас, что вы несправедливо губите нас. Нападали на них по субботам, и умерло их, и жен их, и детей их со скотом их, до тысячи душ (1 Мак. 2, 36–38).

Так ревниво оберегался среди евреев покой субботнего дня! Правда, требования жизни мало-помалу брали свое, и чтобы не оказаться в безвыходном положении, подобно маккавейскому отряду, пришлось допустить много казуистических отступлений и обходов суббот-

него закона, но внешне он исполнялся очень строго. Врачебная практика также была запрещена в субботу, и, подводя под понятие врачевания чудесные исцеления больных Господом Иисусом Христом, фарисеи и эту деятельность считали недозволенной.

Когда однажды Господь исцелил в синагоге больную скорченную женщину, *начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботный* (Лк. 13, 14). Жалкий буквоед, он не понимал той простой и очевидной истины, что если Богу неуютны были исцеления в субботу, то Он и не допустил бы силе Своей совершаться в них, ибо силой Божией они были совершены.

Зная отношение Господа к вопросу о субботе, фарисеи, рассказывает евангелист Марк, *наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его*. А в синагоге, куда пришел Господь, находился в это время человек, имевший сухую руку. Пройти мимо него безучастно, не оказав никакой помощи, Господь не хотел, но Он видел озлобленные, подстерегающие взоры фарисеев и решил дать им урок.

Он же говорит человеку, имевшему иссохшую руку: стань на средину. А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали.

Что могли они ответить? Простой, ясный, мудрый вопрос Господа сразу обличал всю нелепость их позиции. В самом деле: что сказать? Сказать, что добро делать в субботу можно, это значило признать допустимыми и исцеления, а это производило уже коренную ломку в их взглядах и учении о субботе. Более того: это значило признать перед всем народом несправедливость злостных наветов и нападок на Иисуса и ошибочность собственных суждений. Профессиональное самомнение и гордость книжников допустить этого не могли. С другой стороны, сказать, что в субботу можно делать зло и оставить человека погибать без помощи, было до такой степени нелепо и так не вязалось со значением субботы как дня, посвященного Богу, что даже их отупевшая совесть и извращенный в своем фанатизме ум понимали это.

Кроме того, простой народ сердцем почувствовал бы всю фальшь и возмутительную жестокость такого ответа, а поколебать свой авторитет среди народа – это для фарисея было хуже всего.

Они молчали. И, возрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая.

Господь примером доказал, что в субботу делать добро можно.

В этом эпизоде яснее, чем где-либо, фарисеи выявили свое сухо-формальное отношение к религиозным установлениям. По их понятиям, действительно, человек был ради субботы, а не суббота человека ради. Пусть человек гибнет, пусть он упустит, быть может, единственную для него возможность получить исцеление от Великого Пророка, но закон о субботнем покое должен быть соблюден. Такова их точка зрения.

Но Господь, как всегда, верен Себе. У Него и здесь на первом плане вопрос о человеке, и если для его спасения надо нарушить закон о субботе в его буквальном понимании, Он не колеблется это сделать.

Описанное столкновение Господа с фарисеями ставит перед нами очень важный вопрос: как в самом деле, по христианскому учению, следует проводить праздники и относиться к ним? Чему в этом случае учит пример Христа?

Что Господь праздники не отрицал, видно из того, что каждый год для празднования Пасхи Он ходил в Иерусалим, как этого требовал установившийся обычай, и даже перед самой Своею смертью, уже предчувствуя ее близость, Он нашел нужным совершить с учениками Своими Пасху по принятому еврейскому ритуалу. Не отрицал Он, конечно, и субботы как особого дня, посвященного Богу, ибо соблюдение субботы требовала прямая запо-

ведь Божия, а заповеди эти Он исполнял строго, говоря о них так: *доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5, 18). Если Ветхий Завет вообще Он считал нужным для человека, как это мы видели раньше, то краеугольный камень этого завета, Синайское законодательство, Он считал безусловно необходимой основой жизни, неизменной до последней йоты как закон воли Божией.

В христианстве суббота уже во времена апостолов была заменена воскресным днем. В книге Деяний (гл. 20, ст. 7) мы читаем, что христиане для совершения таинства причащения собирались в первый день недели, то есть в день, следующий непосредственно за субботой, ибо субботой заканчивалась еврейская неделя. Другими словами, это было богослужение воскресного дня. Особенное значение этого дня отмечает также апостол Павел, говоря о сборе милостыни (1 Кор. 16, 2). Лаодикийский Собор христианской Церкви уже определенно заменяет празднование субботы воскресным днем.

«Не подобает христианам иудействовать, – говорит его 29-е правило, – и в субботу праздновать, но делати им в сей день, а день воскресный преимущественно праздновать, аще могут, яко христианам». Причина этой замены вполне понятна: в первый день недели воскрес Господь наш Иисус Христос, и воспоминание этого события, самого важного в христианстве, придает и самому дню, с которыми оно связано, выдающееся значение. Поэтому требование четвертой заповеди о праздновании седьмого дня недели в новозаветном христианстве относится к дню воскресному.

Итак, мы имеем определенную Заповедь Божию о почитании праздников. Так как все заповеди даны Господом для блага самого человека, то, очевидно, и эта заповедь для людей полезна и необходима. Она так же важна и так же нужна, как и все остальные заповеди, ибо в ней выражается та же воля Божия, как и во всем Синайском законе. И однако нет, кажется, другой заповеди, которую мы нарушали бы так легко и так часто, как четвертую. По всей вероятности, это происходит оттого, что вредные последствия нарушения чествования праздников для нас не так очевидны, как вред от нарушения других заповедей. Убийство, кража, клевета – это явное зло, для всех понятное. Но будничная работа в праздник, разгул, занятия, не соответствующие значению Божьего дня, – кому от этого какой вред? Не наоборот ли? Труд ведь всегда полезен, и потому всякая работа, хотя бы и в праздник, вполне допустима. Так думают многие. И однако нарушение праздников есть несомненное зло, иначе Господь, вечно пекущийся о благе человека, не оградил бы их почитания особою заповедью.

Зачем же нужны праздники?

Однажды мне пришлось говорить с молодым английским студентом о том, почему так строго соблюдается воскресный день в Англии. «Знаете что, сэр, – сказал он, – как бы там ни было, но необходимо хотя бы один день в неделю иметь для лучших дум!...»

Эту же мысль подробнее раскрывает преосвященный Филарет, митрополит Московский: «Праздник – это благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни». В самом деле, в течение недели мы, как в котле, кипим среди будничных забот и волнений, живем, как на базаре, где крикливая суeta жизни заглушает все. Душа, как удушливым туманом, окутана назойливыми мыслями о житейских нуждах и дрязгах, о наживе, о карьере, об удовольствиях, о чем угодно, только не о Боге; и осадок этих дум, как копоть, как плесень, заволакивает душу, делая ум нечистым и сердце черствым. В душе копится слой нравственной грязи, и эту грязь необходимо время от времени очищать, чтобы не покрыться плотной коростой греха, под которой сейчас же начинается гниение и разложение духовных сил. В русском народе есть обычай по субботам каждую неделю ходить в баню. Так и душа нуждается в периодических своего рода нравственных омовениях. Такими омовениями для души и должны служить праздники.

Праздники – это душ для души. «День седьмой – Господу Богу твоему», – говорит заповедь. Долой все будничные заботы, серые мысли, грязные желанья, ноющую зависть, недоброжелательность! На один день отдайте душу лучшим думам – думам о Боге, о любви, о вечности, о светлом мире Ангелов и святых, о бессмертии будущего (чтобы вам самим стать лучше, чище, добрее). Страхните с себя пыль житейской суеты, ибо *благословил Бог седьмой день, и освятил его* (Быт. 2, 3). Подумайте хоть в этот день о душе, иначе вам грозит опасность, что дума о теле превратится для вас в суть жизни.

В этом главное значение праздника. Это – день очищения, и этого требует гигиена души.

Для человека немощного, мирского трудно жить постоянным устремлением к Богу. Это требует непрерывных усилий и хорошо дисциплинированной воли, ибо житейские мелочи постоянно стремятся овладеть сознанием и вытеснить оттуда всякую мысль о Боге. Борьбаться с этим напором постоянно, каждую минуту, не отступая ни на шаг, часто не под силу обыкновенному человеку, не искушенному в духовной борьбе. Церковь это знает и потому, оставляя в распоряжении человека для его житейских дел шесть дней в неделю, требует от него лишь один день особых усилий, чтобы ему вырваться из будничной сутолоки и напряжением духа хотя бы ненадолго подняться на очищающую и освящающую высоту. Это мудрая педагогика. Когда разумный воспитатель обучает своих питомцев гимнастике, он всегда на первых порах сильное напряжение чередует с продолжительными периодами отдыха: иначе легко надорваться. Так и в духовном воспитании: подъем духовных сил в день праздника сменяется длительным духовным ослаблением будней и потому легко выдерживается даже слабым, начинающим христианином. Так мало-помалу воспитывается и укрепляется душа. Прежде чем бегать, надо научиться ходить.

Таким образом, установление особых праздничных дней, прерывающих течение будней, имеет духовно-воспитательное значение.

Трудно вообразить, что представляла бы собой жизнь без праздников. Несомненно, нечто очень унылое, безрадостное. Случалось ли вам видеть фабричные города, где некоторые улицы сплошь состоят из фабрик и заводов? Более неприглядной картины, чем эти улицы, нельзя и вообразить. Серые, пыльные мостовые; грязно-красные бесконечно-монотонные корпуса, как коробки, без архитектурных украшений, без узоров, без стиля, с рядами однообразных окон, затянутых мелким переплетом рам; бесконечная вереница длинных голых труб, вытянувшихся к небу, как жерла пушек, и извергающих из своих пастей тучи едкого дыма и копоти. Чистого, ясного, лазурного неба не видно: оно все заплевано, загажено этими трубами и покрыто их серым дымом, как пылью. Нигде ни одного яркого, красочного пятна, которое оживило бы эту монотонную жуть. Все серо, убого, убийственно скучно. Везде грязь, копоть, от которых никуда не спрячешься.

Таковы должны быть впечатления жизни, состоящей из одних будней без праздников. Но душа не переносит этого удручающего однообразия: она требует ярких, цветочных пятен, горящего солнца, смеющегося неба, песни жаворонка, радости жизни. Все это дает праздник. При религиозном, христианском отношении к нему он приносит столько радости, столько чистых восторгов, что жаль становится тех людей, которые не получили церковного воспитания и никогда не переживали этого святого подъема праздничного настроения. Даже будни после праздника становятся как-то содержательнее, осмысленнее и потому интереснее.

Часто люди, привязанные к земле и думающие только о земном, говорят, что праздники понижают продуктивность народного труда, что праздничное время тратится непроизводительно и что лучше было бы использовать его для работы, ибо тогда люди были бы обеспеченнее и жили богаче. Но не говоря уже о том, что «не хлебом единым жив будет человек» и что цель жизни не в богатстве, а в развитии духа, чему содействуют христи-

анские праздники, оказывается, что праздники не уменьшают, а, наоборот, повышают производительность физического труда и, следовательно, способствуют накоплению материальных ценностей. Есть специальная книга заграничного ученого Нимейера, посвященная этому вопросу и озаглавленная «О покое воскресного дня». В этой книге на основании статистических данных доказывается одна очень простая мысль: человеческая рабочая энергия изнашивается чрезвычайно быстро и нуждается для своего восстановления в определенных периодах отдыха; в противном случае качество и напряженность работы понижаются, так что время, выигранное от отмены праздничного отдыха, пропадает почти безрезультатно и общей продуктивности труда не увеличивает.

Кроме того, классическим опровержением указанного возражения служит самая богатая из европейских стран – Англия. Нигде так строго не соблюдается покой воскресного дня, как здесь. Если когда-нибудь вам придется быть в будний день в центральной части Лондона, так называемом Сити, то вы будете ошеломлены тем бешено-шумным потоком жизни, который мчится по главным улицам. Движением заполнены все тротуары, по которым бесконечной лентой струится густая толпа озабоченно-деловых людей; сплошной массой по асфальтовой мостовой несутся экипажи разных родов – кэбы, автомобили, ручные тележки, элегантные фаэтоны, грузовые автобусы и т. д.; под землей тоже лихорадочное движение: там, на глубине шести сажен, по особым подземным коридорам-трубам со страшной быстротой бегут электрические поезда; поезда так называемого метрополитена то ныряют под землю, то взбегают на высокие эстакады и грохочут над вашей головой... Все это создает впечатление настоящего столпотворения.

Но придите сюда в воскресный день, и вы будете поражены совершенно иной картиной. Все тихо. Витрины магазинов, многочисленные конторы, банки – все закрыто. Улицы точно вымерли. Не видно почти ни души. Редко-редко покажется прохожий, идущий куда-то быстрыми шагами, как будто конфузаясь своего одиночества и необходимости, заставившей его нарушить традицию. В пустых коридорах улиц одинокие шаги раздаются странно звонко и отчетливо. Прошел – и снова все замолкло. Только бобби, эти великолепные лондонские полисмены, как изваяния, неподвижно стоят на своих постах, оттеняя еще более неподвижность картины. Все население после церковной службы проводит время дома – или у рояля, под аккомпанемент которого поются священные гимны, или в беседе с приятелями у камина. Так Англия проводит воскресенье. К этому следует еще прибавить, что уже в субботу с 12 часов дня занятия повсюду прекращаются, и тем не менее Англия – самая богатая и самая промышленная страна в Европе.

Итак, праздники нисколько не уменьшают производительности народного труда. Но, конечно, для того, чтобы они приносили действительную пользу человеку, очищая и возвышая душу, для этого необходимо проводить их должным образом. У нас, к сожалению, праздник обыкновенно означает только усиление житейской суеты. Гости, концерты, вечера, балы, театры, посиделки, карты, выпивка – все роды развлечений, часто грубых, часто безнравственных – все это намеренно пригоняется к празднику: в будни некогда. Понятно, что проводить праздник таким образом вовсе не означает посвящать его Богу или отдыхать. В результате получается лишь утомление, какой-то мутный осадок, душевное оупение. Можно прямо сказать, что гораздо лучше работать, чем наполнять время этой суетой, отравляющей душу.

Как же следует проводить праздники по-христиански?

Посмотрите на пример Господа Иисуса Христа. Что Он делает в субботу, то есть в праздник?

У евангелиста Луки есть такое замечание: *и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу* (Лк. 4, 16).

Вот что было праздничным обыкновением Иисуса Христа: Он шел в синагогу, то есть в молитвенный дом. У нас синагоги заменены храмами, и, следовательно, наша первая обязанность – посещение храма.

Действительно, храм Божий и общественное богослужение являются могущественным средством духовного воспитания, просветления, очищения. «Действие Божественной литургии велико... – пишет Гоголь. – Если только молящийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, душа его приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко». «Люблю я молиться в храме Божиим, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – особенно в святом алтаре, у престола или у жертвенника Божия, ибо чудно изменяюсь я в храме благодатию Божиею; в молитве покаяния и умиления спадают с души моей терния, узы страстей, и мне становится так легко... я оживаю в Боге и для Бога... я делаюсь как дитя, утешаемое на коленях матери; сердце мое тогда полно пренебесного сладкого мира... ко всем чувствуешь дружество и любовь, к самим врагам, и охотно их извиняешь и прощаешь».

Храм внушает мысль о Боге и стремление к Нему. Даже внешний вид его: эти позолоченные главы, похожие на горящие свечи с остроконечным языком пламени, взвившемся к небу, зовут оторваться от земли туда, в высь, в бесконечное. А богослужение и поучает, предлагая вниманию молящихся все содержание христианства в ряде глубоких символических образов, и утешает, и смягчает, и возвышает. Вот небольшой отрывок из письма пятнадцатилетней девочки, передающий впечатления юной души под действием богослужения: «Я пою Тебе чудную песню, Тебе, Высокому, Светлому, посылающему в душу мою веяние неземного блаженства... Ярko играют солнечные лучи, светлые и радостные на голубых сводах храма. Нежно реет в вышине белый голубок и колышется в прозрачных струях ладана. Мягкие, легкие струи незаметно поднимаются кверху. Смеющиеся солнечные лучи прорезают их и падают на полукруглые своды... Как прекрасен этот яркий день! Как ясно голубое небо! Как радостно-звонко поют хвалу Тебе молодые, красивые голоса! Как дивно здесь, в Твоем храме! Как горят все сердца чистою любовью к Тебе!.. Весь мир – великий храм Твой, и все в этом храме прекрасное и светлое, и все поет Тебе песнь звенящую и прекрасную, звучащую восторгом и нежною любовью: мы любим, любим Тебя, о, Светлый, Высокий, Прекрасный!..

Тихо входим мы в полутемный храм и благоговейно преклоняем колени пред таинственным алтарем Твоим. Неслышно летит вверх, к полутемным сводам первая молитва трепещущих сердец, горящих беспредельной любовью к Богу. Ровным светом теплятся впереди свечи. Плавно льются давно знакомые, дорогие сердцу напевы... И из самой глубины взволнованной души несется к Нему, распятому нами, страдающему за нас, любящему нас, горячая и чистая молитва: „Боже, Боже! Видишь Ты наше горе, видишь Ты тьму, в которой мы живем, видишь, как рвутся души наши к свету Твоему!.. Из горячих, любящих сердец несется к Тебе пламенная чистая молитва за тех, которые не знают этого блаженства молиться Тебе, за тех, в душах которых нет ни искры великой любви Твоей, согревающей и просвещающей сердца всех! О, они не знают, какое блаженство чувствовать Тебя в сердце своем, какое блаженство в любви к Тебе, как легко и радостно прощать все обиды людям во имя Твое! О, Тебе, Великому, Милосердному, молимся мы: дай им хоть на минуту понять Тебя, дай им хоть мгновение возрожденным и очищенным от житейской грязи сердцем помолиться Тебе, дай им в сердцах своих ощутить светлую и прекрасную любовь к людям! Пробуди в душах их все хорошее, чистое, что исчезло под грязью жизни и что и сейчас еще спит глубоким сном в их сердцах!“»

Таковы впечатления чистого детского сердца от православного богослужения, и так возвышенно настраивает храм!

Недаром древние христиане так ценили праздничное общественное богослужение и так стремились к нему, что даже опасность смерти их не останавливала.

Из истории Церкви известен такой случай.

В царствование византийского императора Валента одно время свирепствовало тяжелое гонение на православных христиан. Особым эдиктом запрещалось посещение православных храмов. Запрещение это сопровождалось угрозой, что все, явившиеся к богослужению, будут избиты в самом храме. Исполнение эдикта поручено было городскому префекту. Рано утром, когда, по сведениям префекта, должно было начаться православное богослужение, он отправился к храму в сопровождении вооруженного отряда. Он рассчитывал, что императорский эдикт так напугает христиан, что никто не посмеет прийти в церковь. Каково же было его удивление, когда он заметил, что улицы, прилегавшие к храму, были полны христианами, стремившимися к Литургии. Особенно поразило его, когда он заметил выходящую из одного дома молодую женщину-христианку с ребенком на руках.

– Слушай, – сказал он, – куда ты идешь?

– В церковь, отвечала она.

– Но ведь ты знаешь эдикт?

– Да, знаю, – спокойно промолвила она.

– И ты не боишься смерти?

– О, – сказала она, и ее глаза засияли восторгом, – я с радостью умру за Христа!..

Смотри: все идут... Неужели я могу пропустить такой случай – пострадать за Господа...

– Но пожалей хоть ребенка... Зачем его взяла?

– Я хочу, чтобы и он разделил мое счастье... Он достаточно велик, чтобы исповедать имя Господа Иисуса Христа.

Префект был смущен, взволнован, потрясен. Эдикт императора не был исполнен.

Так дорожили христиане храмом и богослужением. Понимая все значение богослужения для христианского воспитания, VI Вселенский Собор издал даже следующее строгое правило о праздниках: «Аще кто, не имея никакой настоятельной нужды, или препятствия... в три воскресные дни в продолжение трех седмиц, не приидет в церковное собрание, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения».

Таким образом, посещение храма является первой обязанностью христианина в праздник.

Вторая обязанность – благотворение. Этому также учит пример Господа, исцелившего сухорукого в субботу и тем показавшего, что в субботу должно добро делать.

Наконец, все роды богоугодных занятий – домашняя молитва, чтение душеполезных книг, религиозные беседы и т. д. – наиболее приличествуют празднику, ибо этим и освящается праздничный день, как того требует заповедь:

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему (Исх. 20, 8–9).

Глава 3, ст. 7-19

В данном отрывке рассказывается о избрании двенадцати апостолов.

Слава Господа Иисуса Христа все росла. Его дивные дела, Его слово, проникнутое духом и силою, обаяние Его личности, полной кротости и милосердия, – все это возбуждало внимание, любопытство и восторг народа. Со всех сторон стекались к Нему толпы желающих послушать Его учение или получить исцеление. Это был период Его растущей популярности. *За Ним последовало множество народа из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи и из-за Иордана. И живущие в окрестностях Тира и Сидона, услышав, что Он делал, или к Нему в великом множестве.* Среди них было много больных, которые бросались к Нему, чтобы

коснуться Его. Удовлетворить всю эту многотысячную толпу, насытить ее жажду проповеди, исцелить всех больных, нуждавшихся в помощи, одному было совершенно невозможно. Наступало время, когда проповеданное Господом Царство Божие начинало расширяться и выходить из рамок небольшого кружка ближайших Его учеников, когда число желавших слышать об этом Царстве или вступить в него становилось настолько велико, что для работы с ними требовались помощники. Наступало время заложить фундамент для постройки здания этого Царства. Господь это и делает, избирая двенадцать апостолов в качестве ближайших Своих сотрудников, которые должны были образовать первый остов будущего Царства. *Он взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов.*

Быть с Ним было необходимо, ибо в этом заключался источник силы, без чего они были немощны и малодушны. Посылать на проповедь это был главный способ создания Царства Божия, и для этой цели апостолы и избирались. Иметь власть исцелять от болезней и изгонять бесов – в этом заключалось главное средство влияния на слушателей, еще не подготовленных к тому, чтобы оценить внутреннюю красоту будущего Царства и избрать его ради него самого и ради чистой любви к добру и к Богу.

Вот те цели, для которых избраны апостолы. Для апостольского служения нужны особые качества сердца, потому Господь избирает простых галилейских рыбаков, или, как говорит апостол Павел, *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. 1, 27–29).

Самомнение и гордость – великое препятствие в постройке Царства Божия, и хотя Господь использует для Своих целей иногда и сильных и талантливых, но такие люди особенно поддаются искушению самообождения.

Апостолы исполнили свое назначение. Несмотря на многочисленные препятствия, несмотря на гонения, на казни, на преследования, несмотря на трудности путешествий и проповеди часто среди диких, варварских народов, они мужественно несли свет Евангельского учения везде, не останавливаясь ни перед чем. *В опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе* (2 Кор. 11, 26–27) проповедовали они Слово Божие. Они свято исполнили завет Господа – *проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знаменами* (Мк. 16, 20). С великим терпением и настойчивостью, с великим мужеством и самоотвержением, с великой любовью к людям строили они Царство Божие, царство добра и правды. Их усилиями переродился мир, отбросив язычество, полное жестокости и эгоизма, и приняв учение Христа о любви и самоотречении. Это царство строится еще и теперь.

Апостолов уже давно нет в живых, но их преемники-пастыри и учителя Церкви по-прежнему по мере сил и усердия трудятся над созиданием Царства Божия на том евангельском фундаменте, который заложил Господь. Когда закончится эта постройка, мы не знаем, но мы верим, что рано или поздно настанет это царство яркое, светлое, прекрасное царство добра, правды, святости и чистоты, когда *будет Бог всяческая во всех*.

Как должны мы к этому относиться – к апостольскому делу постройки? Можем ли мы удовлетвориться тем, что для этого дела Господом избраны только некоторые, особые люди, что нашего участия в работе, следовательно, не требуется, и потому мы можем оставаться лишь спокойными зрителями?

На этот вопрос существуют два ответа. Один гласит, что мы все должны взять на себя долю участия в апостольской работе, стать с ними вровень и делать то же, что и они, то есть учить, проповедовать, изъяснять Слово Божие.

Это взгляд сектантов.

Другой ответ дает обыкновенная жизнь обыкновенных людей.

«Это не наше дело, – говорят они, и этого мнения, к сожалению, держится громадное большинство современных христиан. – Это дело священников, проповедников. Наша хата с краю!»

Оба ответа неверны. Делать чисто апостольское дело, то есть учить, проповедовать Слово Божие, могут и имеют право далеко не все. Недаром из громадного числа своих последователей Господь Иисус Христос избирает только двенадцать, а позднее присоединяет к ним еще семьдесят. Господь *поставил одних апостолами*, – пишет апостол Павел, – *других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры... в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 11–13).

Все ли апостолы? – восклицает он же. – Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Всели истолкователи? (1 Кор. 12, 29–30). И в другом месте отвечает: *никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон* (Евр. 5, 4). Таким образом, апостольское дело учения, проповеди, сообщения даров благодати могут делать только призванные.

С другой стороны, совершенно несправедливо и то мнение, будто мы можем совершенно отказаться от участия в постройке Царства Божия и будто это дело только тех людей, которые для этого специально поставлены. Обращаясь ко всем верующим, апостол Петр пишет: *Приступая к Нему (Господу Иисусу Христу), камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом* (1 Пет. 2, 4–5). Все мы – живые камни, из которых строится великолепное здание Царства Божия, все призваны к участию в этом Царстве и все, следовательно, ответственны за эту постройку, все должны работать. Никто не смеет отказываться, но участие наше в этой работе различно. *Как в одном теле*, – говорит апостол Павел, – *у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении; у вещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием. Любовь да будет непритворна...* (Рим. 12, 4–9).

Другими словами, каждый из нас обязан работать для созидания Царства Божия на том месте и в том служении, где он поставлен Богом. Участие в этой общей работе обязательно для каждого, но не обязательно, чтобы это участие проявлялось непременно в форме апостольского служения. Делай, что можешь, где можешь и как можешь. Лишь бы это было с любовью.

Чтобы для нас убедительнее стала мысль о необходимости и обязательности общей работы на пользу общего дела, для этого надо отчетливее выяснить для себя, как понимали апостолы взаимные отношения верующих. Для них все общество последователей Иисуса Христа, или Церковь, и представляет одно тело, в котором глава – Христос, а мы все – различные члены. Это – не аллегория, не уподобление только, не образ наглядного выражения, но нечто гораздо большее: это – мистическое проникновение в самую суть вещей. Мы действительно составляем одно тело, или один организм. Это можно представить лишь в воображении, но понять и объяснить во всех подробностях нельзя. *Тайна сия велика; я говорю*

по отношению ко Христу и к Церкви, – замечает апостол (Еф. 5, 32). Уже в вышеприведенном тексте апостол Павел дает эту мысль об обществе верующих как об одном теле. Гораздо подробнее он выясняет это в Послании к Коринфянам, и здесь слова его так определены и дают такую захватывающую, глубоко мистическую картину внутренних отношений в Церкви, что на них следует остановиться со всем вниманием.

Как тело одно, – пишет он, – но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не нужна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения... Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены (1 Кор. 12, 12–27).

Эти слова апостола Павла следовало бы огненными буквами запечатлеть в сердце каждого христианина. Становится понятным, до какой степени тесно мы все связаны друг с другом, насколько зависим друг от друга и как отвечаем все друг за друга и за благосостояние всего тела. *Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.* Это закон христианской ответственности. Если заражен один член, то зараза неизбежно передается другим и всему телу. Если согрешил один человек, то зараза греха в большей или меньшей дозе неизбежно переходит на весь организм – общество.

Поэтому я не смею грешить не только потому, что это губит меня лично, но еще более потому, что это заражает и губит других. С другой стороны, если я вижу согрешающего брата, я не могу оставаться равнодушным, потому что этот грех в той или другой форме дойдет и до меня.

Иногда нам кажется, что наши грехи проходят бесследно и никому не приносят вреда. Это – иллюзия, самообман. Где-нибудь когда-нибудь так или иначе последствия греха скажутся. «Жизнь, как океан, – говорит один из наших писателей, – всюду незримая связь: в одном конце тронул, в другом отдается. Вот ты прошел мимо ребенка. Ты, может быть, и не заметил его; но образ твой нечестивый уже отпечатлелся в детском сердечке и рано или поздно в чем-нибудь отразится: в мыслях, или в поступках, или в словах».

В чем же должна состоять наша обязательность по отношению к обществу ввиду этой ответственности?

Косвенный ответ на этот вопрос дает тот же апостол Павел.

Из Христа все тело, – пишет он, – составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви (Еф. 4, 16).

Это значит, во-первых, что кроме непосредственного исполнения тех обязанностей, которые возложены на меня Богом, я должен заботиться об укреплении взаимных связей между членами общества. Во-вторых, свое собственное дело я должен делать в духе любви так, чтобы оно содействовало усилению связи между мною и другими членами. Если каждый в своей деятельности подчиняется этим правилам, то общество создается и растет в

духе любви, приобретает прочность и процветает. Наоборот, при нарушении этих правил оно разлагается.

Каждое дело можно делать различно. Можно его делать или как долг служения ближним, заботясь больше об их пользе, чем о своих выгодах; тогда оно крепче связывает людей служащих и пользующихся служением и является средством укрепления, развития, процветания общества, силой творческой и жизненной. Или можно делать его с чисто эгоистическим расчетом, выжать из него как можно больше пользы лично для себя, нисколько не думая о благе других, и тогда оно не только ослабляет, расшатывает и вконец разрывает взаимные привязанности людей, но вносит в их отношения нечто совершенно противоположное: охлаждение, озлобление, взаимное отталкивание. Это процесс гниения, распада, смерти. Гниение в том и состоит, что отдельные частицы гниющего тела теряют силу взаимного притяжения или сцепления и распадаются. Так в физическом мире, так и в человеческом обществе.

Допустим, я крестьянин. Я могу свое крестьянское дело делать или в духе самого узкого себялюбия: хватать за горло всякого, кто посмеет посягнуть на мою собственность или мои права, сквалыжничать на сходках, с пеной у рта ругаться за каждый вершок покоса, воровать у соседей дрова, рычать на каждого, кто обратится ко мне с нуждой, и т. п. – и тогда я являюсь элементом гниения, элементом общественно вредным. Или же могу уступать в земельных спорах, избегать ссор, помогать нуждающимся чем могу – своей работой, орудиями, продуктами, уделять часть своих достатков беспомощным и бедным и т. д. – и тогда я исполняю Заповедь Божию и являюсь элементом жизненным, созидательным, элементом общественно полезным.

Эгоизм, себялюбие – всегда сила распада, гниения, и это разлагающее действие эгоизма проявляется при всяких условиях. Напрасно говорят, что общество не может быть построено на евангельских началах самоотречения и что наилучшее разрешение задачи, которого только можно желать, здесь заключается лишь в том, чтобы личный эгоизм каждого члена ввести в законные рамки так, чтобы он не сталкивался с эгоизмом соседа или, во всяком случае, знал свои пределы. Точно и ясно определить права и обязанности всех и каждого, не обижая никого, – вот все, что нужно для общественного процветания.

Такая постановка вопроса в корне неверна. Не говоря уже о том, что точно определить обязанности и права, «не обижая никого», совершенно невозможно, ибо при эгоистическом отношении к жизни обиженные и недовольные всегда найдутся, но самое главное возражение состоит здесь в том, что никакими средствами невозможно запихнуть личный эгоизм в законные, юридические рамки: он всегда будет стараться из них вылезти и расширяться за счет соседа и в конце концов найдет для этого средство или лазейку. Отчего разлагаются современные капиталистические общества, несмотря на точную регламентацию прав и обязанностей? Оттого, что они построены на грубо-эгоистической основе, но и всякое другое общество, которое явится на смену, неизбежно подвергнется тому же закону гниения, если останется на той же основе себялюбия и эгоизма.

Итак, наше участие в апостольском деле постройки Царствия Божия должно заключаться прежде всего в том, чтобы каждое дело делать во имя Господа Иисуса Христа, в духе евангельской любви и самопожертвования.

Но, кроме этого, на нас лежит также задача всеми зависящими от нас средствами укреплять взаимные связи между людьми, содействуя по мере сил развитию религиозной веры, любви, дружбы, доверия и борясь с явлениями противоположными. Таким образом, если я проповедую неверие, вражду, насилие, натравливаю людей друг на друга, клеветую, осуждаю, распуская лживые слухи о людях, сею раздоры, подозрительность – всем этим я вношу разложение в общество и тем если не останавливаю роста Царства Божия (ибо по неизъяснимым Законам Божиим оно растет при всяких условиях), то, во всяком случае, отвлекаю многих от участия в нем. Если же я распространяю истинную веру, проповедую любовь

и братство, всепрощение и самоотречение, говорю о людях хорошо, благотворю и помогаю нуждающимся, борюсь с клеветой и ложью, примиряю враждующих, то этим я укрепляю общество и взаимные связи его членов и содействую развитию и расширению Царства Божия.

К сожалению, эта обязанность громадным большинством современных христиан не сознается. Даже лучшие из нас обыкновенно довольствуются тем, что кое-как следят за собою, за своими настроениями и поступками, но о нравственном состоянии ближних, об улучшении их взаимных отношений вряд ли кто думает. Какое мне дело до другого? Он сам отвечает за себя! Разве я сторож брату моему? Этот жесткий вопрос Каина если и не произносится открыто, устами, то слышится в каждом эгоистическом сердце. Равнодушие к ближнему, ужасающее, тупое равнодушие – это наш общий грех.

Помните: вопиющая, возмутительная несправедливость совершена была на ваших глазах. Самым грубым, циничным образом нарушены были основные правила справедливости. Как всегда, страдал слабый, беспомощный от сильного, наглого. Вступились ли вы за обиженного? Защитили ли? Помогли ли ему? Посочувствовали ли, по крайней мере? Или... прошли равнодушно мимо? – Какое мне дело? Разве я сторож брату моему?

Вот случай вас свел с падшей женщиной. Погибшая человеческая душа смотрела на вас из этих подведенных, утомленных глаз. Бесстыдная улыбка змеилась на крашенных губах. В этом создании был поруган дивный образ Божий. Постарались ли вы разбудить уснувшую во грехе душу? Сделали ли попытку вытащить из грязи несчастное творение Божие? Или брезгливо посторонились с видом праведника, гордого своим превосходством? Разве я сторож брату моему?

Больной, посиневший от холода старик стоял перед вами, протягивая дрожащую руку за подающим. Как вы отнеслись к нему? Помогли ли? Оказали ли милость и участие? Или остались холодны, равнодушны? – Не мое дело! Разве я сторож брату моему?

Злобная, ядовитая сплетня была рассказана в вашем присутствии. Оплевана была честь ваших знакомых. Их доброе имя трепали в грязи. Вы знали, что в этой сплетне все, от первого до последнего слова, – ложь. Но хватило ли у вас мужества заявить об этом? Остановили ли вы клеветника суровым упреком? Восстановили ли правду и поруганную честь ближнего? Или выслушали с затаенным злорадством, хихикая с веселым обществом? Или, может быть, просто промолчали? – Какое мне дело? Разве я сторож брату моему?

Мы все думаем только о себе; вопрос о ближнем нас не интересует, и в результате нравственное зло, как зараза, как гангрена, распространяется все шире и шире, захватывая все новые жертвы. И в этом виноваты все мы. Что мы делаем, чтобы остановить порок? Употребляем ли какие-нибудь усилия, чтобы спасти погибающих братьев?

Мало видно этих усилий. Повсюду черствость, равнодушие. Но черствость всегда вызывает озлобление, а порок, к которому мы так позорно равнодушны, так или иначе обратится когда-нибудь на нашу голову.

Какие ужасные примеры наказания за равнодушие и черствое отношение к ближним дает история!

Один из последних дореволюционных королей Франции Людовик XV охотился в Версальском лесу, окруженный блестящей кавалькадой придворных. Печальная процессия попала навстречу: на бедных дрогах – простой деревянный гроб, влекомый жалкой крестьянской клячей, в сопровождении группы плачущих людей.

– От чего умер покойный? – спросил король.

– От голода, – был ответ, и... король пришпорил лошадь. В ответе ему послышался неприятный намек на бедственное положение народа.

Волноваться из-за этого он не любил. Он любил покой и был равнодушен ко всему, кроме удовольствий. «После нас хоть потоп», говорил он. Но как жестоко в эпоху революции расплатились французские короли за это равнодушие!

Но если наши ближние ничего от нас не требуют, неужели самому идти к ним, навязываясь с благотворительностью и участием? Ведь это назойливость и бестактность!

Да, нужна великая любовь, чтобы непрошеное участие не было грубым вторжением в чужую душу; нужна большая нежность и деликатность, чтобы это не было оскорбительно. Но тем не менее святые подвижники не ждали приглашений и сами шли туда, где нужна была их помощь.

В Египте жила когда-то продажная красавица Таисия. Имя прелестницы гремело по всей стране. Золото рекой лилось в ее распутный дом. Самые блестящие юноши были у ее ног. Слава, поклонение, успех, богатство, страсть опьяняли ее, и в этом угаре греха дремала душа молодой блудницы. Но Господь в Своем милосердии не оставил Свое падшее создание. Однажды был пир в ее доме. Гремела музыка. Воздух был полон благовонными курениями и опьяняющими ароматами Востока. Блестело на столах золото дорогих приборов. Избранные богачи Египта были гостями. В самый разгар пира какой-то таинственный незнакомец вызвал Таисию для секретных переговоров. Она увела его в свою спальню, и там незнакомый посетитель стал умолять ее за большую сумму денег дать ему одно свидание, но «только там», добавил он, «где не видели бы люди и Бог».

Рассмеялась гордая красавица.

– Такого места нет! – молвила она...

Незнакомец внезапно сбросил с себя пышные одежды, и Таисия узнала в нем великого подвижника пустыни – преподобного Пафнутия. Старец оставил свое уединение, чтобы спасти ее, павшую, оскверненную... Полилась горячая, за сердце хватающая речь, полная жалости и любви к погибающей. В ней был призыв к покаянию, угроза страшного конца, слышались слова надежды.

– Какой ответ дашь ты Богу?..

Дрогнула душа, растопилось сердце, проснулась дремавшая совесть.

Впервые мысль о Боге, о Его законе, о Его гневном ярком луче пронзила сознание. Переворот был решительный и немедленный. Таисия собрала свои драгоценности, сожгла их на городской площади и ушла с Пафнутием в пустыню, и там среди жгучих Фиваидских песков, в строгом затворе, в молитве и слезах покаяния провела остаток своей жизни.

Старец спас погибавшую душу.

Другой великий святой – Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, садился каждый день у дверей храма, чтобы все могли к нему приходить. Здесь он раздавал нуждающимся милостыню, разбирал жалобы, давал советы. Если никто к нему не приходил, он сокрушался и говорил:

– Ничего ты ныне, смиренный Иоанн, не приобрел для себя!

Так святые сами искали случая сделать добро.

В заключение припомним слова о. Иоанна Кронштадтского из его дневника:

«Веруешь ли, что все христиане православные члены одного и того же тела и что поэтому мы все должны блюсти единение духа в союзе мира, должны беречь друг друга, заботиться друг о друге, помогать друг другу? Веруешь ли, что святые угодники также члены единого тела Христова, то есть Церкви, и наши братия, ходатайствующие пред Богом о нас на небе? Уважаешь ли всякого христианина, как члена Христова, как брата Его по человечеству? Любишь ли каждого, как самого себя, как свою плоть и кровь? Прощаешь ли великодушно обиды? Помогает ли в нужде, если сам имеешь достаток? Наставляешь ли невежду, обращаешь ли грешника от заблуждения пути его? Утешаешь ли печального? Все это вну-

шает тебе, обязывает тебя делать вера в Церковь Святую, Соборную и Апостольскую, и за все это обещана тебе великая награда от главы Церкви – Господа Иисуса Христа».

Глава 3, ст. 20-35

Настоящий отрывок из Евангелия начинается небольшим, но чрезвычайно характерным эпизодом, который бросает беглый свет на одну очень печальную сторону земной жизни Господа: на отношение к Нему Его ближайших родственников. Мы знаем, что путь Господа Иисуса Христа не был усеян розами. Это был тернистый, скорбный путь, где бесконечная благодать и милосердие постоянно натывались на шипы человеческой неблагодарности и непонимания. Но 21-й стих 3 главы Евангелия от Марка, если в него вдуматься, звучит особенно грустно, ибо он вскрывает затаенный уголок жизни Спасителя, где скорбь незаметна для постороннего глаза и малодоступна даже для Его учеников, ибо ее тоскливых следов не найти на поверхности общественной деятельности Господа. Это скорбь, глубоко скрытая в тайниках сердца, где обыкновенно она чувствуется особенно тяжело.

Ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя.

Подумайте, что это значит?

Народ, как всегда, стекается толпами к Господу, народ прославляет явившегося Великого Пророка, с услаждением слушает Его учение, а ближние Его, родственники, беспокоятся и идут взять Его, *ибо говорили, что Он вышел из себя*, говоря проще и точнее – «сошел с ума».

Сумасшедший! Как просто и легко объясняется все необыкновенное, выходящее из ряда вон, великое и чудесное, таинственное и загадочное в жизни Господа! Его страдальческая жизнь скитальца, не имеющего, где главу поклонить, Его разрыв с семьей, с духовными руководителями народа, с правящими партиями, с обычными понятиями еврейского общества; Его учение, высокое, вдохновенное, малодоступное для посредственности, – все объясняется понятным и простым словом «сумасшедший».

И заметьте: с обывательской точки зрения, эта догадка... внушающая подозрение и тревогу, звучит правдоподобно. В самом деле, разве не сумасшествие вести такую жизнь, какую ведет этот галилейский Пророк: уйти из дома, покинуть родных, отказаться от домашнего комфорта и уюта и вместо этого собрать вокруг себя кучку странных, незнакомых людей, слоняться с ними по селениям Палестины, не задерживаясь подолгу нигде, питаясь чем попало и проповедуя что-то непонятное и ни с чем несообразное. Он мог бы жить спокойно, не задевая никого, а вместо этого обличает могущественных фарисеев и саддукеев, раздражая их и подвергая себя страшной опасности их мести. Он мог бы иметь громкую, необыкновенную славу и пользоваться ею для своих видов, но Он как будто избегает этой славы и запрещает рассказывать о совершенных Им деяниях. Он мог бы получить громадную власть, стать царем или народным вождем – народ почти силой старается заставить Его сделать этот шаг и Он вместо этого предпочитает вести жизнь странствующего нищего.

Ну с чем все это сообразно? Разве это не сумасшествие? И какое дикое, необыкновенное учение, которое Он проповедует! Мы все привыкли если не думать о богатстве и роскоши, то, во всяком случае, заботиться о том, чтобы иметь пищу, одежду, сносное жилище. А Он... Послушайте, чего Он требует: *Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? ... не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 31, 34).

Мы все думаем, что можем и даже должны защищать свои права от наглых посягательств, иначе нам сядут на глею и будут нами помыкать. А Он говорит: *не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5, 39–41).

Мы все стараемся прожить свой век как можно легче, с наибольшим комфортом и наименьшим трудом и совершенно не понимаем, зачем надо себя стеснять, ограничивать свои потребности, брать на себя подвиг лишений и страданий, а Он учит: *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 13–14).

Так или приблизительно так должны были думать многие из современников Господа Иисуса Христа, привыкшие к рутине жизни, установленной фарисеями и законниками; так, несомненно, думали и ближайшие Его родственники, которые понять и оценить всю глубину Его учения не могли, а подчиниться его авторитету и принять Его слова на веру не хотели. Находясь чаще других в Его присутствии весь подготовительный период Его служения, они, конечно, раньше других стали замечать в Нем эти признаки мнимой ненормальности: любовь к уединению, задумчивость, непонятные речи, странные выходки. Вот почему давно уже в их душу закралось страшное подозрение, перешедшее теперь в уверенность: «Он вышел из себя! Он не в своем уме!»

Мы можем далее представить себе картину тех отношений, которые создались в результате этой уверенности. Эти косые, недоверчивые взгляды, особая осторожность в словах, выбор выражений и тем для разговоров с плохо скрытым опасением не раздражать больного, постоянное, внимательно-назойливое наблюдение за поведением – как все это должно было волновать, огорчать и оскорблять! Непонимание среди самых близких людей особенно больно. Вы входите в комнату, где в сборе вся семья, и разговор сразу обрывается, наступает неловкая тишина, вы чувствуете, что говорили о вас, может быть, с осуждением, может быть, с сочувствием. Вы присаживаетесь к семейному очагу – от вас осторожно отодвигаются, не спуская с вас внимательных испытующих взоров. Вы садитесь за стол – за вашими руками тревожно наблюдают, и вы понимаете затаенную мысль и опасение: «Вдруг он запустит в кого-нибудь ножом или блюдом!» И нет никакой возможности убедить этих людей, что вы не сумасшедший, а совершенно нормальный человек, что ваших мыслей и речей просто не понимают или не дают себе труда в них вдуматься.

Это должно быть очень тяжело, и все это должен был пережить Господь Иисус Христос.

Об этой-то незаметной наружно, глубоко затаенной, волнующей и горькой трагедии и рассказывает 21-й стих.

Но еще более грубое, еще более едкое оскорбление приходится выслушать Господу Иисусу Христу от книжников и фарисеев.

Книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя (ст. 22).

Иерусалимские книжники славились своею ученостью и их слово было очень influentially в народе. Пользуясь этим влиянием, чтобы разрушить обаяние личности и чудес необыкновенного Галилейского Пророка, они возводят на Него еще более тяжелое и чудовищное обвинение, чем родственники: они объявляют Его одержимым духом нечистым.

Это высокое, вдохновенное учение, эти дивные притчи, полные неизъяснимой внутренней прелести, эти трогательные поучения и уроки нравственных отношений, это неумолимое бичевание лжи и искание истины – все это не что иное, как бесовское наваждение. Эта красота и благородство характера, милосердие, кротость, сострадание к немощным, горячая любовь к правде, безграничное самоотвержение – все это навеяно нечистым духом. Наконец, эти дивные дела, в которых так много любви к страждущему человеку и столько божественного могущества, – это дар бесовского князя, веельзевула.

Такое обвинение гораздо больнее и его перенести труднее, чем упрек в сумасшествии. Влияя на народ и возбуждая его подозрительность, оно препятствовало и задерживало раз-

витие самого дела Господа Иисуса Христа. Обвинение в сумасшествии было слишком очевидно нелепо для тех, кто слушал мудрые, хотя порой и загадочные речи Господа. Обвинение в одержимости злым духом могло быть принято с большою легкостью и оттолкнуть от Него многих последователей, ибо оно казалось правдоподобнее. Но этим обвинением не только тормозилось дорогое для Господа дело спасения человечества, но еще большее затрагивалось Его отношение и любовь к Богу. Подозрение в сумасшествии могло быть оскорбительно для Него лично как человека. Обвинение, поднятое книжниками, было оскорбительно для Бога, действовавшего в Нем. *Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела* (Ин. 14, 10), – свидетельствовал о Себе Господь Иисус Христос. Он знал тайну Своего могущества, знал, что дела, творимые Им, творятся силою Бога, в этом видел доказательство Своего Божественного посланничества, которое должно было убедить людей поверить в Него (Ин. 10, 37–38), и вдруг силу, действующую в Нем, называют силой веельзевула, Бога, пребывающего в Нем, хотят заставить считать сатаню. Вся безграничная любовь Господа Иисуса Христа к Богу, любовь Сына к Отцу, должна была возмутиться. Вот почему так сурово отвечает Он клеветникам: *Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению. Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух* (Мк. 3, 28–30).

У Матфея и Луки передача этих слов дает еще новый оттенок мысли: *если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32; ср.: Лк. 12, 10).

Уже из этих слов видно было, как тяжело было Господу Иисусу Христу слышать клевету, выдвинутую против действовавшего в Нем Духа фарисеями, пытавшимися перед народом навлечь на Него подозрение в бесновании.

Но эту же участь – быть жертвой клеветы, непонимания, оскорблений всякого рода, преследований – Господь предсказал и всем Своим ученикам и последователям: *Ученик не выше учителя, – говорит Он, – и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома называли веельзевулом, не тем ли более домашних его?* (Мф. 10, 24–25). *Если Меня знали, будут знать и вас* (Ин. 15, 20).

Итак, кто решится следовать за Господом Иисусом Христом и быть Ему верным, должен приготовиться: гонения, обиды, насмешки неизбежны.

Разве не глубокая, грустная правда в этом предостережении? Как ополчается мир на всякого, кто вздумает ему изменить и избрать новый путь евангельской любви и правды! *Если бы вы были от мира, – подтверждает Господь, – то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15, 19).

Еще сегодня вы принадлежите миру, живете его интересами и вкусами, поклоняетесь его кумирам – роскоши, богатству, славе, знатности, барахтаетесь в водовороте тщеславия, сладострастия, себялюбия и прочих страстей, носите, как все, маску лицемерных приличий, ведете так называемые остроумные и занимательные разговоры, полные скрытого цинизма и ядовитого осуждения, не смеете заикнуться о Боге, о вечной правде, о строгих законах добродетельной жизни, ибо говорить об этом считается смешным и скучным в приличном обществе, и все вами довольны. Вы можете быть душой общества, вас везде приветливо принимают, вас слушают с удовольствием, вам льстят, о вас отзываются хорошо, ваши плохо скрытые грешки охотно прощают или добродушно-снисходительно над ними подтрунивают. Вас все любят: вы человек свой. Но вот с вами произошла резкая перемена: вы стали серьезнее задумываться о жизни и о ее смысле; что-то неугомонное, неудовлетворенное проснулось в совести; давно забытые слова святых сказаний и притч откуда-то выплыли в сознании; явилась мысль о Боге и Его правде; вся крикливая суэта и ничтожество светской жизни

резко выступили перед внутренним взором. Вы почувствовали, что в ней удовлетворения нет и найти его нельзя, и вы решили порвать с нею, с прежними привычками, со знакомыми и друзьями и, отказавшись от всего, идти за Христом. В вашей жизни произошел переворот... И посмотрите, как быстро и резко меняется отношение к вам мира. Со всех сторон раздается вой, шипение, свист, улюлюканье. Прежние друзья вас избегают, при встречах не узнают. Начинается травля... Толки, сплетни, разговоры...

– Вы слышали, что случилось с N? Перестал бывать в обществе, все забросил... Говорят, собирается в монахи...

– Бедняга!.. Что он с ума спятил? Знаете, я всегда замечал в нем некоторые странности... Жаль... А какой весельчак был! Да что за причина? Не был ли он влюблен неудачно?

– Нет, просто ханжа, святоша! Ну что он корчит из себя?! Лицемер!.. Такой же, как и все мы... Отлично знаем!..

И так далее. Но не бойтесь! Из-за этого шума не отказывайтесь от первого шага. Настоящей опасности в этом еще нет. Это только первое, сравнительно легкое испытание вашей воли и серьезности вашего решения. Вы должны это преодолеть, чтобы приобрести первый закал.

Не бойтесь! Это воет и улюлюкает в людях хор бесовской силы, которая лишается своего прежнего раба и поклонника и не хочет этого допустить. Она страшит вас, чтобы заставить отказаться от принятого намерения. Не обращайте внимания и помните, что, как правило, бесы всегда больше шумят и пугают, чем действительно вредят. Без попущения Божия они ничего не могут вам сделать.

Не бойтесь! Вы не один. Господь идет вам навстречу и протягивает руку. Положитесь на Него. *Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искущаемым помочь* (Евр. 2, 18). Вы можете вполне на это рассчитывать, ибо вы слышали, какое дивное обетование дал Он Своим верным последователям: *кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мк. 3, 35).

Сколько радости и духовного ободрения в этих словах! Иметь такого брата – разве это не залог победы? Разве такой брат может покинуть без помощи и поддержки в трудную минуту? И что за беда, что от вас отвернулись прежние знакомые, что вас злословят друзья, раз вы приобрели такого брата?

Но чтобы иметь на это право, необходимо одно условие: творить волю Божию. Высокое звание Своего брата, Своей сестры, Своей матери Господь признает только за теми, кто исполняет волю Божию. С того момента, как вы сделали решительный шаг, у вас не должно быть другой цели, как только узнать эту волю и исполнить ее в своей жизни.

Мы уже говорили в прежних беседах, что когда человек сумеет слить свою волю с волей Божией, подчинившись ей безусловно, то это дает ему громадную силу и обеспечивает победу в борьбе со злом. Кроме того, есть и другие серьезные основания, почему христианин должен отречься от своей воли и исполнение воли Божией поставить целью своей жизни.

После грехопадения воля человека стала несовершенна, желания – греховны и неразумны, потому что теперь они управляются его страстями. Есть старая греческая легенда о царе Мидасе, представляющая типичный образец неразумности наших обычных желаний. За какие-то заслуги судьба предоставила Мидасу право просить об исполнении одного из его желаний. Жадный к золоту царь потребовал, чтобы все, до чего он дотронется, от его прикосновения превращалось в золото. Он получил этот волшебный дар, и начались удивительные вещи: кресло, в которое он сел, вдруг стало золотым; стол, на который он облокотился, превратился в золото; он пошел в сад, и каждая ступенька ведущей туда лестницы, на которую он ступал, моментально становилась золотой; в саду ему достаточно было дотронуться до любого дерева, и оно покрывалось золотой листвой. Сначала это его забавляло. Он превратил в золото все, к чему мог прикоснуться, и скоро все вокруг него ярко блестело

и горело как жар. Но когда из дворца выбежал его маленький сын и, бросившись к нему в объятия, вдруг превратился в золотую статую, Мидас подумал, что, может быть, это и не так хорошо, как казалось вначале. А когда он сел обедать и с ужасом заметил, что хлеб, овощи, фрукты, все кушанья, которыми он пытался утолить голод, превращаются в золото и что он не может проглотить ни одного куса без того, чтобы проклятый дар не стал сейчас же действовать, он пришел в отчаяние. Увы! Раскаяние было запоздалым.

Правда это только легенда, поучительная сказка. Но если даже мы настолько сообразительны, что не потребуем от судьбы такого явно опасного дара, то все же по существу наши желания редко бывают лучше. С нравственной точки зрения они почти никогда не бывают выше желаний того анекдотического цыгана, который хотел быть царем, чтобы каждый день есть пряники с медом. Разве это не правда? Разве громадное большинство наших желаний не носит узко эгоистический, чувственный характер? Все они рождены нашими страстями, и, пытаясь удовлетворить их, мы неизбежно разрушаем тело и отравляем душу, ибо каждая страсть разрушительна и губительна. В конце концов, если б каждому из нас была предоставлена страшная привилегия царя Мидаса, почти наверное мы выбрали бы не менее опасный и губительный дар. Вред от нашего выбора не так явен, яд, которым отравлены наши желания, тоньше, но он действует так же верно и так же губительно. Один желает богатства, другой хороших кушаний и тонких вин, третий успеха в блуде и т. д. По своим дурным следствиям все эти желания ничуть не лучше желания царя Мидаса: быть может, медленнее, но они так же убивают человека и его душу.

При такой неразумности наших желаний, как можем мы им довериться? Куда они заведут нас, кто это скажет? Как часто случается, что после долгих трудов и усилий достигнув осуществления своих желаний, человек с удивлением и досадой видит, что он гонялся за призраками и что лучезарная мечта, вдохновлявшая его, при достижении потеряла всю прелесть. Так лопается радужный мыльный пузырь, схваченный рукой, оставляя лишь клочок едкой пены. В лучшем случае, потеряны труд и время, в худшем – вместо счастья и наслаждения приобретена досадная обуза, вредная и ни на что не нужная. Мы часто, как мотыльки, летим на огонь только для того, чтобы опалить свои крылья. Я знал одного талантливого молодого человека, который вообразил, что его счастье – в карьере актера. Его опьяняли блеск рампы, мишура костюмов, феерическая красота жизни, изображаемой на сцене, шум рукоплесканий, поклонение толпы, и чтобы завоевать это «счастье», он отдал почти всю свою жизнь и все свои недюжинные таланты. Он достиг чего хотел, добился крупного успеха в театральном мире и только тогда понял, что трагически ошибся, что ни сцена, ни успех на ней ему совершенно не нужны, а закулисная сторона актерской жизни для него только омерзительна. Переменить род деятельности было почти невозможно: беспутная жизнь артиста съела его силы, здоровье, таланты, и начинать что-нибудь заново было уже поздно. Молодая, многообещающая жизнь была загублена.

Преподобный Нил Синайский, человек глубокого духовного опыта, так говорил о своих желаниях: «Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прощении, неразумно нудя волю Божию, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но получив просимое, бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил – да будет лучше по воле Божией, ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал» (Преподобный Нил Синайский. Слово о молитве. Гл. 32).

Драгоценное свидетельство великого подвижника, опытом познавшего всю обманчивость человеческих желаний!

Насколько лучше отдаться всецело в волю Божию, отказавшись от своих мечтаний и стремлений! Ведь это – воля благая, угодная и совершенная; это – воля благожелательная, ибо Всемогущий, любящий Отец наш «желает всем человекам спастись и в разум истины прийти». Мы можем вполне довериться Господу, ибо Он лучше знает то, что нам действи-

тельно надо и полезно, лучше может вести нас, больше о нас заботится и больше нас любит, чем мы сами.

Если Господь говорил: *не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня Отца*, если Ангелы Божии, сильные крепостию, вечно повинуются гласу Слова Божия и в совершенстве исполняют волю Его (Пс. 102, 20-21), то мы же, немощные (Рим. 5, 6), совратившиеся с пути истины (Рим. 3, 12), потерявшие Его из виду и не могущие сами собой обрести Его (Не. 59, 7-8), не пожелаем ли приблизиться к Свету, Который просвещает всякого человека (Ин. 1, 9), и, познав святую волю Божию, открываемую нам единокровным Его Сыном, творить ее по возможности, ибо в этом и состоит все благо жизни нашей?

«Одна определенная заповедь дана была человекам, Еве и Адаму, – пишет о. Иоанн Кронштадтский, – для того, чтобы исполнением одной этой заповеди, притом легкой, люди могли приобрести навык к исполнению воли Божией, в исполнении которой состоит все благобытие тварей, и могли утвердиться в любви к Богу. Обращая внимание на противоположное – на неисполнение воли Творца и исполнение воли собственной, противной Творцу, мы замечаем, что человек, мало-помалу, приобретает навык к худому и извращает свою высокую, по образу Божию и по подобию созданную, природу, делается врагом Божиим. Так важно исполнение заповедей Божиих и так пагубно неисполнение! Давая определенную заповедь первым людям... Господь Бог явился Сам пестуном новосозданной разумной твари. Кто виноват, что это пестунство было отвергнуто и человек захотел лучше сам собою управляться! Вот и доселе, при всех успехах в науках и искусствах, при всех сокровищах мудрости человеческой, древний и новый человек не может воспитать сам себя, потому что отверг еще в начале детоводство Божие, ибо, скажите, кто другой, как не Бог, долженствовал быть пестуном нашим? И в нынешнее время, и в прошедшее только те люди успешно совершили свое умственное и нравственное воспитание, которые вверились Богу, жили по Его заповедям, которые ныне живут по Евангелию и учению Церкви, подчиняясь ее руководству».

Господи! Научи нас творить волю Твою, яко Ты еси Бог наш, яко у Тебе источник живота!

Глава 4

Глава 4, ст. 1-20

Смысл притчи о сеятеле достаточно подробно объяснен Самим Господом. К евангельскому объяснению можно еще прибавить, что сеятель – это Сам Господь, семя Слово Божие, поле все человечество, весь мир, воспринимающий в свои недра чудодейственное семя Евангельского Слова. Подобно семени, Евангельское Слово носит в себе начало жизни, жизни истинной, духовной, ибо что такое истинная жизнь? *Сия же есть жизнь вечная*, – отвечает Господь в Своей первосвященнической молитве, – *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). Евангельское Слово дает это знание истинного Бога, и потому оно является дивным семенем спасения и жизни. Брошенное в человеческое сердце, оно при благоприятных условиях вырастает и приносит плоды – добрые дела и святую жизнь. Подобно семени, оно вечно носит в себе эту живую силу.

В настоящее время, как и девятнадцать веков тому назад, оно одинаково волнует и трогает, радует и утешает, судит и смиряет, затрагивая самые сокровенные струны человеческого сердца.

Умирают философские системы, забываются политические теории, блекнут цветы поэзии, но *слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12). В нем скрыта вечно живая истина.

Но, обладая всегда этой скрытой живой силой в одинаковой степени, Слово Божие не всегда дает одинаковый урожай. Это зависит от той почвы, в которую оно падает, и здесь притча приобретает для нас особенно жгучий, живой, личный интерес, ибо почва эта – наше сердце. Мы все, слушатели и читатели Слова Божия, получаем свою долю святых семян; мы все, наверное, хотели бы, чтобы в нашем сердце была плодородная почва, приносящая стократный урожай, и вопрос, почему этого не бывает и почему всходы так чахлы, убоги и перемешаны с сорной травой, вопрос этот, конечно, для нас далеко не безразличный.

Вдумаемся внимательнее в притчу, чтобы в ее дивных образах и символах открыть важные для нас законы душевной агрономии, на которые указывает Господь Иисус Христос.

Для того чтобы с успехом возделывать ниву и применять к ней рациональные способы обработки, необходимо прежде всего изучить почву и знать ее состав. Песчаная почва требует одного удобрения, суглинок – другого, чернозем – иного; да и сами приемы обработки на разной почве бывают неодинаковы. Точно так же и в духовной жизни. Чтобы понять причины, обуславливающие для человека бесплодность Слова Божия, и в то же время найти правильные способы обработки и воспитания души, которые могли бы повысить урожай святого семени, усилить влияние и действие на человека Евангельского Слова, – для этого надо изучить почву нашего сердца и выяснить, что именно в этом сердце препятствует успешному произрастанию семени. Соответственно с этим мы и можем принять те или другие меры.

Говоря о судьбе семени, Господь в Своей притче изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и которые различно влияют на его произрастание. Это – четыре различных вида психики человека, четыре вида устройства души.

Когда сеятель сеял, *случилось, что иное (семя) упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то* (ст. 4).

Это – первый тип. Сердце похоже на проезжую дорогу, а семя, падая на нее, даже не проникает в почву, но остается на поверхности и делается легкой добычей птиц.

Что это за люди?

Во-первых, сюда относятся натуры грубые, чисто животного склада. Это самый дурной тип среди людей, и, к сожалению, их в настоящее время особенно много. Они живут чисто утробной жизнью: вкусно есть, сладко пить, много спать, хорошо одеваться выше этого они ничего не знают. Корм, поило этим исчерпывается все их содержание. Их мировоззрение исключительно материалистическое. Вопросы духа для них не существуют. К идеалам правды, добра и красоты, ко всему, чему поклонялось человечество как величайшей святыне, что манило и увлекало героев, подвижников и лучших деятелей истории, чему те отдавали беззаветно свои силы и свою жизнь, — ко всему этому люди типа проезжей дороги относятся с циничной насмешкой и откровенным презрением. «Выгода» — вот слово, которое определяет их деятельность. Для них бог — чрево, и Евангелие, Слово Божие встречает в них глухую стену тупого безразличия. Оно отскакивает от них, как горох от стены, не пробивая даже внешней коры эгоизма и не проникая внутрь, в сердце. Если иногда и остается оно на поверхности памяти, то лишь до того момента, когда первый порыв распутства, сластолюбия или любостяжания налетит, как птица, и поглотит все без остатка, а грубое сердце остается по-прежнему твердым и непроницаемым.

Во-вторых, к этой же категории относятся люди очень легкомысленные, живущие только поверхностными впечатлениями. Сущность их психики — праздное любопытство, которое легко возбуждается, но вовсе не стремится к тому, чтобы полученные впечатления связать с глубокими основами душевной жизни. Такое любопытство не приносит никакой пользы: оно бесцельно и беспредметно. Впечатления оцениваются здесь исключительно по их действию на нервы. Все, что щекочет нервы, одинаково привлекает людей этого типа. Поэтому для них совершенно безразлично: слушать хорошего проповедника или модного тенора, смотреть религиозную процессию или английский бокс, присутствовать при торжественном, вдохновляющем богослужении или покатываться со смеху, смотря смешной водевиль. Весь мир они рассматривают так, как будто он создан исключительно для их развлечения, и к каждому явлению жизни они подходят с этой же меркой. Если они слушают вдохновенного проповедника, говорящего о евангельской правде, о лучезарном мире чистоты и святости, о Великом Любящем Боге, они скажут в похвалу лишь одно: «О, он хорошо, красиво говорит!» или: «У него выработанная, изящная речь!» Это самая унижительная похвала для проповедника, сводящая его на роль школьника, демонстрирующего перед экзаменаторами свои литературные и декламаторские таланты. Пусть в проповеди слышатся рыдания и неподдельные слезы страдающей любви, стон измученного сердца, горечь и негодование при виде попорченной правды, они не найдут других слов для оценки, кроме пошлой фразы: «О, у него драматический талант!» Как будто перед ними артист сцены, выступающий исключительно для того, чтобы их развлекать и щекотать их истрепанные нервы.

Это люди мелкой души, и жизнь для них — не серьезная задача, полная глубокого смысла, а просто фарс. Люди этого сорта Евангельское Слово слушают так, как будто оно к ним не относится: они его не воспринимают.

Третья разновидность людей этого сорта это натуры рассеянные, с разбросанными мыслями. В них нет ничего основного, постоянного, что служило бы центром их жизни. Это люди, как их называют, без стержня, то есть в них нет преобладающей склонности или привязанности к одному какому-либо делу или занятию, определяющему направление их жизни. Чем живут эти люди? Вы сразу этого не скажете: здесь все так текуче, так изменчиво, так непостоянно. Сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье. Одна мысль сменяет другую, как в калейдоскопе, без всякого порядка и системы.

Одно увлечение вытесняется другим, план следует за планом, совсем как на проезжей дороге, где катятся экипажи, идут прохожие, сменяя один другого, топчется бродячий скот. Они все начинают, все пробуют и ничего не кончают. Цели жизни у них нет. Это —

рабы минутного каприза, трость, ветром колеблемая. Их увлечения непрочны, ненадежны, мимолетны. С легкостью мотылька порхают они с предмета на предмет. Всякая новинка их привлекает и захватывает, но лишь на короткое время. «Что книга последняя скажет, то на сердце сверху и ляжет». Учить их чему-нибудь серьезному, проповедовать Слово Божие – почти бесполезно. Это значит писать на воде, сеять при дороге: затопчут прохожие, поклюют птицы, то есть мир с его вечной сменой новинок, диавол с его искушениями и соблазнами. Так как впечатления и мысли здесь постоянно сменяются, то ни одно из них не проникает глубоко в сердце, и само сердце от этого мало-помалу теряет отзывчивость, способность воспринимать их хоть сколько-нибудь серьезно, становится сухим, равнодушным, жестким, как дорога, утоптанная ногами прохожих и укатанная колесами бесчисленных экипажей.

Таковы три разряда людей, принадлежащих к типу проезжей дороги. У всех у них общее то, что семя Слова Божия в их душу совершенно не проникает, их не волнует, не радует, не возбуждает, но остается на поверхности, то есть только в памяти, в головном сознании, и, не принося никакого плода, скоро погибает.

Немного лучше следующие два рода почвы, указанные Господом Иисусом Христом в Его притче.

Иное семя упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло (ст. 5–6).

Поясняя эти слова, Господь прибавляет: *посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда у слышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (ст. 16–17).*

Тип, широко распространенный и достаточно нам знакомый. В этих людях есть несомненное стремление и любовь к добру, и Слово Божие находит в них живой и быстрый отклик, но оно не захватывает их настолько сильно, чтобы ради осуществления его в жизни они нашли в себе достаточно силы и решимости трудиться над собою, бороться с препятствиями и побеждать враждебные течения. Услышав евангельскую проповедь о правде, любви, самоотвержении, они загораются сразу, как шведская спичка, но так же скоро гаснут. Эти вспышки мимолетных увлечений бывают очень сильны, как вспышки магния, и в этот миг эти люди способны даже на подвиг, но пройдет момент – и все кончилось, и, как после магния, остается лишь дым и копоть – досада на свою трусость и дряблость или же, наоборот, сожаление о своем увлечении. К суровой, упорной, длительной работе эти люди неспособны, и непреодолимую преграду представляет для них закон вступления в Царство Божие, данный Господом: *От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. И, 12).*

На каменистой почве может расти только мелкая травка, так и эти люди при обычных условиях спокойной жизни способны лишь на очень маленькие дела, не требующие усилий. Им нельзя отказать в чувствительности: вы увидите их иногда в церкви молящимися со слезами умиления на глазах, их воодушевляет хорошее пение, трогают изречения и возгласы Божественной службы, полные возвышенного смысла; с чувством повторяют они вместе с другими: «Возлюбим друг друга...», «Друг друга обьемем, рцем: братие!» Но когда наступает минута, когда от хороших слов надо перейти к делу, вы сразу увидите, что слезное умиление и религиозный подъем не смягчили их холодной души, что то был лишь фосфорический блеск, не дающий тепла, простая сентиментальность или ложная чувствительность, а не настоящее чувство. Они любят иногда читать жития святых, как любят дети читать страшные сказки и трогательные истории, но и здесь дальше вздохов и словесных восторгов дело не идет. Они не прочь помечтать об этой подвижнической жизни и представить себя в роли подвижников и мучеников за правду, но те усилия воли, которые требуются для этого, их

пугают. Они ничего не имеют против добродетели, нравственности, аскетизма, даже хотели бы попасть в Царство Небесное, но при условии, что для этого от них не потребуются никаких лишений и чтобы это возможно было сделать с полным комфортом и со всеми удобствами. В Царство Небесное они хотят въехать в вагоне первого класса.

Что мешает этим людям безраздельно отдаться Христу и приносить полный плод? Каменистый пласт, который лежит под наружным слоем хорошей почвы и не позволяет корням растения проникнуть глубже.

В душе человека таким каменистым пластом является себялюбие. Обыкновенно оно лишь слегка закрыто сверху тонким налетом чувствительности и добрых порывов. Но когда необходимо эти добрые порывы углубить и осуществить в жизни, то есть сделать доброе дело, которое, собственно, и составляет плод доброго порыва, против этого неизменно восстает себялюбие и рожденное им саможаление. Допустим, вас просят оказать помощь. Вы готовы это сделать и пожертвовать что-нибудь нуждающемуся, но сейчас же вы слышите голос себялюбия: «А сам-то я с чем останусь? Мне самому нужны деньги: у меня их так мало!» Ваш добрый порыв наталкивается на холодную каменистую стену эгоизма и блекнет, как нераспустившийся бутон.

Себялюбие с лишениями, даже воображаемыми, не мирится.

Так бывает и в духовной, идейной борьбе. Люди часто носят христианские убеждения, как приличный костюм, дающий им вид порядочности и джентльменства, пока это их не стесняет и ни к чему не обязывает. Но когда за эти убеждения приходится платить страданиями и лишениями, сейчас же саможаление шепчет коварно: «Да стоит ли так мучиться? Не слишком ли дорога плата? Ведь можно и без убеждений обойтись!»

В результате – измена и отступничество.

Последний тип людей, в душе которых Слово Божие остается бесплодным, характеризуется Господом в следующих словах: *Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода* (ст. 7, 18–19).

Это люди, которые желают одновременно работать Богу и маммоне. Желая жить по Законам Божиим, они в то же время не хотят отказаться и от мирской суеты и кончают обыкновенно тем, что этот водоворот мирских забот, увлечений, пристрастий поглощает их без остатка, вытесняя из души все светлое, идейное, возвышенное. Если человек не борется с земными пристрастиями во имя евангельской правды, он неизбежно становится их пленником, и одно слышание Слова Божия его не спасет. Попытки установить в жизни равновесие между данью Богу и данью маммоне и миру сему никогда не удавались, ибо душа – существо простое и двоиться не может. *Никто не может служить двум господам, – говорит Господь, – ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6, 24). Эти люди также непригодны для Царства Божия. Так много пропадает семени Слова Божия безрезультатно!

Из четырех категорий только одна приносит плод: *иное семя упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат* (ст. 8, 20).

Это натуры цельные, у которых слово не расходится с делом и которые, слушая и воспринимая Слово Божие, пытаются его исполнить и жить по его указаниям. Но и у этих людей, отзывчивое и искреннее сердце которых представляет добрую почву, повиновение Евангельскому слову не бывает у всех одинаково полным и совершенным, ибо иной приносит тридцать, иной шестьдесят, иной сто. Это значит, что один в силах выполнить третью часть того, что от него требует высший идеал христианского совершенства, другой – почти

две трети, и лишь немногим удастся исполнить все полностью и в совершенстве. Это натуры избранные. Это те, о которых Господь говорит: *нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои* (Деян. 13, 22).

Таких людей немного. Но как ярко сияют они на тусклом фоне тепло-холодного отношения к Евангелию большинства современников, вялых, дряблых, слабых в добре, и как возвысило и просветило их душу Слово Божие, которому они отдались беззаветно и которое исполнили до конца!

Вот преподобный Антоний Великий. Два евангельских изречения произвели решительный перелом в его душе и направили его на путь, приведший к высшим степеням святости. Однажды вскоре после кончины своих родителей, будучи еще юношей 18–20 лет, он услышал в церкви слова Господа: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим... и следуй за Мною*. Он принял эти слова за совет, обращенный непосредственно к нему, и исполнил его буквально, раздав имение бедным. В другой раз, услышав слова Спасителя: *не заботьтесь о завтрашнем дне*, он почувствовал в них властный призыв, которому беспрекословно подчинился: покинул дом и ушел в пустыню, чтобы, освободившись от всяких забот, в подвигах аскетической жизни отдаться Тому, Чья воля стала для него высшим законом. Слово принесло в нем стократный плод.

Вот преподобномученица Евдокия, первоначально великая грешница, очищенная и преображенная Словом Божиим, подобно тому горящему углю, который взял клещами с жертвенника Господня шестокрылатый Серафим, чтобы коснуться уст пророка (Ис. 6, 6 7).

В миру ее звали Марией. Она была дивно хороша собой, и в этом было ее несчастье. Успех, лесть, всеобщее поклонение вскружили ей голову. Мария вела суетную, легкомысленную светскую жизнь, снаружи нарядную и блестящую, но по содержанию пустую и пошлую. Пирь, развлечения всякого рода заполняли все ее время, не давая ей опомниться, прийти в себя. Но под внешностью светской львицы таилось доброе сердце и отзывчивая душа. Это ее спасло.

Однажды около той гостиницы, где пиновала Мария, окруженная толпой поклонников, остановились в нерешительности два старца-инока. Видно было, что они пришли издадека. Их ноги и одежда были покрыты пылью, избитая, потрепанная обувь говорила о дальней дороге. Они были утомлены, и им хотелось отдохнуть в гостинице, но звуки музыки и веселое общество их пугали. Наконец они решились войти. Их поместили рядом с пиршествным залом в комнате, отделявшейся лишь тонкой перегородкой.

Шумная оргия продолжалась. Слышались бесстыдные речи. Опыаненная Мария танцевала соблазнительный, сладострастный танец.

Кто-то вспомнил о старцах.

– Посмотрим, что они делают? То-то, должно быть, намолятся!

– Оставьте их в покое, – сказала Мария с улыбкой.

Но уже несколько беспутных гуляк сгучились у перегородки, прислушиваясь к тому, что делалось за ней.

– Тсс... Тише! Что-то читают! Послушаем!

Шум умолк. В наступившей тишине слышался слегка заглушённый стеной голос читавшего старца.

Он читал: *И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром* (Лк. 7, 37–38).

– Вот нашли место для подобных чтений! – воскликнул один из молодых гуляк. – Эй, вы там!..

– Оставь! – вскричала Мария. Лицо ее становилось все серьезнее по мере того, как развертывалась чудная евангельская история о прощенной грешнице. Она сама не понимала, что с ней делалось.

Старческий голос продолжал:

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много (Лк. 7, 47).

– Ну ты-то уж не станешь заботиться об этом! – шепнул Марии самый юный из гостей.

Громкий вопль был ему ответом. Все вздрогнули. Мария стояла вся трепещущая. Смертельная бледность покрывала ее лицо. Темные очи горели пламенем.

– Прочь от меня все! Оставьте меня!..

В ее сердце горели эти дивные слова о прощении, о спасении, о милосердии Божиим. Так засохшая земля жадно глотает влагу весеннего дождя.

Смущенные гости расходились. Мария бросилась за перегородку к изумленным старцам.

Мгновенное изумление последних сменилось негодованием.

– Уйди от нас! – сказал один из них сурово. – Или нет в тебе стыда?!

– Отцы, не отвергайте меня! Я – грешница, но Господь не отверг блудницы!..

Она прильнула устами к запыленным ногам старцев: грешница Мария стала святой Евдокией. Слово Божие принесло стократный плод.

Какие уроки извлечем мы из всего сказанного? Если мы действительно хотим, чтобы евангельское семя давало в нас обильный плод и намерены серьезно трудиться над этим, то должны изучить почву своего сердца и выяснить, что именно мешает произрастанию Слова Божия. Подумайте, к какому типу вы принадлежите? Представляет ли ваше сердце проезжую дорогу или каменистую почву или семена Слова Божия гибнут в нем, заглушенные терниями мирской суеты?

Надо при этом иметь в виду, что указанные типы в чистом виде редко встречаются. Обыкновенно в человеческом сердце есть всего понемногу, и тип можно определить лишь преобладанием той или другой черты.

Определив особенности почвы, можно указать и применить особые приемы обработки сообразно с каждым родом почвы. Конечно, здесь все время необходимо помнить, что *насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий* (1 Кор. 3, 7), Который единственно Своей силой может самую бесплодную почву сделать плодоносной и, наоборот, плодородную ниву обратить в пустыню, и что к Нему, следовательно, прежде всего должны быть обращены наши молитвы и прошения об успехе работы. Но при этом уповании на Бога как главном условии успеха мы все-таки не освобождаемся от обязанности работать под собой, ибо *кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (Иак. 4, 17).

Итак, что можем мы сделать?

О первой разновидности первого типа говорить почти не приходится, ибо психика людей этого сорта не включает в себе даже желания стать нравственно лучше и чище. Из тупого животного самодовольства их может вывести разве какая-либо катастрофа, посланная благодетельным Промыслом Божиим. О них можно только молиться, но советовать им что-либо бесполезно, так как при обычных условиях они никакого совета исполнить не захотят. Две другие разновидности, как мы видели, обращены в проезжую дорогу массой разнообразных пестрых впечатлений, которые, проносясь через сознание, подобно бесконечной веренице экипажей и прохожих, утрамбовывают почву, то есть делают душу жесткой, черствой и невосприимчивой к Слову Божию. Ясно, что первая наша забота здесь – поставить загородки, чтобы по дороге не ездили и не ходили. Говоря простым языком, это значит задержать или совсем остановить тот поток несвязных восприятий ежедневной жизни, который назойливо теснится в мозгу, загромождая его всяким хламом.

Подумайте, в самом деле, сколько всякой дряни проходит каждодневно через голову среднего так называемого культурного человека! Одна утренняя газета чего стоит! Тут и лживая передовица, освещающая события так, как это нужно редакции; тут и фельетон, полный скабрёзного зубоскальства; тут и хроника, передающая все базарные новости; тут и объявления о пропавшей москве и о враче, радикально излечивающем половое бессилие. Прочитав все эти «полезные» сведения, вы чувствуете потребность, по крайней мере, два часа гулять на свежем воздухе, чтобы проветриться. Далее, приходите вы на службу и сразу узнаете ряд других новостей: у кого сбежала жена, кто из коллег проворовался, кто получил повышение и награду и т. д. Возвращаетесь домой – у вашей жены уже сидит приятельница, патентованная сплетница, которая вываливает на вас целый короб самых свежих, только что испеченных известий. Вечером вы идёте в театр, и снова перед вами проходит новая вереница происшествий, речей, монологов, различных лиц, зрителей, актёров, знакомых и незнакомых, старых и молодых, нарядных и плохо одетых, вся эта волнующаяся, шумливая, вечно изменчивая толпа, наполняющая места зрелищ. Прибавьте к этому заключительный аккорд ресторанного ужина с впечатлениями электрического света, разряженных женщин, дешевого оркестра и т. д. – и вы поймете, что, прожив месяц в этом кипящем котле внешнего разнообразия, мимолетных эффектов и внутренней пустоты, можно и очерстветь, и одуреть. Об успехе и влиянии на душу Слова Божия при такой обстановке и речи быть не может. Но поставьте рогатки, откажитесь от этого шума и суеты, ограничьте всеми зависящими от вас мерами этот наплыв впечатлений, живите более уединенной жизнью, обязательно обеспечьте себе часы углубленной вдумчивости и тишины – и вы увидите, что почва вашего сердца станет постоянно меняться и глубже воспринимать ростки Божьего Слова.

У людей второй категории препятствием к произрастанию евангельского семени служит каменный пласт себялюбия. Сюда и должны быть обращены усилия. Этот пласт надо взломать и удалить. Так обрабатывают поле в Финляндии. Чтобы приготовить почву для посева, там необходимо сначала удалить массу громадных валунов и каменных обломков, загромаждающих поле. Эти камни или взрывают, или выкорчевывают из грунта, подводя под них длинные толстые бревна. И надо видеть эту работу! Подводя под громадный камень бревно, целая семья крестьян – владельцев или арендаторов поля – садится на свободный его конец и начинает качаться. Они качаются настойчиво, методически, качаются утром и вечером, качаются день, другой... И наконец массивный валун начинает слегка вздрагивать и тихо-тихо выворачиваться из земли. Это трудная, скучная работа, но другого исхода нет: надо очистить поле. Нелегкая работа предстоит и с самолюбием. Вырвать его и удалить сразу нет никакой возможности, но можно отламывать его кусками. Не следует только жалеть себя.

Допустим, вас просят оказать услугу. Вам не хочется, ибо это связано для вас с потерей времени и другими неудобствами. Ваше себялюбие протестует и ворчит. Не слушайте этого голоса, преодолите себя, и, победив на этот раз свое нежелание и саможаление, вы уже отломили кусок себялюбия. Продолжайте эту работу настойчиво, упорно, непрерывно, как работают финские крестьяне, и мало-помалу ваше себялюбие станет смягчаться, слабеть и исчезать, уступая место лучшим чувствам самопожертвования и заботы о других. Тогда корни Слова Божия будут глубже проникать в сердце и не погибнут от первой невзгоды.

Наконец, людям третьей категории, у которых терния заглушают всходы евангельского посева, нужно помнить, что маммоне и Богу одновременно служить нельзя, что надо выбирать что-нибудь одно, и раз избрано служение Богу, то терния и сорную траву суетных желаний и мирских пристрастий надо тщательно выпалывать, иначе они разрастутся и заглушат Слово Божие. При этом полезно помнить, что чем раньше производить эту работу, тем лучше. Пока терния только в зародыше, их легко выполоть.

Пока греховные желания существуют только в мыслях и не перешли еще в дело, их легче побороть. Но они укореняются, когда осуществляются в действии, и тогда борьба с ними становится труднее.

Когда почва таким образом сколько-нибудь подготовлена, то сама обработка души, содействующая успешному произрастанию Слова Божия, производится по старому правилу аскетов: паши плугом покаяния, удобряй молитвой, орошай слезами сокрушения и постоянно выпалывай дурную траву страстей.

Глава 4, ст. 21-41

После того как Господь рассказал и пояснил притчу о сеятеле, естественно рождался вопрос: что же делать с семенем Слова Божия, которое воспринимают слушатели и читатели Евангелия? Достаточно ли ограничиться лишь подготовкой почвы для его произрастания и на этом покончить все заботы?

Господь отвечает на этот вопрос, употребляя другой приточный образ.

Для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? (ст. 21).

Слово Божие, которое раньше Иисус называл семенем, здесь сравнивается со свечой по его действию на человеческую душу.

Да, это – свеча в нашей темной жизни, это – источник света, яркий, сияющий, пронизывающий своими лучами окружающий мрак. Вы, слушатели Евангелия, вы получили эту свечу. Что вы намерены с ней сделать?.. Ничего? Не извлечь никакой пользы? Оставить без всякого употребления? Разве это не странно? Разве это не значит поставить вашу свечу под сосуд или под кровать, так что свет ее не принесет никакой пользы ни вам, ни кому другому из сидящих «в сени смертной»? Разве для этого приносится свеча? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике – да светит всем в доме?

Таков ответ Господа на поставленный выше вопрос. Восприняв евангельское семя, получив свечу Слова Божия, нельзя относиться к этому великому дару безучастно и равнодушно. Следует пользоваться им в жизни.

Каким образом?

Слово Божие... – говорит апостол Павел, – острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его (Евр. 4, 12–13).

Вот первое свойство Божьего Слова. Оно судит, оценивает, определяет нравственную стоимость наших помышлений и намерений. Самые тонкие извивы мысли, самые сокровенные чувства, притаившиеся в темных глубинах нашей души, самые интимные желания, в которых мы сами себе не смеем признаться, определяются Словом Божиим по их моральному достоинству. Оно проникает на самое дно души и обо всем постановляет свой безошибочный приговор, что хорошо и что плохо. Все открыто пред ним.

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу (ст. 22).

Грех боится света. Он прячется в темных закоулках души, и диавол, виновник греха, напрягает все усилия, чтобы в эти зловонные уголки не попал ни один луч света, чтобы таким образом не обнаружились его мрачные деяния, его ложь и коварство. Люди порочные под влиянием злой воли диавола терпеть не могут, чтобы в их душу кто-нибудь заглядывал, и сами не любят это делать. Вот почему душа часто представляет темный чулан, где масса всякого хлама и где ничего не разберешь: пыль, грязь, мусор, злые мысли, грязные желания, затаенные страсти... Завалены все углы. Но часто мы этого даже не замечаем в себе, ибо

сознание, не просвещенное евангельским светом, не может разобраться в том, что хорошо и что дурно. Нередко определенный грех, слегка лишь прикрытый кажущимся благородством побуждений или софизмом, коряво построенным на священном тексте, принимается за добродетель, и, к сожалению, это явление широкого масштаба. Недаром в нашей литературе появилась эта нелепая, извращенная терминология, преподносящая такие перлы, как «благородная гордость», «святая ненависть» и т. д. Как ни странно, громадная масса людей, живущих почти два тысячелетия христианской жизнью, все еще не знает, что такое грех и где проходит та черта, которая отделяет нравственно дозволенное от преступного. Редко общественная мораль нашего времени поднимается выше уровня уголовного кодекса, и, не зная ни нравственных принципов, ни евангельского критерия, люди, нравственно определенно недоброкачественные, искренно считают себя прекрасными людьми и вполне спокойны за свое вечное будущее, если только, конечно, они о нем думают. «Когда я разбираюсь в своих поступках, я нахожу, что я хороший человек!», «Я лучше многих других!», «Зачем скромничать: в своей душе я не нахожу нравственного безобразия!» Вам приходилось слышать такие отзывы? И это говорят люди, только что не делающие преступлений, наказуемых в уголовном порядке тюремным заключением. В самом деле. Я не совершил никакого преступления, никого не убил, никого не ограбил, ничего не украл! Чего же еще требовать? И человек спокоен. Ему кажется, что в неосвещенном чулане его души все благополучно. В темноте стушевываются очертания порока и страстей и грех незаметен.

Но внесите в этот мрачный чулан евангельский свет, и картина резко меняется. Вся грязь, вся копоть, весь мусор, накопленный годами, выступают сразу перед глазами и вызывают невольное отвращение. Тонувшая в серых сумерках и потому казавшаяся приличной внутренность души вдруг открывается во всем безобразии, освещенная беспощадным сиянием евангельского идеала. То, что представлялось ранее нравственно порядочным и даже добродетельным, оказывается сплошь порочным. В мнимой добродетели просвещенная совесть отчетливо видит все пятна греха. Более того: из глубины воспоминаний поднимаются давно забытые картины, сцены, происшествия, которым никогда не придавалось никакого значения с нравственной точки зрения и которые потому мирно дремали на дне души, не тревожа совесть. Теперь они представляются совершенно в новом свете: выступают наружу и больно режут глаз вся грязь, вся подлость, весь животный эгоизм, которым они были пропитаны насквозь. Как будто с гноящейся раны сняли прикрывавшую ее доселе повязку, и перед глазами предстала отвратительная гангренозная язва, издающая нестерпимое зловоние. Начинается полная переоценка ценностей, и горделивое самомнение самодовольного человека уступает место мучительному стыду и раскаянию.

Это – первое следствие озарения души евангельским светом: повышение нравственного идеала, просветление и обострение нравственного чувства, понижение горделивой самооценки, более правильный и смиренный взгляд на собственное нравственное состояние и пробуждение совести. Читая или слушая Слово Божие, и надо прежде всего пользоваться полученными знаниями для того, чтобы достигнуть этих следствий. Лучший путь к этому следующий: на основании изучения слов Господа и всей евангельской истории необходимо составить и отчетливо нарисовать себе так называемый евангельский нравственный идеал, то есть образ того духовного совершенства или святости, который ярче всего и полнее всего воплотился в лице Самого Господа. Составив хотя бы приблизительное, первоначальное понятие о том, какова должна быть жизнь по Евангелию, жизнь, полная высокой святости и чистоты, мы должны сравнить с нею нашу грязную, порочную жизнь шаг за шагом, факт за фактом, мелочь за мелочью.

Евангелие требует кротости и смирения. *Блажени кротцыи, блажени нищии духом*, – говорит Господь, Который Сам первый явил изумительный пример кротости. Безропотно

нес Он тяжелый крест Своей скитальческой жизни, безропотно взошел на Голгофу, безропотно терпел все оскорбления и истязания и даже молился за Своих распинателей.

Так ли мы живем?.. Не гордость ли и самомнение заполняют нашу душу? Нет ли там раздражительности, злобы, нетерпения?

Евангелие требует чистоты. Даже тот, кто глядит на женщину с нечистым желанием, назван здесь прелюбодеем (Мф. 5, 28). А мы не только не боремся с грязными вожделениями, не только не гоним от себя возбуждающие мысли и образы, но нарочно распаляем себя и ищем только случая удовлетворить свою похоть.

Евангелие требует безусловной правдивости. *Да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 37), – учил Господь и в Своем лице дал образец такой правдивости: в самые тяжелые критические минуты Он не только не лгал, но даже не смягчил в угоду людям резкой правдивости Своих слов, какая бы опасность Ему ни грозила. Попробуйте как-нибудь посчитать, сколько раз мы солжем в течение дня по самым незначительным поводам, и вы с изумлением увидите, как бесконечно далеко отстоим мы от этой высоты евангельских требований...

Если такие сравнения продолжать далее настойчиво, последовательно, то постепенно поблекнут радужные краски, в которых представлялась нашим глазам наша душевная жизнь, и мы увидим ее недостатки и пороки во всем их неприкрытом безобразии.

Это неприятно, конечно, но это-то и надо. Чтобы начать лечить болезнь, надо поставить правильный диагноз. Обнаруженная болезнь не так страшна и опасна, ибо всегда можно найти способы у врачевать ее. Страшно, когда человек не подозревает в себе болезни и даже не стремится узнать, болен он или здоров. Опасное положение может сделаться тогда безнадежным. И не только для себя должны мы пользоваться евангельским светом, но и ближним нашим, не знающим и не читающим Евангелия, обязаны помочь разобраться в душе и указать, где грех и где правда, ибо, зажегши свечу, ставят ее *на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 15).

Постановкой диагноза, однако, все не исчерпывается. Далее необходимо лечение, то есть исправление греховных навыков и усилие вести евангельскую жизнь.

Об этих усилиях воли, составляющих необходимое условие духовного развития, Господь говорит в нескольких загадочных словах: *И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такую отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет* (ст. 24–25). Последний стих кажется особенно странным.

Кто имеет, тому дано будет. Разве это справедливо? Кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет. Как это? Разве можно отнять у того, кто не имеет? Как это? Разве можно отнять у того, кто не имеет?

Однако смысл этих слов становится для нас более понятным, если мы припомним, что в Евангелии от Матфея они связаны с притчей о талантах, из которой они представляют нравственный вывод (Мф. 25, 29).

Притча эта повествует о господине, который, отправляясь на чужую сторону, поручил свое имение рабам и одному дал пять талантов, другому два, иному один. Первые два употребили полученные таланты в дело и приобрели на них столько же прибыли, а третий раб закопал свой талант в землю, где он и пролежал без пользы. Когда вернулся господин и выслушал отчет своих рабов, он наградил двух первых, а к третьему, закопавшему талант, обратился с грозными словами: *лукавый раб и ленивый!., надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет* (Мф. 25, 26–29).

Смысл притчи ясен: Господин Господь, рабы все мы, таланты дарованные нам Богом силы и способности, торжище, где умножаются таланты, – весь мир. Господь требует, чтобы

данные нам способности мы употребляли на спасение нашей души и на пользу ближних, пускали в оборот на торжище мира, и тогда они развиваются и увеличиваются, или, как говорит Евангелие, *кто имеет, тому дано будет... и прибавлено будет вам, слушающим*; причем, чем больше сил и усердия вкладываем мы в это дело, тем больше бывает это увеличение и успешнее развитие.

Вложивший в дело пять талантов получил и прибыли пять талантов; пустивший в оборот два и приобрел на них только два. *Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам*, – говорит Господь.

Но тот, кто не пользуется своими способностями для целей, указанных Господом, тот их теряет совершенно. Раб, закопавший свой талант в землю, лишился его. В этом смысле и сказано: *кто не имеет, у того отнимется и то, что́ имеет*.

Таким образом, в приведенных выше словах Господа отмечается общий закон всякой органической жизни, закон роста и развития, закон, действующий с неумолимой обязательностью и в приложении к духовной жизни. Закон этот можно формулировать так: всякая сила и способность не только в человеке, но и во всяком живом существе при употреблении и упражнении развивается, без употребления же отмирает, или, как говорят, атрофируется.

Действие этого закона можно наблюдать везде и всегда. Если вы хотите развить в себе физическую силу, вы должны упражняться с тяжестями, заниматься гимнастикой. От этого мускулы увеличиваются в объеме и приобретают прочность и упругость. Если вы хотите развить память, вы должны упражняться в заучивании наизусть, в воспроизведении слышанного, в припоминании прошлого. Носильщики на железных дорогах поражают удивительной памятью на лица, развитой благодаря постоянному упражнению. Они помнят всех пассажиров, которые к ним обращаются, в тысячной толпе без труда находят тех, кого им надо, и долгое время спустя могут по памяти обрисовать наружность своих клиентов, сказать, сколько с ними было багажа и куда ими был взят билет. Если хотите научиться бегло читать, красиво писать, легко решать арифметические задачи, вы должны в этом упражняться, чтобы развить соответствующие способности. И так во всем.

Наоборот, если вы прекратите свои упражнения, вы потеряете то, что вами было приобретено. Так люди, прошедшие когда-то школу и умевшие недурно читать и писать, живя в деревне, часто совершенно разучиваются. Эти так называемые рецидивы неграмотности объясняются именно отсутствием упражнений и практики. Бросьте физическую работу и гимнастические упражнения, и ваши мускулы станут вялыми и слабыми.

Когда-то на улицах Парижа обращал на себя всеобщее внимание индусский факир, ходивший все время с поднятой над головой рукою. Оказалось, что в течение ряда лет он сознательным усилием воли заставлял себя держать руку в этом неестественном вытянутом положении. В результате получилось, что мускулы, сгибающие руку, от долгого неупотребления потеряли свою силу, рука заостенела и перестала сгибаться и двигаться.

Бывали случаи, что европейцы, выброшенные кораблекрушением на необитаемый остров и принужденные оставаться там 15–20 лет, почти разучивались говорить, так как из-за отсутствия собеседников они обречены были на молчание в течение всего этого периода. Когда случайно проходивший корабль замечал их и снимал с острова, они нередко не в состоянии были рассказать свою историю, так как почти забыли родной язык и должны были снова ему учиться.

Самый орган речи – мускулы языка и голосовые связки могут атрофироваться от неупотребления.

Бывали случаи, что люди, долго находившиеся в одиночном заключении и все время молчавшие, по окончании заключения принуждены были начинать с упражнений в произношении членораздельных звуков, привычка к чему была утрачена совершенно.

Рассказывают, что в подземных озерах Мамонтовой пещеры в Америке водятся породы рыб, ящериц и лягушек, которые по внешней структуре ничем не отличаются от пород, живущих на земной поверхности, но имеют одну особенность: у них совсем нет глаз. У некоторых еще можно заметить слабые следы глазных впадин, у других нет и этого. Орган зрения атрофировался без остатка. Отчего это произошло? Быть может, мы имеем здесь дело просто с особой подземной слепой породой рыб и земноводных? Ученые этого не думают и объясняют указанное явление иначе. Когда-то предки этих животных, принадлежавшие к нормальной наземной породе, попали случайно в подземные озера, где имеются все условия для существования, но куда не проникает ни один солнечный луч и где царствует вечный мрак. При отсутствии света орган зрения – глаз оказался совершенно ненужным. В новой обстановке нужны были для жизни слух, обоняние, осязание, но глаз оставался без употребления, и в силу общего закона зрение стало слабеть. Этот процесс постепенного ослабления органа зрения продолжался в целом ряде последующих поколений животных, и в результате после многих лет от глаза не осталось и глазной впадины. Он атрофировался от неупотребления.

Тот же закон действует и в духовной жизни. Человек может потерять от неупотребления волю, память, сообразительность – все духовные способности.

И самым, конечно, страшным является для человека омертвление духовной жизни. А это бывает очень часто. Посмотрите на так называемых деловых людей, занятых всецело торговлей, барышами, коммерческими операциями. Они так поглощены всем этим, что для духовной жизни у них не остается времени, и духовно они не растут, оставаясь вечно духовными карликами. Мало-помалу теряется мысль о Боге, о нравственном законе, утрачивается любовь к правде, отвращение ко греху, сердечная чуткость к моральным вопросам. Одним словом, этим путем легко дойти до того состояния, которое пророк Исайя характеризует так: *слухом услышите – и не уразумеваете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Ис. 6, 9-10). Мы обыкновенно считаем грешниками только тех, кто грешит открыто. Но кто не пользуется данными ему способностями для славы Божией, для пользы ближних, для своего спасения, для развития духовной жизни – тоже грешник перед Богом, и на Страшном Суде Христовом услышит грозный приговор: *негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 25, 30).

В результате пренебрежения духовными дарованиями получают следующие печальные явления:

1. Духовные способности, как-то: вера, любовь, надежда, молитва, терпение, покорность Богу и прочие – начинают слабеть, становятся ненадежными и в решительную, тяжелую минуту могут изменить человеку. Так в лесу сгнившие в сердцевине деревья первыми падают под напором бури.

2. Мы легче поддаемся искушениям и чаще уступаем чарам соблазна, изменяя нравственному закону.

3. Страдает сила воли и ее нравственная устойчивость. В конце концов, воля есть не что иное, как постоянный выбор между различными побуждениями и возможными направлениями нашей деятельности.

Вас просят, допустим, оказать какую-либо услугу. Ваша лень и ваш эгоизм этого не желают. Но у вас есть другие мотивы – мотивы евангельского характера, мотивы любви к ближним, которые требуют от вас: *Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся*. Вам приходится выбирать между тем и другим решением, между «да» и «нет», между согласием и отказом. Удовлетворение просьбы требует известного усилия воли, и, если вы себя преодолеете и это усилие сделаете, исполнив то, чему вас учит Евангелие, вы одержали победу над ленью и эгоизмом, и воля ваша несколько укрепилась нравственно.

Если же вы остались пассивны и безучастны и, подчинившись лени и себялюбию, не сделали нужного усилия воли, вы побеждены, и воля ваша несколько ослабела.

Другой пример: у вас, положим, мелькнула соблазнительная прелюбодейная мысль. Вы можете ее задержать в сознании и услаждаться ею или, помня о необходимости чистоты, которой требует Господь, можете ее немедленно прогнать, обратив внимание на что-нибудь другое. Опять предстоит выбор, и от того, какое решение вы примете – подчинитесь соблазну без сопротивления или твердо оттолкнете его от себя, – зависит и то, ослабеет и распустится ваша воля или укрепится.

В этом постоянном выборе, который предоставляет человеку ежедневная жизнь, собственно, и состоит упражнение нравственной воли, та деятельность, которая ее укрепляет. Отсюда ясно, насколько важна деятельность для развития воли и насколько вредна здесь пассивность или безучастие.

Главным средством укрепления нравственной воли и является непрерывная деятельность в духе евангельских заветов. Без этой деятельности, без постоянных усилий, в чем бы они ни проявлялись – в молитве, благотворительности или аскетическом подвиге, – воля может атрофироваться совершенно, и тогда всякий нравственный поступок представляет невероятные трудности.

4. Застой в духовной жизни всегда сопровождается далее ослабеванием голоса совести. Вначале чуткая и отзывчивая на всякое нравственное зло совесть постепенно начинает замирать, если не обращать внимания на ее требования. Если, заведя будильник, не вставать при его звоне, то к этому скоро можно привыкнуть и спать спокойно, не просыпаясь, как умеют спать церковные сторожа на колокольне под звон колоколов. Так и в духовной жизни: если пренебрегать указаниями совести, то мало-помалу человек перестает слышать ее голос и нравственно засыпает. К зловонию можно привыкнуть, ко злу можно привыкнуть, если с ним не бороться.

5. Наконец, при отсутствии духовной деятельности неизбежны сомнения, скептицизм, малодушие, духовная апатия. Не может быть ни энергии, ни решимости.

Таковы психологические следствия духовной лени и бездеятельности.

Еще более важны следствия в области таинственной и благодатной.

1. При бездеятельности мы теряем благодатную жизнь. *Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь*, – говорит Господь иудеям (Ин. 5, 40). Он обещает эту жизнь, но для этого надо идти к Нему. Кто стоит на месте, то есть не делает никаких усилий и движений, тот никогда не придет ко Христу, источнику жизни.

2. Свет жизни приобретается нами, обыкновенно, практически, то есть путем проверки Евангелия опытом и деятельною жизнью по его заветам.

3. Не пытаюсь жить по Евангелию, мы отводим от себя благодатные дары и помощь Божию, ибо благодать Божия содействует человеку при его собственных усилиях и без этого спасти его не может.

Из всего вышесказанного постараемся твердо запомнить главный вывод: духовная жизнь есть деятельность непрерывная. Нет более вредной ошибки, как воображать, что сделавши одно или несколько добрых дел, вы уже обеспечили себе блаженство и можете почить на лаврах. Так в старину богатые купцы после беспутно проведенной жизни иногда пытались искупить ее постройкой храма или пожертвованием тысячепудового колокола. Если этот дар не сопровождается искренним раскаянием и решительным переломом жизни в духе Евангелия, то он не может спасти человека. *И праведник*, – говорит Слово Божие, – *если отступит от правды своей и будет поступать неправедно, будет делать все те мерзости, какие делает беззаконник, будет ли он жив? все добрые дела его, какие он делал, не припомнятся; за беззаконие свое, какое делает, и за грехи свои, в каких грешен, он умрет* (Иез. 18, 24).

Жизнь есть вечное движение. Она никогда не стоит.

Духовная жизнь также движется постоянно: или вверх, или вниз, или к добру, или ко злу, но стоять она не может. Это похоже на плавание в лодке вверх по реке. Вы двигаетесь вперед, лишь пока гребете. Как только вы сложили весла, вас сейчас же начинает сносить назад.

Но если вы добросовестно работаете над собой, стараясь жить по заповедям Божиим, и, пользуясь евангельским светом, пытаетесь исправить свои недостатки, то незаметно для вас в вашей душе растет Царство Божие, то есть то высшее состояние нравственного совершенства, когда Господь начинает безраздельно царствовать в душе над вашими мыслями, желаниями и чувствами. Как растет это семя Царства Божия, по каким законам, человек этого не знает и часто даже не замечает, пока не определится результат роста и семя не превратится в полновесный колос. Но когда вырастает семя, оно заполняет всю душу, вытесняя все лишнее, ненужное. Так *зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков* (ст. 31–32).

Последний эпизод разбираемого евангельского отрывка в характерном для святого Марка стиле рисует Господа как властного Царя стихий, Которому повинуются и море, и ветер, и буря.

Глава 5

Глава 5, ст. 1-20

Рассказ пятой главы Евангелия от Марка об исцелении бесноватого решительно опровергает умствования тех рационалистов, которые не верят в существование нечистых духов и факты беснования пытаются объяснить болезненным состоянием человека – эпилепсией, падучей, нервным расстройством или чем-нибудь в этом роде. Повествование святого Марка и те подробности, которые он приводит: переход бесов в свиней, гибель свиного стада, исцеление после этого бесноватого, – все это никак не мирится с подобными объяснениями. Здесь возможно только одно: или отвергнуть евангельский рассказ, признав его неправдоподобным, или же допустить существование злой силы.

Для нас, верующих в Евангелие, конечно, возможно только последнее.

Но, веря несомненно в существование бесов, что подтверждается и Словом Божиим, и духовным опытом всех святых подвижников, мы сталкиваемся далее с чрезвычайно интересным и важным для нас вопросом-о проявлениях их деятельности и о способах борьбы с ними.

Нам надо знать того врага, с которым у христианина идет постоянная, непримиримая борьба, знать его уловки, его коварство, его приемы, уметь различить его козни там, где он пытается спрятаться и действовать из-за угла. Борясь ощупью, с завязанными глазами, мы неизбежно будем впадать в многочисленные ошибки и подвергаться опасным искушениям и чувствительным ударам с той стороны, откуда менее всего ожидаем.

Проявления деятельности духа злобы в несчастном одержимом человеке, по описанию святого Марка, были ужасны: *он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни* (ст. 3–5).

Это наиболее сильная форма беснования, когда человек теряет над собою всякую власть и находится всецело в подчинении у демонов. Его действия обличают потерю не только рассудка, но и самых элементарных инстинктов, даже инстинкта самосохранения. В этом состоянии он может себя убить, изувечить; неизъяснимая тоска и мука терзают его сердце; ночью и днем он кричит и бьется о камни.

В то же время он обладает громадной, неестественно напряженной силой, так что разрывает цепи, разбивает оковы, и никто не в силах укротить его. Злой дух не отпускает свою жертву ни на один момент, и по силе припадков можно действительно видеть, что в несчастном одержимом скрывается не один бес, а целый легион.

Такая форма беснования встречается в настоящее время сравнительно редко. Но кому приходилось бывать в святых местах, особенно при открытии мощей святых угодников, тот, вероятно, мог наблюдать и такие случаи.

При открытии мощей преподобного Серафима Саровского к раке преподобного привезли из Сибири бесноватого, связанного цепями, так как иначе справиться с ним не было никакой возможности. Но в лесу, прилегающем к монастырю, уже почти в конце пути несчастным вдруг овладело сильное беспокойство. Это беспокойство скоро перешло в припадок невероятного бешенства, во время которого он с нечеловеческой силой разорвал свои оковы и убежал.

Значительно чаще встречаются случаи периодической одержимости, припадки которой связываются обыкновенно с известными моментами богослужения или с определенными церковными песнопениями.

Вероятно, всем известны так называемые кликуши, которые во время «Херувимской», «Тебе поем» и поклонения Святым Дарам начинают лаять по-собачьи, мяукать и кричать диким истошным голосом. Эти крики переходят в страшный вопль и звериный вой, если их пытаются силой подвести к Святым Дарам. Это объясняется тем, что «бесы встречаются с благою силою, им ненавистною и сильнейшею их, которая палит, теснит, поражает их праведно, гонит их вон из любимого жилища» (о. Иоанн Кронштадтский).

Я помню одну молодую девушку, вполне нормальную в обыденной жизни, которая не выдерживала двух молитв в богослужении: чтения Евангелия и пения кондака Божией Матери «Не имамы иныя помощи». Как только она чувствовала, что время подходит к Евангелию, она начинала дрожать всеми членами, потом вдруг поворачивалась и стремительно убегала из церкви. Если ее останавливали и держали силой, она падала на пол и вся замирала, почти без сознания. Но кончалось чтение Евангелия – кончался и припадок; она стояла спокойная и усердно молилась.

Зиму 1924 года мне пришлось проводить в одном из северных захолустных городов Зырянской области, и здесь ссыльный епископ рассказал мне необыкновенный случай, происшедший в семье его хозяина.

Семья эта состояла из четырех лиц: самого хозяина, Василия Тимофеевича, или, по зырянскому способу произношения, Тимовася, его жены, дочки Лизы, молодой девушки лет шестнадцати-семнадцати, и мальчика – сына. Признаки одержимости в более или менее сильной степени замечались у всех членов семьи, за исключением хозяина, но наиболее жуткую форму они приняли у дочери.

Однажды она заболела, и во время болезни с ней случился тяжелый нервный припадок. Лиза билась и металась, так что принуждены были снять ее с палатей и положить на пол, чтобы в конвульсиях она не упала и не разбилась. Мало-помалу она стала затихать и, по-видимому, успокоилась... И вдруг на чистом русском языке, обращаясь к матери, она произнесла: «Ты мне не нужна!.. Пошли за Василием Тимофеичем!» Надо заметить, что отца она никогда так не называла и русского языка совершенно не знала, всегда говоря лишь по-зырянски.

Послали за отцом, которого скоро нашли у соседей. Когда Тимовась вошел в избу, между ним и дочерью завязался разговор, продолжавшийся более трех часов, причем говорила преимущественно Лиза и говорила правильным языком.

– Здравствуй, Василий Тимофеевич!.. Что ты стал, Василий Тимофеевич? Подойди сюда...

Лиза лежала неподвижно: губы ее не шевелились и ни один мускул лица не двигался. Голос шел откуда-то изнутри.

– Ну, здравствуй, Василий Тимофеевич! Мы приехали к тебе издалека... Нас трое: доктор, фельдшер и лакей... Мы приехали тебе сказать, что ты плохо живешь, Василий Тимофеевич!.. У тебя жена хорошая, Лиза хорошая и сын Николай... А ты... ты плохо живешь: куришь... да и другие грехи есть... Если бросишь курить, проживешь еще долго... А если не бросишь, то скоро умрешь... Сын Иван у тебя тоже плох: обманывает он тебя и курит... Ты слишком доверчив, Василий Тимофеевич! Вот ты любишь очень брата своего, Григория, а он скверный: пользуется твоей доверчивостью и обманывает тебя... Берегись также Марьи Васильевны: она дурная... Ты больше знайся с Марьей Егоровной...

Так звали свояченицу Тимовася.

– Ты мне, кажется, не веришь, Василий Тимофеевич! Так вот слушай: Марья Егоровна сейчас ставит шаньги (зырянские лепешки. – *Е. В.*) в печь... Пошли к ней мальчика... Пусть он мне принесет... Я поем...

– Помилуй, – возразил робко Тимовась, – какая теперь печь!.. Шесть часов вечера!..

– Нет, ты все-таки пошли! Они завтра собираются уезжать и затопили печь... Пошли!

Мальчика послали. Он вернулся минут через сорок и принес с собой миску теплых шанег. Все сказанное оказалось верным. Муж Марьи Егоровны собирался рано утром уезжать, и, чтобы напечь ему подорожников, пришлось затопить печь.

Далее начались хозяйственные разговоры: о посеве, о полевых работах, о домашнем скоте. Предсказано было, какие коровы падут, сколько их останется, сколько будет телят и т. д. Впоследствии все это оправдалось.

Потом вдруг тот же голос заявил:

– Ты знаешь, мне дана власть над твоей Лизой... Стоит мне только нажать на сердце, и она умрет...

Бедный Тимовась взмолился:

– Пожалей, если имеешь такую власть... Пожалей девушку... Она одна у меня дочь!

– Хорошо, подумаю!.. – был ответ. – Мы посоветуемся!..

Раздались еще какие-то новые, незнакомые голоса, как будто разом говорило несколько человек. Потом они стали постепенно затихать, как будто удаляясь, и наконец все замолкло.

Лиза заснула.

На другой день она не помнила ровно ничего и не знала ни одного русского слова. Единственное, что она могла рассказать, – это о том, что случилось с ней за минуту до припадка: пришел кто-то в черном, сел ей на грудь и сильно сжал. У нее захватило дыхание, и она потеряла сознание. Дальше она ничего не чувствовала.

Несколько похожий случай я помню из своей пастырской практики. Однажды меня пригласили причастить умирающую девочку. Когда я пришел, больная, девочка-подросток лет 12–13, находилась, по-видимому, уже в состоянии последней агонии.

Трупные тени легли на лицо, в горле слышался слабый клекот, известный в народе под названием «колоколец», как это бывает у умирающих в последние минуты. Но вместе с ним в ней происходило что-то необыкновенное: из полуоткрытых губ то и дело вырывались ужасные бранные слова. Она ругала свою мать, находившуюся в комнате, ругала самой скверной, солдатской, площадной бранью.

Это была жуткая картина.

Девочка, почти ребенок, на пороге смерти – и эта отвратительная брань... Голос звучал резко, точно стукали по деревянной доске, слова вылетали с небольшими паузами, но методически, с какой-то злой настойчивостью. И в то же время по глазам было видно, что бедная девочка вряд ли понимала, что с ней делается... Было впечатление, как будто кто-то изнутри дергал пружинку и слова выскакивали автоматически...

Причастить больную оказалось невозможным: у нее уже не было глотательных рефлексов.

Пришлось лишь окропить ее святой водой и прочитать закликательные молитвы святителя Василия Великого и отходную. Понемногу она стала стихать.

Но не только в таких явно ненормальных проявлениях сказывается одержимость. Есть целый ряд явлений, которые считаются у нас самыми обыкновенными, ни в ком особых подозрений и тревоги не возбуждают и которые, тем не менее, несомненно связаны с деятельностью злого духа. Это так называемые аффекты, или вспышки разнообразных страстей.

Особенно заметно присутствие посторонней враждебной силы в припадках бурных, разрушительных страстей: гнева, ревности и т. п. Почти все убийцы, прикончившие свою

жертву в минуты раздражения и запальчивости, рассказывая об этом впоследствии, говорят, что они чувствовали в этот момент, будто «кто-то схватил их за сердце». Вероятно, каждый из нас, если ему приходилось когда-либо переживать подобные взрывы ярости и гнева, согласится, что он чувствовал приблизительно то же и что им владела какая-то сила.

В литературно-художественных описаниях аффектов вы почти всегда найдете этот момент потери самообладания и ощущение непреодолимости чего-то сильного, властного.

Почти то же влияние посторонней злой силы чувствуют самоубийцы перед роковым шагом.

Одна вдова-крестьянка, подавленная страшно тяжелым горем, говорила, что она боится ходить мимо мельничного омута.

– Так и тянет! – рассказывала она. – Так и тянет! Боюсь, не совладаю с собой – брошусь... Сегодня проходила мимо... Как взглянула – едва удержалась... Сердце захватило... На землю уже упала, чтоб не смотреть... Насилу отошла...

Но кроме этих тяжелых и резких явлений, которые захватывают нас лишь временами, мы постоянно находимся под действием какой-то темной силы, которая людьми чистого сердца и праведной жизни ощущается определенно как сила дьявола, но нами, нравственно огрубевшими, грешными людьми, обыкновенно не замечается. Эта сила сказывается главным образом в навязчивых мыслях и соблазнительных образах, что на аскетическом языке носит название «прилогов дьявольских». Неизвестно, откуда появляются эти мысли и образы, властно захватывающие сознание и часто руководящие нашей деятельностью.

Люди, духовно невоспитанные, обычно принимают их за собственные мысли и желания и не только не считают нужным с ними бороться, но, если они окрашены чувственно-приятным тоном, сами их снова вызывают, когда они исчезают, услаждаются ими, задерживая в сознании, и напрягают свою фантазию, чтобы разукрасить их еще привлекательнее новыми подробностями. Это не воспоминания прошлого, не построение сознательной мысли, не продукты подсознательной деятельности воображения, как их иногда называют (определение, кстати сказать, не объясняющее ровно ничего), это несомненное внушение посторонней духовной силы. Отчетливее всего это чувствуется во время молитвы, когда навязчивые мысли начинают особенно настойчиво тесниться в сознании, как будто стараясь заслонить Бога от духовного ока молящегося. Лишь большим напряжением воли удастся удержать внимание на святых словах молитвы. Многим, особенно тем, кто не привык к духовной борьбе и напряжению, это совершенно не удастся.

«Когда мы молимся, – пишет о. Иоанн Кронштадтский, – то в мыслях странным образом вертятся самые святые, высокие предметы наравне с предметами земными, житейскими, ничтожными: например, и Бог, и какой-либо любимый предмет, например, деньги, какая-нибудь вещь, одежда, шляпа или какой-либо сладкий кусок, сладкий напиток или какое-либо внешнее отличие, крест, орден, лента и проч.»

Но лишь только кончится молитва, все эти пестрые, несвязные мысли тотчас исчезают, как облака, развеянные ветром. Часто вы даже не вспомните о том, о чем думали во время молитвы и что казалось тогда необычайно важным и нужным, требующим обязательно серьезного обсуждения.

Это обстоятельство лучше всего доказывает присутствие в навязчивых мыслях посторонней силы, враждебной по отношению к молитве.

Наконец, влияние злой силы, по словам о. Иоанна, сказывается и во многих других явлениях духовной жизни. «Несомненно, – говорит он, – что дьявол в сердцах весьма многих людей сидит какою-то сердечною вялостью, расслаблением и леностью ко всякому доброму и полезному делу, особенно к делу веры и благочестия, требующему сердечного внимания и трезвения, вообще духовного труда. Так он поражает сердце вялостью, а ум тупостью во время молитвы; так он поражает сердце холодностью и бездействием сердечным тогда,

когда нужно сделать добро, например, сострадать страждущему, помочь в беде находящемуся, утешить печального, научить невежду, наставить на путь истины заблуждающегося и порочного... Дьявол сидит в наших сердцах еще необыкновенно сильною раздражительностью; мы становимся иногда так больны самолюбием, что не терпим ни малейшего противоречия, препятствия вещественного или духовного, не терпим ни одного слова негладкого, грубого».

Таким образом, деятельность злого духа в человечестве проявляется чрезвычайно разнообразно, начиная ярким выражением одержимости или настоящего беснования, когда человек вполне подчиняется злой воле до потери инстинкта самосохранения, и кончая почти неуловимыми веяниями лукавой мысли и чувства, где лишь зоркий глаз опытного подвижника может рассмотреть наличность демонского искушения. Но все это факты одного порядка, различающиеся между собою лишь степенью силы злого влияния.

Если деятельность злой силы так постоянна и неутолима, то нам приходится серьезно задуматься о том, как бороться с ее влиянием, хотя бы мы его и не ощущали. В противном случае наша духовная работа над собой на пути к христианскому совершенству будет серьезно затруднена и может свестись к нулю.

Прежде всего, где найти опору для этой борьбы? Прочитанный евангельский отрывок отвечает на этот вопрос определенно: во Христе. У Господа нашел исцеление несчастный евангельский бесноватый, и силою Его божественного слова был изгнан легион бесовский. Победитель ада и смерти, Господь и теперь является нашим быстрым и могущественным защитником, перед которым трепещет и которому повинуются нечистый дух.

Вот свидетельство того же о. Иоанна из пережитого им опыта: «Владыко мой, Господи Иисусе Христе! Мой скорый, пребыстрый, непостыжающий Заступниче! Благодарю Тебя от всего сердца моего, что Ты внял мне милостиво, – когда я в омрачении, тесноте и пламени вражием воззвал к Тебе, – пребыстро, державно, благодно избавил меня от врагов моих и даровал сердцу моему пространство, легкость, свет! О, Владыко, как я бедствовал от козней врага, как благовременно явил Ты мне помощь и как явна была Твоя всемогущая помощь! Славлю благодать Твою, благопослушливый Владыко, надежда отчаянных; славлю Тебя, что Ты не посрамил лица моего вконец, но милостиво от омрачения и бесчестия адского избавил меня. Как же после этого я могу когда-либо отчаяваться в Твоем услышании и помиловании меня окаянного?»

«Никто из святых, – пишет святой Иоанн Кассиан, – не мог бы выдержать злость демонов или устоять против их наветов и свирепой ярости, если бы при нашем ратоборстве не был всегда присущ нам милостивейший заступник и подвигоположник Христос, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал беспорядочные набеги врагов» (Св. Иоанн Кассиан. Борьба с помыслами и духами злобы).

Таким образом, вся борьба с духом злобы во всех его проявлениях держится на живой связи с Богом и Господом Иисусом Христом. С первых же шагов необходимо твердо помнить, что собственными личными силами ни один человек выдержать этой борьбы не может и неизбежно будет побежден, если не обратится за помощью к Богу. Самоуверенность здесь роковым образом ведут к гибели и заранее обречены на позорное поражение.

Братия мои, – увещает апостол Павел, – укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6, 10–12).

Главным оплотом нашим в духовной брани является, следовательно, вера и надежда на Бога и Господа Иисуса Христа и главным средством борьбы – сердечное с искренней верою обращение к Нему. В минуту уныния, минуту смущения, в минуту страсти, возбужденной в

тебе демоном, вдохни от глубины души и воззови сердцем к Господу о помощи, и Господь тебя не оставит и поможет.

Самое призывание имени Господа Иисуса Христа, если оно делается с верою, уже страшно диаволу. *Именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16, 17), – обещал Господь Своим последователям, и это обещание неложно.

Из истории Церкви и жизнеописаний святых угодников мы знаем много случаев такого изгнания. Уже в первые времена Христовой Церкви апостолы пользовались именем Господа как оружием против нечистого духа. Когда в г. Филиппах апостола Павла и его спутников преследовала служанка, одержимая духом прорицательным, то *Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час*. Так рассказывает книга Деяний святых апостолов (Деян. 16, 18).

В древней Церкви существовали даже особые заклинатели, на обязанности которых лежало изгонять бесов именем Господа Иисуса Христа и молитвой.

Другим оружием против диавола, которое также связано с нашей верой в Господа, является крестное знамение.

«Слава, Господи, никогда не изнемогающей силе креста Твоего! – пишет о. Иоанн Кронштадтский. – Когда враг теснит меня греховным помыслом и чувством и я, не имея свободы в сердце, изображу несколько раз с верою крестное знамение, то вдруг и грех мой отпадает от меня, и теснота исчезает, и я выхожу на свободу. Слава Тебе, Господи!»

В житии преподобного Симеона Столпника передается следующий случай. Когда он еще не достиг высшего совершенства духовной жизни, он подвергся однажды тяжелому искушению, которым диавол пытался подействовать на его гордость. Бес явился подвижнику в образе светлого Ангела и уверил его, что за святую жизнь его решено взять живым на небо, подобно пророку Илии. Поддавшись искушению, преподобный Симеон вышел из кельи, следуя за своим соблазнителем... Сверкающая огненная колесница, запряженная крылатыми конями, уже стояла у дверей кельи. Но лишь только святой отшельник занес ногу, чтобы взойти на колесницу и по всегдашней монашеской привычке сотворил на себе крестное знамение, как все исчезло...

Такова сила крестного знамения.

Но для того, чтобы мы могли применять указанные средства в борьбе с диаволом, для этого необходимо еще одно условие в нашей духовной жизни, именно бодрствование, или внимательное наблюдение за собственными мыслями и настроениями.

Как зоркий часовой, наш внутренний человек должен следить за приближением врага, чтобы знать минуту надвигающейся опасности, когда следует браться за спасительное оружие.

Необходимо все время ясно сознавать, что злой и нечистый дух всегда около нас и всегда готов к нападению. К сожалению, этого-то ощущения у громадного большинства людей нет совершенно. Для многих, особенно для так называемых культурных людей нашего времени, сама мысль о существовании диавола и о том, что они находятся у него в бессознательном повиновении, покажется странной и смешной. Они вполне уверены, что все мысли и желания, рождающиеся в их душе, принадлежат их собственному «я» и что в управлении ими они совершенно свободны и самостоятельны. Конечно, диавол всеми мерами поддерживает эту иллюзию, ибо слепых рабов гораздо легче держать в подчинении. Считая свои мысли, желания и настроения собственным достоянием и не сознавая, что они в значительной степени навеваны посторонними силами, человек с трудом отказывается от них, ибо против этого восстает его гордость и самолюбие под предлогом якобы защиты прав свободной и независимой личности. При таких условиях о необходимости контроля и сознательного, планомерного отбора мыслей и желаний никто из нас серьезно не думает, тем более, что мысль, как бы гнусна и дурна ни была, преступлением не считается. Эта точка зрения меня-

ется постепенно лишь тогда, когда человек начинает жить действительно христианской жизнью и принужден бороться за нравственное совершенство. До тех пор мы за мыслями обыкновенно не следим. Вот почему они тянутся через поле нашего сознания такими несвязными нестройными вереницами, то вялые, тусклые, беспельные, то лукавые, тщеславные, обыкновенно суетные, иногда злые и преступные. А между тем сюда-то и должно быть обращено самое настороженное внимание христианина, ибо именно в этой области мысли и чувства и происходит соприкосновение нечистого духа с душою, и здесь-то находятся рычаги его влияния на волю человека. Сатана не может принудить человека к злой деятельности; он может его только соблазнить, то есть или обмануть кажущеюся благовидностью мотивов, или увлечь мыслью о наслаждении и приятных последствиях греха.

Но как разобраться в мыслях и желаниях? По каким признакам отличить те из них, какие внушены диаволом. Как почувствовать прикосновение к душе и веяние злого духа?

Люди более опытные в духовной жизни ощущают это непосредственно по какой-то неизъяснимой тесноте, смущению, тяжести, беспокойству в душе. Как говорит преподобный Макарий Египетский: «Как уксус с вином на вид одинаковы, но гортань чувством вкуса различает свойство того и другого, так и душа по самому духовному ощущению и действительности может различить дарования духа и мечтания диавола».

Но это на высших ступенях. Для нашей грубой, омраченной души это недоступно. Достаточно, если на первых порах мы ограничимся качественным анализом помышлений, то есть проверкой их нравственной ценности, и будем отсекаать те из них, которые явно и определенно противоречат заповедям Божиим.

Что касается вспышек грубых страстей, то наличие их чувствуется всеми безошибочно, и тогда надобно быть особенно осторожным. «Когда ощутишь, что в сердце твоём не стало мира из-за пристрастия к чему-нибудь житейскому, а вместо того в нём дышит раздражительность и злоба, стань тотчас на страже сердца и не давай наполнить его диавольскому огню. Молись сердечною молитвою и укрепляй Божиею силою страстное, нетерпеливое сердце свое. Будь твердо уверен, что злодышущее разжение сердца есть дело врага» (о. Иоанн Кронштадтский).

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение (Мф. 26, 41). Так завещал Господь Иисус Христос.

Глава 5, ст. 21-43

Снова святой евангелист Марк рисует пред нами Господа Иисуса Христа во всем величии Его силы и могущества. Снова в двух эпизодах проявляется Его Божественная власть не только над человеческими недугами, но и над смертью, и, как всегда, чудесные проявления этой власти проникнуты духом деятельной любви к человеку, печать которой лежит на всей жизни Спасителя.

В одном отношении эти два чуда, по описанию евангелиста, характерным образом различаются между собою, и эта черта различия заслуживает быть отмеченною.

При воскрешении дочери Иаира, начальника синагоги, Господь, следуя Своему обыкновению, как оно проявляется в большинстве Его чудесных деяний, стремится соблюсти тайну.

Во-первых, из всей громадной толпы, которая сопровождала Его, тесня и волнуясь, Он берет только Петра, Иакова и Иоанна, Своих ближайших и любимых учеников, и не позволяет больше никому следовать за Собою.

Придя в дом Иаира, где уже собрались родственники и знакомые умершей, *Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала.*

Воскресив умершую, Он строго приказывает, *чтобы никто об этом не знал.*

Таким образом, евангелист здесь трижды отмечает стремление Господа совершить чудо тайно, чтобы не вызвать шума и толков в народе.

При исцелении кровоточивой Господь, наоборот, заставляет получившую исцеление женщину, скрывшуюся в толпе, публично засвидетельствовать перед всем народом о чуде, совершенном над нею.

Бедная больная, истратившая все свое состояние на докторов, хотела получить исцеление незаметно, в толпе прикоснувшись к одежде Иисуса Христа, но Господь не позволил ей укрыться и, *почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?* Ученики возражали Ему, что в тесной толпе, сжимающей их со всех сторон, спрашивать об этом странно. Но Иисус все-таки искал глазами ту, которая это сделала.

Тогда женщина, видя, что она не может укрыться, *в страхе и трепете... подошла, пала перед Ним и сказала Ему всю истину.*

Господь как сердцеведец, конечно, знал и мог сразу указать в толпе того, кто к Нему прикоснулся, но Он хочет, чтобы исцеленная женщина сама признала и исповедала перед народом случившееся с нею чудо.

Зачем? Несомненно, в данном случае открытое исповедание чуда было нужно для тех, кто сопровождал Господа. Сам Он в человеческой славе не нуждался и ее всегда избегал, но в окружавшей Его толпе необходимо было укрепить веру. В этом прежде всего нуждался сам Иаир, особенно ввиду предстоящего чуда воскрешения его дочери. Слабой вере начальника синагоги предстояло большое испытание: смерть любимой дочери, которую, уходя, он оставил тяжело больной, но еще живой. Известие об этой смерти должно было повергнуть его в отчаяние, и для того, чтобы и в эту минуту у него мог сохраниться луч веры в могущество Господа и надежда на Его помощь дочери даже в таких, по-видимому, безнадежных обстоятельствах, для этого надо было, чтобы он сам был свидетелем необыкновенной, чудотворной силы Господа.

Вот почему Господь потребовал от кровоточивой женщины открытого признания совершившегося над нею чуда.

Возможно, что именно благодаря этому вера Иаира выдержала испытание, и, когда несчастному отцу, удрученному печальной вестью о смерти дочери, Господь сказал: *не бойся, только веруй*, тот в воспоминании о необыкновенном событии с кровоточивой нашел подкрепление для своей веры, и чудо воскрешения могло, таким образом, совершиться.

Этим путем исповедания и открытого свидетельства о явлениях силы Божией в жизни людей и укрепляется в человечестве вера в Бога и в Его про мыслительную деятельность, а вместе с тем растет и расширяется круг лиц, составляющих Церковь Христову. *Как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?.. Итак вера от слышания* (Рим. 10, 14, 17), – говорит апостол Павел.

Следовательно, открытое исповедание веры в Бога во многих случаях является для христианина обязанностью, и отказ от такого исповедничества часто равносителен измене Христу.

Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, – говорит Господь, – того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным (Мф. 10, 32–33). Особенно в години общего упадка веры или преследования религии важно и нужно исповедничество. Пример одного мужественного человека, открыто, несмотря на насмешки и гонения, исповедующего веру в Бога и Господа Иисуса Христа, поддерживает ее в слабых, колеблющихся сердцах и укрепляет робкие души на подвиг защиты религии и страдания за имя Христово. В такое тяжелое критическое время измена Христу и отречение от Него становится особенно позорным.

Каким тяжелым грехом кажется нам отречение от Христа апостола Петра в минуту опасности, когда Господь, взятый под стражу, находился в руках Своих гонителей, заушавших и оскорблявших Его, и когда среди этих страданий около Него не было ни одной души, сочувствующей Ему, кроме двух учеников, затерявшихся в толпе. Такое положение налагало на учеников особые обязательства мужественно и твердо выразить свои симпатии к Божественному Страдальцу, ибо среди всеобщей ненависти и презрения это было бы для Него утешением и отрадой. Недаром разбойник, сделавший это на кресте, заслужил прощение и милость Господа. А услышать в такую минуту из уст любимого ученика отречение от Себя: *не знаю Человека Сего* (Мк. 14, 71) – разве это не значило для Господа найти в Своей переполненной чаше страданий еще лишнюю каплю горечи? И когда *Господь, обратившись, взглянул на Петра* (Лк. 22, 61), как много говорил этот грустный взор! Петр не мог забыть этот взгляд всю свою жизнь, и каждый раз, когда пел петух, он горько плакал, вспоминая свое отречение. Его глаза были всегда красны от слез.

Точно так же, когда страдает в гонениях Церковь Христова, наша нежная, любящая мать, воспитавшая нас своим богослужением и уставами, вскормившая нас своим учением, вспоившая нас в таинствах из источника благодати Святого Духа, покидать ее в эти минуты скорби и преследований, отречься, вместо того чтобы защищать, особенно позорно и свойственно душам низким и маловерным.

Наоборот, какую дивную картину благородства, верности, честности представляет исповедничество христианских мучеников первых веков в годы гонений!

Вот сцена, обычная для того времени. Южный город... На главной городской площади выстроен помост, и на нем перед игемоном идет допрос христиан. Кругом страстная южная толпа, впечатлительная, непостоянная, изменчивая, как море, полная смешанных чувств. Одни смотрят на христиан с презрением, как на глупцов и фанатиков, вредных для государства; другие – с нескрываемым удивлением, ибо никак не могут понять, что за сила заставляет их идти на пытки и смерть; третьи полны внутреннего восторга и преклонения перед мужеством и непоколебимой твердостью этих людей... А их, этих странных, удивительных людей, много... Тут и глубокие старцы, убеленные сединой, согбенные от годов и изможденные суровой жизнью, тут и зрелые мужи в полном расцвете сил и способностей, юноши, стоящие на пороге жизни, обвеянные молодыми надеждами, девушки, робкие и нежные, как лилии, даже дети... И все они твердят одно слово, которое бесповоротно осуждает их на казнь: «Я – христианин!», «Я – христианка!» И в этом исповедничестве все они одинаково тверды: и давнишние христиане, и только что обращенные ко Христу неопиты.

У всех один порыв, одно чувство, одна великая любовь ко Христу... Одна мысль, полная восторга: «Познать Тебя, Господи, почуять вдруг, что нет в жизни никого выше, поклониться страданию Твоему, здесь терпеть пытки короткими часами, чтобы в вечности ликовать с Тобою, разделить с Тобою, любимым, страдания Твои – выше этого нет счастья!»

Им предлагают за отречение славу, богатство, сказочное благополучие, словно надбавляя ставку, словно желая испытать, до какого предела может дойти безумие христиан, – ничто их не прельщало. Нет той цены, за которую они могли бы изменить Христу и продать веру свою.

А с другой стороны лежат орудия пыток, разводят костры, топят олово, чтобы пытать струей раскаленного металла... Весь этот ужас злобы и жестокости, истощивший фантазию в изобретении, самых невероятных, утонченных пыток и истязаний, грозил мученикам.

И требуется ведь так немного: вылить фиал вина или бросить щепотку ладана на языческий жертвенник. Вот и все!.. И не хотят!.. Твердят одно: «Я – христианин!», «Я – христианка!» Выше и почетнее этого звания они не знают ничего. И за это умирают. Умирают среди страшных мучений. Умирают спокойно, с молитвой, с ясной улыбкой на устах.

Это-то исповедничество и распространяло веру; на крови мучеников росла и расцвела Христова Церковь. Века открытых гонений и мучений за веру Христову прошли. Но развитие и дальнейшее укрепление Церкви Христовой по-прежнему требовало исповедничества мужественных и сильных духом людей, ибо борьба злой силы против Церкви не прекратилась, но приняла лишь другие формы: к насилию присоединились коварство и обман. Наступала эпоха ересей.

И в это время мы видим опять целый ряд стойких борцов за веру истинную, защищавших Церковь смелым, сильным, прямым словом, не считаясь с грозившими им опасностями.

Вот Афанасий Великий. Его выдвинула борьба с арианством, первой злостной попыткой лукавого ума опровергнуть православное учение о Богочеловечестве Христа, объявив Его тварным созданием. Почти всю свою жизнь святой Афанасий боролся с этой ересью, принимавшей по временам угрожающие размеры. Бывали моменты, когда гонимое Православие покоилось почти на одном Афанасии. Значительную часть жизни он провел в изгнании, но ничто, никакие натиски бури его не сокрушили. Он сохранил и передал грядущим векам учение веры в ненарушимой чистоте.

Далее эпоха иконоборчества. Это было гонение не только против икон, но и против иночества, против церковных установлений, против всего, что налагает узду на страсти. Гонение, поддерживаемое несколькими императорами подряд, велось с озлобленной жестокостью, без разбора средств. И только маленькая горсть верных Церкви людей, смело возвысивших свой голос в защиту древних установлений, отстояла иконопочитание.

В этой самоотверженной борьбе за чистоту веры особенно заметны два героя исповедничества: святые преподобные Феодор Студит и Иоанн Дамаскин.

Иоанн Дамаскин был первым министром дамасского халифа. Необычайно даровитый и пламенно верующий, он всю свою ревность и весь свой талант отдал борьбе с иконоборчеством. В защиту икон им написано много вдохновенных стихотворений, которые приобрели необычайную популярность в народе и распевались по всему пространству Византийской империи, поддерживая маловерных и укрепляя слабых. Главный гонитель икон император Византийский Лев III Исаврянин до сего времени не мог ничего сделать с Иоанном, чтобы остановить его деятельность, ибо Дамасский халифат находился за пределами его власти. Наконец злоба ненавистника икон нашла коварное средство: он приказал составить подложное письмо, полученное им якобы от Иоанна и содержащее в себе предложение изменить халифу с целью свержения его с трона. Письмо это он переслал халифу, как будто бы возмущенный низостью предложения. Цель клеветника была достигнута: повелитель Дамаска в страшном гневе на своего первого министра приказал отрубить ему руку, написавшую якобы предательское письмо.

Так пострадал святой Иоанн за свое смелое исповедничество. Да, это были люди! И каким укором веет на нас от этих цельных, светлых образов в наше время, в нынешней смуте, восстающей на Церковь, на церковные установления, на Христа.

А как нужно теперь исповедничество! Какое великое значение в жизни Церкви имеет иногда открытое исповедание веры или смелое слово обличения неправды даже одним мужественным человеком.

В 1439 году римско-католический папа составил план так называемой унии, или объединения с Восточно-Православной Церковью, стремясь подчинить ее своему влиянию и господству. С этой целью созван был Собор во Флоренции, на который приглашены были представители Православной Церкви. Немало нашлось среди них предателей, которые согласились принять унию, предоставлявшую католичеству власть над Православием. Но один отец Восточной Церкви, Марк Ефесский, человек всеми уважаемый за свою искренность, честность и преданность вере, отказался подписать акт о соединении Церквей. И таково было влияние и уважение, которым он пользовался, что римский папа, узнав, что в

соборных протоколах нет подписи Марка, воскликнул: «Ну, так мы ничего не сделали!» Он был прав: флорентийская уния не привела ни к чему.

Вот что значит иногда стойкость одного человека! Особенно важны примеры стойкой веры и открытого исповедания для молодежи, которая часто ищет и не находит опоры в своих религиозных устремлениях. Представьте себе молодого человека, заброшенного в неверующую среду. Быть может, в его душе и есть правильные устои веры, заложенные еще в семье, но ведь все это, все его духовное мировоззрение находится только в состоянии формирования и потому неустойчиво. Отрицательные впечатления полного безразличия к вере или легкомысленной критики лезут со всех сторон на неокрепший мозг, и капля по капле исчезает детская вера. Для такого юноши найти опору для борьбы с окружающей религиозной холодностью в примере сознательно верующего человека великое счастье. Некоторые, хотя, к сожалению, немногие верующие, понимают это и не скрывают своих религиозных убеждений.

«Перед молодежью, – говорил как-то известный профессор философ Астафьев, – я не скрываю, но сознательно подчеркиваю свои религиозные верования. Если под вечер, в холодную погоду случится проехать мимо Иверской, когда там пустынно, то случается – перекрещусь маленьким крестом, не снимая шапки. Но если я вижу студента-ученика, то, невзирая ни на какую погоду, снимаю шапку и крещусь широким крестом».

Если от этих образов великих и малых исповедников мы перенесем внимание на свою жизнь, то, наверное, найдем иную картину. Мы не только не считаем нужным открыто исповедовать свою веру, но, напротив, часто тщательно скрываем свои христианские убеждения, как будто стесняясь и стыдясь их. Многие, привыкшие осенять себя крестным знаменем, проходя мимо храма, иногда боятся снять шапку и перекреститься, если на них смотрят или если вблизи они заметят знакомого неверующего насмешника. Какая-то странная трусость, навеянная несомненно духом лукавым, овладевает ими иногда! Показаться смешным в глазах этого скептика-недоучки, щеголяющего модным либерализмом воззрений, – это ужасно! Подумайте, что скажут: «В XX веке веровать! Век пара и электричества – и вера в Бога, как в средние века! Какая отсталость! Да еще по-православному, по-старушечьи! Лютеранство – это еще куда ни шло с его рациональным подходом к религии!.. Но православие! Фи, как смешно!» И православный человек, сжавшись комочком и боязливо оглядываясь на насмешника, старается поскорее проскользнуть мимо храма не крестясь, хотя на сердце скребут кошки, а рука так и просится к шапке.

Так велика эта боязнь насмешки и опасение показаться отсталым, что иногда искренно верующие люди, особенно городского интеллигентного круга, вместо хорошей иконы с лампадой на видном месте вешают маленький, едва заметный образок где-нибудь в углу, да еще под цвет обоев, чтобы сразу и разглядеть было невозможно. Помилуйте! Придут гости, знакомые, интеллигенция... осудят!

Разве это не отречение? – *Не знаю Человека Сего!*

Случается порой, что в веселом обществе рассказывают так называемый смешной анекдот, полный самого возмутительного кощунства, и никто из присутствующих не останавливает рассказчика, не выскажет своего негодования против оскорбления религиозного чувства. Кому не приходилось слышать кощунственных пародий вроде «Сотворения мира» или «Истории потопа»? И надо заметить, что эти пародии не из самых худших. В последнее время появились рассказы и анекдоты, богохульство которых жутко и страшно. Составлены фарсы и комедии в таком же роде, которые рассказываются открыто, на сцене... И православные люди все это слушают молча, а иногда хихикают и рукоплещут...

Не уважаем мы своей религии!

Особенно в настоящее лукавое время, когда против Православия ведется такой ожесточенный поход, выясняется все более, как мало мы дорожим верой своих предков. Широкой

волной разливается отступничество, захватывая не только молодежь, но иногда и стариков. Изменяют Православию и Церкви чрезвычайно легко, по самым незначительным причинам. Желание карьеры, боязнь притеснений, служебное положение, дерзкие насмешки, легковесные quasi-научные доклады – все это признается извинительным поводом для отступничества, по крайней мере, внешнего. Если сравнить с этим настроением силу веры первых христиан эпохи гонений, то сравнение это будет далеко не в нашу пользу. Как дорожили тогда христианством! Какие цельные, сильные, прямые и честные натуры вырабатывала эта глубокая преданность религии, и как дрябло и бессильно современное общество, носящее христианский ярлык! Как мало в нем блесков, не говорю – евангельских, но просто духовных ценностей!

Часто оправдывают себя тем, что изменяют Церкви и Господу Иисусу Христу лишь внешним образом, под давлением обстоятельств, а в душе верны по-прежнему.

Но ведь Господь говорит: *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 33). Апостол Павел свидетельствует: *Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас* (2 Тим. 2, И, 12).

Разве это не страшно?

Гонят Церковь должны и мы нести гонение. Терпит Христос – должны терпеть и мы, разделяя Его страдания, ибо *кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38), – говорит Он.

Итак, исповедничество для православного христианина в настоящее время необходимо и неизбежно.

Но здесь возникает один важный и вполне естественный вопрос: если для христианина необходимо открытое исповедничество, то как согласовать с этим сохранение тайны духовной жизни, что также требуется от него, как это мы видели в прежних беседах? Ведь и Господь, требуя исповедания от кровоточивой женщины, не требует этого от Иаира, но, наоборот, повелевает ему и его родственникам молчать о чуде воскрешения девицы. Значит, и исповедничество требуется не всегда, но лишь в некоторых, определенных случаях.

Совершенно верно, и прочитанный евангельский рассказ дает ясное указание, когда именно требуется исповедничество.

Когда выступила исцеленная женщина со своим публичным признанием чуда?

Когда потребовал этого от нее Господь.

В этом заключается ответ на поставленный вопрос и разрешение высказанного недомыслия.

Исповедничество во время гонений обязательно для христианина, когда к этому призывает его Господь, то есть когда обстоятельства складываются для него таким образом, что ему необходимо выявить перед людьми свое отношение к Богу: за Христа он или против Христа. Обстоятельства нашей жизни, все, до последней мелочи, определяются волею Божией, и если Господь ставит человека в необходимость открыто исповедать свои верования, то это и есть призыв Божий.

Когда христиан первых веков брали под стражу и приводили к игемону для допроса, они мужественно исповедали свою веру в Христа, но сами мучений не искали.

Самовольный вызов на подвиг исповедничества обыкновенно связан с чувством гордости и самомнения и им руководится, а потому часто бывает наказан, ибо *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Пет. 5, 5). Самовольные исповедники, оставленные без благодатной помощи Божией, своими силами не могут выдержать испытания и неизбежно кончают отречением.

Сохранилась от древних времен скорбная повесть об одном христианине-отступнике, некоем Нарциссе, который во время тяжелого гонения сам вызвался на исповедничество

и, несмотря на увещания духовного отца, явился к языческому правителю, чтобы принять мученический венец за имя Христово.

Правитель принял его ласково.

– Что тебе надо? – спросил он.

– Я христианин, – твердо отвечал Нарцисс, и пришел тебе сказать, что ваши боги – идолы, а вы – безумцы, поклоняющиеся дереву и камню...

– Но ведь ты знаешь, что христиане по эдикту императора подлежат смертной казни? Зачем ты пришел, глупец? Уходи...

– Мы, христиане, не боимся смерти... Она приводит нас ко Христу...

– Молчи... Откажись от своих слов или я прикажу тебя пытать...

– Пытай... Нам, христианам, мучения за Христа сладки... За Него мы все готовы претерпеть! И никакие муки не заставят меня отречься от Него!

Эта самонадеянность непризванного исповедника была жестоко наказана.

Игемон призвал палачей. Нарцисс стойко выдержал несколько пыток, все время твердя, что ему не страшны никакие мучения. Но его воля, не подкрепленная благодатию Божиею, в конце концов не выдержала, и, когда принесены были по распоряжению правителя новые ужасные орудия пытки, он упал духом, позорно отрекся от Христа и принес жертву идолам.

Поэтому древняя Церковь никогда не одобряла этой ревности не по разуму и всегда советовала с осторожностью и благоразумием выжидать ясных указаний воли Божией, призывающих к мученичеству.

Даже епископы часто скрывались от мучителей, сберегая свою жизнь для пользы Церкви, а христиане, предавшие себя самовольно на мучения, не причислялись к лику святых.

Это отношение Церкви к исповедничеству нашло себе выражение в правилах святого Петра, архиепископа Александрийского, признанных каноническими, то есть обязательными для руководства в христианской жизни. В его 9-м правиле выясняется православная точка зрения по этому вопросу.

«Домовладыка и Учитель наш, – говорится здесь, – часто уклонялся от хотевших навещать Его, и яко иногда ради их и не ходил явно, и когда приближалось время страдания Его, не Сам Себя предал, но ожидал, доколе не пришли на Него со оружием и с дрекольями, и тогда рек им: *Яко на разбойника ли изыдосте со оружием и дрекольми яти Мя?* Они же, глаголет Евангелист, предали Его Пилату. По подобию Его, пострадали и текущие к Его мете, памятуя Божественные слова Его, в которых Он, подкрепляя нас, глаголет о гонениях: *внемлите себе, предадут бы вы на сонмы, и на соборищах их биют вас. Предадут, глаголет, а не сами себя предадите: и пред владыки же и цари ведени будете имене Моего ради, а не сами себя поведете. Ибо Он хочет, чтобы мы и преходили от места на место, будучи гонимы за имя Его, якоже и паки слышим Его глаголющего: егда же гонят вы во граде сем, бегайте в другой; поелику Он не хочет, чтобы мы сами приступали к щитоносцам и копиеносцам диавола, да не соделаемся для них виновниками множайших смертей, аки бы вынуждая их к большему ожесточению и к совершению смертоносных дел; но чтобы мы ожидали и внимали себе, бодрствовали и молились, да не внидем во искушение».*

Таким образом, христианин не должен сам искать мучений, напрашиваясь на них, чтобы тем не ввести гонителей христианства в сугубый грех ожесточения и новых преступлений, но, вынужденный к исповедничеству, обязан принять на себя этот подвиг.

Глава 6

Глава 6, ст. 1-13

Господь Иисус Христос начал Свою деятельность в Галилее. Здесь, около Геннисаретского озера, нашел Он Своих первых учеников и последователей; здесь впервые раздали вечные слова Божественной проповеди; здесь совершены были первые чудеса.

Галилея в то время была цветущей страной с хорошо развитым земледелием и оживленной торговлей. Ее население составляло племя сильное и храброе, земледельческое и воинственное, даже беспокойное и ревнивое к свободе. Его предки из Завулона и Неффалима оставили блестящую страницу в истории завоевания Ханаанской земли. Несмотря на эти великие воспоминания, полный энергии патриотизм, Галилея, не имевшая знаменитых ученых и школ, не пользовалась ни малейшим уважением в эти времена формализма и религиозной законности, когда полным доверием пользовались только книжники и раввины. Жители Иерусалима и чистые иудеяне презирали ее. Галилеянин казался им существом необразованным, невежественным, простым и грубым. Они поднимали на смех его наречие и выговор.

И однако эта страна заслуживала гораздо лучшей репутации. Здесь сильна была верность родным преданиям; любовь к свободе не была подавлена римским игом и поддерживала лишь оживленные ожидания Мессии – избавителя; сердце народа, несмотря на внешнюю грубость, сохранило девственную чистоту и было восприимчиво к правде Божией и глаголам жизни вечной.

Господь с первых же шагов Своей проповеднической деятельности имел здесь большой успех. Народ стекался Его слушать толпами. Многие приходили издалека и неделями сопровождали его, упиваясь божественными словами. Готовы были слушать Его целыми днями, забывая о пище. Вера в Него, в Его учение, в Его чудотворную силу росла с каждым днем, а вместе росло Его влияние в народе, умножались и чудеса.

Когда из Галилеи Господь захотел перейти в Свое отечество, в Назарет, где жила Его семья и где Им проведены были детские годы, Он уже пользовался громкой славой.

Молва о Нем шла далеко. О Нем говорили как о Великом Пророке, обладающем великой силой слова и чудотворений. Многие готовы были признать в Нем Мессию. Казалось, при таких условиях назаретяне должны были встретить Его с особым радушием и восторгом. Ведь это был их пророк, вышедший из их среды, выросший в их городе, их слава, гордость, украшение.

И вместо этого мы видим совершенно обратное явление. В родном городе Господь был встречен полным равнодушием. Ни Его дивная, вдохновенная проповедь, полная силы и премудрости, ни удивительные чудеса, которые Он творил, ни ореол славы, венчавший Его, не могли возбудить в его соотечественниках веры в Него, в Его Божественное посланничество, так что *Иисус дивился неверию их*. Это тем более удивительно, что назаретяне имели полную возможность сами оценить влияние Его проповеди и чудотворную силу. Не замечать в Нем этой необыкновенной силы не было никакой возможности.

Но вместо того, чтобы поддаться обаянию Его учения и признать Его, по меньшей мере, пророком, они только с изумлением спрашивают: *откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его?*

Это вопросы праздного, возбужденного любопытства, которые ни к чему не обязывают и ни к чему не ведут.

Такое отношение к Нему соотечественников вызвало скорбное замечание Господа Иисуса Христа: *не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем.*

Как относились к Господу его домашние и сродники, мы уже знаем. *Братья Его не веровали в Него*, – говорит евангелист Иоанн (Ин. 7, 5), и считали просто сумасшедшим. Но и отношение сограждан было не лучше. Первоначальное равнодушие и недоверчивое любопытство скоро перешли в ярость и открытую злобу, когда проповедь Спасителя затронула их национальное самомнение. Кончилось тем, что они выгнали Его из города и хотели свергнуть с горы (Лк. 4, 29).

Чем объяснить это? Как понять это невероятное отупение совести и потемнение рассудка, приводящее к подобным деяниям? Ведь не могли они не знать, что выгоняют, во всяком случае, необыкновенного человека, уже признанного Великим Пророком во многих городах?

Ключом для разрешения этой психологической загадки является третий стих 6 главы.

Не плотник ли Он, – говорили они, – сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем.

Они знали всю семью Господа и никогда не находили в ней ничего необыкновенного, не замечали ни в ком из ее членов даже особенных дарований. Самого Иисуса они знали давно, с детства. Часто видели Его на улицах города или у водоема источника вместе с Матерью. Видели в мастерской, где Он работал под руководством престарелого Иосифа. И никогда им в голову не приходила мысль, что из этого мальчика выйдет что-нибудь необыкновенное. Он казался им таким же, как и все дети.

Они слишком давно знали Его, слишком часто видели Его и слишком привыкли к Нему.

Этим объясняется их отношение к Нему.

Мы никогда не ценим того, к чему слишком привыкли. Привычный предмет уже не возбуждает того напряженного внимания, с которым мы встречаем новинку. Даже чудесное в силу привычки начинает казаться обыкновенным. Человек, слишком хорошо нам знакомый, не может рассчитывать на чересчур высокую степень нашего уважения и почтительного удивления, которое мы готовы подарить тому, кого знаем лишь поверхностно, понаслышке. Некоторая доля неизвестности всегда повышает тон отношения. Жених преклоняется перед невестой гораздо больше, чем муж перед женой, а лакей, говорят, никогда не уважает своего барина.

То же случилось и с назаретянами: они настолько привыкли к Господу, привыкли считать Его своим, ровней, что, даже замечая в Нем чудесное, только недоумевали, пожимали плечами и пытались найти всему естественное объяснение. Вот почему они не поверили в Него как в Мессию и не отдались Ему всей душой, как это сделали многие галилеяне.

Но этот же закон действует и теперь в духовной жизни.

Для христианина, посвятившего свою жизнь служению Господу Богу, всегда есть опасность потерять свежесть своего чувства к Нему благодаря привычке и заменить искреннее, сердечное служение формальным, механическим, часто небрежным исполнением религиозных обязанностей.

Это случилось с еврейским народом, которому пророк Исаия бросает тяжелый упрек: *Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте* (Ис. 58, 3–4). Это же случилось и с руководителями еврейства, книжниками, фарисеями и священниками, которым Господь с горечью говорит: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру* (Мф.

23, 23). *Вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония* (Мф. 23, 28). *Знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу* (Ин. 5, 42).

То же самое, к великому сожалению, случается нередко и с нашими священнослужителями. Привыкая к тайнствам и священнодействиям, они перестают в них чувствовать веяние Святого Духа, теряют всякое благоговение к ним и все свое служение Богу начинают ограничивать бездушным и спешным совершением служб и треб.

Особенно трагически сказывается этот закон привычки на наших певчих, церковных прислужниках и детях духовенства. Мне никогда не приходилось видеть более безобразного поведения в церкви, чем то, которое позволяют себе певчие и мальчики, прислуживающие в алтаре. Это объясняется именно тем, что, привыкая к храму, они начинают чувствовать себя в нем как дома и совершенно забывают о невидимом присутствии в нем Великого, Всомогущего, Всеправедного Творца.

Но и с каждым верующим может случиться эта потеря живой веры и живого чувства к Богу, и опасность особенно велика для тех, кто по своему положению обязан нести длительный и утомительный труд служения, не имея понятия о законах духовной жизни и не пользуясь указаниями опытных людей.

Это состояние духовного огрубления или одичания очень тяжело и опасно, ибо выйти из него опять на правильную дорогу гораздо труднее, чем встать на эту дорогу только что начинающему новичку. Переучивать снова неправильно выученное всегда труднее, чем заучивать что-нибудь новое, еще незнакомое, ибо здесь приходится сначала разбить укоренившуюся привычку, что отнимает много сил и времени. Это – азбука педагогики. Если ученику музыки с самого начала дана неправильная постановка руки и пальцев, то освободиться от этого недостатка и перейти на правильную методику представляет впоследствии очень большие трудности. Чтецы, перебившие язык на спешном чтении, проглатывающие целые слоги до потери смысла, часто до конца жизни не могут научиться читать внятно и отчетливо. Точно так же и в духовной жизни, и в служении Богу. Есть несчастные батюшки, до такой степени привыкшие к небрежному и неряшливому совершению богослужения, что они уже не могут, несмотря на все старания, исполнять его истово, чинно, с благоговением. Закоренелая привычка побеждает все усилия, когда, сознав опасность положения, пытаются с ней бороться. Язык сам собою мчится вперед, стремительно выбрасывая слова, не успевающая за ним мысль прыгает с пятого на десятое слово или мечется по сторонам, а руки и тело сами собой проделывают заученные и усвоенные привычкой жесты. Еще хуже, когда человек даже не сознает, что он перестал уже быть священником и молитвенником, что он не более как говорящий автомат. Здесь начинает уже чувствоваться гнет проклятия Божия за небрежность, ибо сказано: *Проклят творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

В этом состоянии потери живого ощущения Бога вся внешняя деятельность, имеющая, по-видимому, целью приблизить к Нему человека, осуждена на полную духовную бесплодность. Прежде всего молитва, одно из главных средств духовной жизни, перестает быть действенной. До Бога она не доходит.

«Помни, пишет – о. Иоанн Кронштадтский, – что если ты во время молитвы не празднословишь, а с чувством говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратятся к тебе тощи, без силы (как шелуха без зерна), но непременно принесут тебе те самые плоды, которые заключаются в слове, как плод в оболочке. Это дело самое естественное, как естественны и обыкновенны в природе плод и оболочка его... Чем искреннее, сердечнее будешь произносить каждое слово, тем больше плода от молитвы; каждое слово, как зернышко, принесет тебе плод духовный, как зрелый колос... Но если ты слова бросаешь попусту, без веры, не чувствуя силы их, как шелуху без ядра, то пустыми они к тебе и воротятся; шелуху бросаешь, шелуха к тебе и воротится».

Есть старая легенда, наглядно показывающая нам, как бесплодны иногда бывают наши молитвы.

Давно-давно жил один святой старец, который много молился и часто скорбел о грехах человеческих. И странным ему казалось, почему это так бывает, что люди в церковь ходят, Богу молятся, а живут все так же плохо. Греха не убывает.

«Господи, – думал он, – неужели не внемлешь Ты нашим молитвам? Вот люди постоянно молятся, чтобы жить им в мире и покаянии, и никак не могут. Неужели суетна их молитва?»

Однажды с этими мыслями он погрузился в сон. И чудилось ему, будто светозарный Ангел, обняв крылом, поднял его высоко-высоко над землей... По мере того, как поднимались они выше и выше, все слабее и слабее становились звуки, доносившиеся с поверхности земли. Не слышно было более человеческих голосов, затихли песни, крики, весь шум суетливой мирской жизни. Лишь порой долетали откуда-то гармоничные, нежные звуки, как звуки далекой лютни.

– Что это? – спросил старец.

– Это святые молитвы, – отвечал Ангел, – только они слышатся здесь!

– Но отчего так слабо звучат они? Отчего так мало этих звуков? Ведь сейчас весь народ молится в храме?..

Ангел взглянул на него, и скорбно было лицо его.

– Ты хочешь знать?.. Смотри...

Далеко внизу виднелся большой храм. Чудесной силой раскрылись его своды, и старец мог видеть все, что делалось внутри. Храм весь был полон народом. На клиросе виден был большой хор. Священник в полном облачении стоял в алтаре.

Шла служба. Какая служба – сказать было невозможно, ибо ни одного звука не было слышно. Видно было, как стоявший на левом клиросе дьячок что-то читал быстро-быстро, шлепая и перебирая губами, но слова туда, вверх, не долетали. На амвон медленно вышел громадного роста диакон, плавным жестом поправил свои пышные волосы, потом поднял орарь, широко раскрыл рот, и... ни звука!

На клиросе регент раздавал ноты: хор готовился петь.

«Уж хор-то, наверно, услышу...» – подумал старец.

Регент стукнул камертоном по колену, поднес его к уху, вытянул руки и дал знак начинать, но по-прежнему царила полная тишина. Смотреть было удивительно странно: регент махал руками, притопывал ногой, басы краснели от натуги, тенора вытягивались на носках, высоко поднимая голову, рты у всех были открыты, но пения не было.

«Что же это такое?» – подумал старец.

Он перевел глаза на молящихся. Их было очень много, разных возрастов и положений: мужчины и женщины, старики и дети, купцы и простые крестьяне. Все они крестились, кланялись, многие что-то шептали, но ничего не было слышно.

Вся церковь была немая.

– Отчего это? – спросил старец.

– Спустимся, и ты увидишь и поймешь... – сказал Ангел.

Они медленно, никем не видимые, спустились в самый храм. Нарядно одетая женщина стояла впереди всей толпы и, по-видимому, усердно молилась. Ангел приблизился к ней и тихо коснулся рукой... И вдруг старец увидел ее сердце и понял ее мысли.

«Ах, эта противная почтмейстерша! – думала она. – Опять в новой шляпе! Муж – пьяница, дети – оборванцы, а она форсит!.. Ишь выпялилась!..»

Рядом стоял купец в хорошей суконной поддевке и задумчиво смотрел на иконостас. Ангел коснулся его груди, и перед старцем сейчас же открылись его затаенные мысли: «...

Экая досада! Продешевил... Товару такого теперь нипочем не купишь! Не иначе как тыщу потерял, а может, и полторы...»

Далее виднелся молодой крестьянский парень. Он почти не молился, а все время смотрел налево, где стояли женщины, краснел и переминался с ноги на ногу. Ангел прикоснулся к нему, и старец прочитал в его сердце: «Эх, и хороша Дуняша!.. Всем взяла: и лицом, и повадкой, и работой... Вот бы жену такую! Пойдет или нет?»

И многих касался Ангел, и у всех были подобные же мысли, пустые, праздные, житейские. Перед Богом стояли, но о Боге не думали. Только делали вид, что молились.

– Теперь ты понимаешь? – спросил Ангел. – Такие молитвы к нам не доходят. Оттого и кажется, что все они точно немые...

В эту минуту вдруг чей-то детский робкий голосок отчетливо проговорил:

– Господи! Ты благ и милостив... Спаси, помилуй, исцели бедную маму!..

В уголке, на коленях, прижавшись к стене, стоял маленький мальчик. В его глазах блеснули слезы. Он молился за свою больную маму.

Ангел прикоснулся к его груди, и старец увидел детское сердце. Там были скорбь и любовь.

– Вот молитвы, которые слышны у нас! – сказал Ангел.

Таким образом, наши лицемерные, чисто внешние молитвы до Бога не доходят и плода не приносят.

Приближаются ко Мне люди сии устами своими, – говорит Господь, – и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня (Мф. 15, 8–9).

Более того: такая молитва прогневляет Бога.

«...Многие из нас, – пишет о. Иоанн, – совершают службу и таинства, молитвословия неохотно, вяло, небрежно, торопливо, с пропусками, желая скорее кончить святое дело да поспешить на житейскую суету. Какое страшное обольщение и какой тяжкий грех! Невольно при этом вспоминаешь грозный глагол Господа нерадивым исполнителям Его дел: *проклят всяк творяй дело Господне с небрежением!* Я сказал: какое страшное обольщение! Да, страшное обольщение, потому что мы по слепоте своей пренебрегаем глаголами Святого Духа, дышащего в молитвословиях таинств и служб, – пренебрегаем тем самым, что для нас служило бы при настоящем тщании и радении источником пресладкого мира, радости в Духе Святом и даже источником здоровья телесного, ибо слова молитвы, при службах и таинствах, читаемые с верою, благоговением, страхом Божиим, спокойно, горящим духом, имеют несомненное и чудное свойство вместе с душою оживотворять, укреплять и исцелять и самое тело наше. Это дознано опытом. Тяжкий грех, говорю, потому что, совершая небрежно таинства, мы через то кощунствуем святынею Господнею... Думают ли нынешние христиане-лицемеры, что они лицемерно молятся и лицемерно живут? – Не думают. Они молятся ежедневно, может быть, долго, молятся по привычке, устами, а не сердцем, без сердечного сокрушения, без твердого желания исправления, чтобы только исполнить заведенное правило и мнят *службу приносить Богу* (Ин. 16, 2), тогда как молитвою своею они навлекают на себя только гнев Божий. Все мы больше или меньше грешны в том, что лицемерно молимся, и примем за это великое осуждение».

Но если долговременное служение Богу ведет к привычке, а привычка может вызвать формальное, чисто внешнее и лицемерное исполнение религиозных обязанностей, то возникает важный вопрос: как избежать этой опасности? Ибо если этого мы сделать не сумеем, то печальный конец нашей духовной жизни неизбежен.

Ответ на этот вопрос заключается отчасти в вышеприведенных словах кронштадтского пастыря: при настоящем тщании и радении таинства, службы, молитвы служат источником мира, радости в Духе Святом и даже источником здоровья телесного.

Для одних они служат, таким образом, благословением, на других навлекают проклятия. Все зависит от отношения к ним человека.

Если христианин не вкладывает в свое служение Богу всего внимания, всего рвения, всей сердечной теплоты, на которую способен, то в нем скоро начинает развиваться привычка к небрежному и поверхностному исполнению религиозного долга. До этого человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к которому надо всегда принуждать себя, ибо Царствие Небесное, сказано, нудится, он начинает больше молиться устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче, и, наконец, при усиленной борьбе плоти и диавола, молится устами, не доводя до сердца силы слов молитвенных. Что сказано о молитве, то следует сказать и о причащении Святых, Бессмертных и Животворящих Тайн. Часто сначала человек причащается с живою верою, с чувством любви и благоговения, а потом, при непрестанном противодействии плоти и диавола истине Божией, уступает им победу над собой и причащается лицемерно... Это же бывает и с таинством покаяния. Это же бывает и со всеми проявлениями религиозной жизни, если христианин не принуждает себя к напряжению духовных сил.

Так создается гибельная привычка. Но привыкнуть можно и к дурному, и к хорошему. Можно привыкнуть к небрежности, и тогда вся религиозная жизнь становится холодной и мертвенно-формальной. Животворящий дух, таящийся в святых словах молитвословий, в таинствах и в других религиозных формах, не проявляет себя для души нерадивой, ленивой и холодной и на нее не действует. Но можно, наоборот, создать себе привычку благоговейного, истового, сердечного исполнения всех религиозных обязанностей, и тогда для нас откроется в них неистощимый родник благодатной силы, оживляющей и укрепляющей в жизнь духовную. Отсюда вывод: если мы хотим избежать духовного огрубения, если хотим, чтобы молитвы, таинства, обряды, весь ритуал религии не потерял для нас от частого повторения Духа жизни и не превратился в пустую формальность, ничего не говорящую душе, если хотим, наконец, чтобы самые добродетели наши, если таковые имеются, не превратились в лицемерное ханжество, то средство против этого состоит прежде всего в том, чтобы с самого начала духовной жизни исполнять все, чего требует христианский долг, с величайшей старательностью и вниманием, с напряжением всех духовных и физических сил, не позволяя себе разлечения и небрежности.

Здесь нет мелочей, не стоящих внимания, ибо из мелочей создается великое, весь тон духовной жизни, и поэтому каждая подробность требует тщательного и аккуратного выполнения. *Бог поругаем не бывает*, и самая незначительная небрежность в отношении к Нему непременно отразится ущербом в вашей духовной жизни. Поэтому что бы вы ни делали в деле служения Ему, делайте изо всех своих сил; то, что сделано кое-как, никогда не бывает сделано правильно. Требуется добросовестное делание.

А для того, чтобы поддерживать в себе эту ревность и не ослабевать, надо иметь всегда живую веру, что Бог наш в Троице покланяемый, Отец, Сын и Святой Дух, всегда с нами, взирает на нас и по первому слову нашей искренней молитвы о помощи готов помогать нам в святом деле. Помятуя, что Вседержитель всегда с нами, и имея Его самым делом в мыслях своих, отвергая от сердца своего всякие помыслы, сомнения житейские, попечения и пристрастия, мы всегда будем достойно совершать Божие дело. Наиболее ярким примером такого добросовестного делания являются ученики и апостолы Господа, как это видно из 8–9 стихов 6 главы. Отправляясь на проповедь, они не берут ничего в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, ни двух одежд, обуваются в простую обувь. Ничто не должно им мешать, ничто не должно связывать и отвлекать от того дела, на которое Господь их посылает. Все внимание, все силы, все их существо отдается исключительно Богу и Божью делу.

Этот пример должны и мы постоянно иметь перед глазами и помнить грозное предостережение: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно.*

Глава 6, 14-29

В истории казни Иоанна Крестителя, о которой повествует святой евангелист, перед нами рисуется трагическая фигура Ирода, убийцы Великого Пророка.

Это не был Ирод, избивший младенцев в Вифлееме, в тщетной надежде погубить Иисуса. Тот, как мы знаем, умер еще во время пребывания святого семейства в Египте.

Ирод, убивший Иоанна Крестителя, был так называемый Ирод Антипа четвертовластник, или тетрарх Галилеи, человек, быть может, не столько порочный, сколько слабый по характеру. Совершенное преступление терзало его. Он не мог забыть Иоанна. Только вследствие своей слабохарактерности не угрызения совести испытывал он, а непреодолимое чувство боязни. Кровавый призрак обезглавленного Пророка преследовал его. Когда он услышал о Господе, о Котором в народе шли горячие споры, его первая мысль, навеянная испугом, была, что это воскрес убитый Иоанн. В лице вновь появившегося Пророка он боялся найти мстителя за пролитую кровь, и эта боязнь была тем сильнее, что он вполне сознавал несправедливость казни Крестителя. Только фатальное сцепление обстоятельств привело его к этому преступлению, допущенному им против воли. Несмотря на суровые обличительные речи Иоанна, направленные против Иродиады и тетрарха, последний в глубине души уважал своего обличителя, ибо знал, что он – муж праведный и святой. Поэтому, даже заключив его в темницу по настоянию Иродиады, он берег его, с удовольствием слушал его и много делал по его совету. Когда Соломия, дочь Иродиады, потребовала от него голову Иоанна Крестителя, правитель опечалился. Как же случилось это? Как допустил Ирод это убийство? Как мог дойти он до такого состояния, что вопреки своим сердечным склонностям принужден был согласиться на страшное требование Соломин и по ее приказанию отрубить голову Пророку?

Попробуем заглянуть в эту темную душу и проследить, как постепенно назревало здесь преступление, вызванное страстью, и как разгоралась и укреплялась сама страсть. Выяснить законы развития порока и страсти для нас очень важно, ибо в душе каждого человека они действуют приблизительно одинаково, и на примере Ирода мы можем выяснить условия наших собственных падений.

Дело начинается похотью, нечистой любовью к Иродиаде, снохе Ирода, жене его брата Филиппа. Нисколько не заботясь о том, чтобы остановить развивающуюся преступную страсть, Ирод скоро переходит к делу, легко переступает через первое препятствие и жену брата своего делает своей женой. Этот первый шаг уже достаточно ясно показывает, насколько развилась страсть в его душе, ибо сила страсти измеряется величиной преодолеваемых ею препятствий; другими словами, чем труднее препятствие, побежденное страстью, тем о большей силе страсти это говорит. Но, победив первое препятствие, Ирод сейчас же встречается с другим – обличительною проповедью Иоанна Крестителя, который говорил Ироду: *не должно тебе иметь жену брата твоего.* Эти упреки, несомненно, имели для Ирода больше значения, чем неловкость перед братом и боязнь общественного мнения, которое, благодаря подобострастию его руководителей – фарисеев и саддукеев, легко было заставить молчать. Принудить к молчанию неподкупного Иоанна или заставить его смягчить прямолинейный тон обличений оказалось невозможным. Кроме того, и на совесть самого Ирода эти суровые речи должны были оказать большое влияние, ибо Ирод питал к Пророку невольное уважение и, несомненно, считался с его мнением. Но тем не менее и это новое препятствие не могло принудить его переломить свою страсть. Более того: он не только не отступает перед ним, но, подстрекаемый Иродиадой, берет под стражу Пророка, которого

уважает, и заключает в темницу – яркий показатель того, как далеко зашла его страсть. Наконец, в сцене с Соломией он уже почти совсем не владеет собою. Напряженное до последней степени сладострастие отуманивает его, и он дает свою безумную клятву. Он уже полный раб страсти! Так при отсутствии сопротивления усиливается страсть, захватывая в свою деспотическую власть человеческую душу. Наряду с этим мы замечаем и другое явление: один вид допущенного греха вызывает множество других. В данном случае вслед за блудною похотью является вероломство по отношению к брату, кровосмесительное прелюбодеяние, несправедливость, жестокость, насилие по отношению к Иоанну, суетная клятва, тщеславие перед гостями, ложное самолюбие и, наконец, убийство. Как будто за первой змеей пробудившейся страсти, сознавшей свою силу, сразу начинает шипеть и шевелиться целая стая других змеек, до сих пор мирно дремавших в душе. Наконец, нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что искушения, представляющиеся Ироду, становятся все серьезнее, а преступления тяжелее. Как будто идет проверка, до какой степени падения может дойти этот человек, подчинившийся пороку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.